Департамент культуры города Москвы
Управление культуры ЦАО города Москвы
Библиотека истории русской философии и культуры
«Дом А.Ф. Лосева»
Культурно-просветительское общество «Лосевские беседы»

Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева»

Выпуск 8

Водолей Publishers
Москва
2009

ББК 74.58
Б 23

Бюллетень Библиотеки
истории русской философии и культуры
«Дом А.Ф. Лосева»
Вып. 8

Издается с марта 2005 г.

Председатель редколлегии: *В.В. Ильина*
Главный редактор: *Е.А. Тахо-Годи*
Редколлегия: сотрудники сектора изучения наследия А.Ф. Лосева Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева»
Фотохроника: *Е.Б. Виноградова*

Полное или частичное воспроизведение материалов допускается только с разрешения Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева».
Ссылка на Бюллетень обязательна.

Адрес редакции:
119002, Москва, ул. Арбат, д. 33/12,
Библиотека истории
русской философии и культуры
«Дом А.Ф. Лосева».
Тел/факс: (8-499) 252-82-72

На 4 стр. обложки: Экскурсия к памятнику А.Ф. Лосева

© Библиотека истории русской философии
и культуры «Дом А.Ф. Лосева», 2009
© Водолей Publishers, 2009

В.В. Ильина

МЕСТО БИБЛИОТЕКИ В СОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ СТОЛИЧНОГО МЕГАПОЛИСА

Столичный мегаполис сегодня представляет собой конгломерат активно протекающих социальных и культурных процессов. Сложные взаимоотношения разных социальных институтов и групп, проявления кризисных явлений отражаются на различных культурных институтах, в число которых входят библиотеки. Для одной части населения жизнь в мегаполисе отличается динамизмом и разнообразием предложений, для другой – абсолютным однообразием и статичностью. Хлынувшее в город огромное количество мигрантов, носителей своей культуры и своего уклада жизни, вызывает непонимание и неприятие коренных москвичей, встречные апатию или агрессию со стороны приезжих. Многим людям сегодня нужно осваивать новые профессии, учиться жить в жестком, порой агрессивном мире: уметь не только использовать преимущества, но и преодолевать сложности проживания в большом городе: стрессы, конкуренцию, социальное и имущественное расслоение, в том числе неравенство в доступе к информации, культурным ценностям, разнообразии в проведении досуга и т.п.

Библиотека как старейший социальный институт не может не учитывать в своей деятельности:

– тотального присутствия электронной информации в жизни каждого человека;

– проникновения Интернета в повседневную жизнь людей;

– стремительного развития мобильной связи;

– глобализации, усреднения стандартов жизни современного человека, независимо от места проживания, национальности, пола и возраста;

– острого дефицита свободного времени;

– разрушения традиционных форм и каналов коммуникации.

Цель моей статьи – показать, 1) какое место занимает сегодня библиотека в социальных и культурных коммуникациях жителей столичного мегаполиса, 2) какие изменения произошли в последнее десятилетие в библиотеках в ответ на вызовы времени, 3) какие новые библиотечные коммуникативные практики применяют современные библиотеки в ответ на эти изменения.

В последние несколько лет в литературе все чаще обсуждаются вопросы трансформации культурной коммуникации в современном мире, трансформации самой культуры и общественных культурных институтов. Применительно к библиотекам эти вопросы достаточно подробно были рассмотрены в монографии Е.Ю. Гениевой «Библиотека как центр межкультурной коммуникации». Совершим некоторый экскурс в рассмотрение понятий «Социальные и культурные коммуника-

ции», дав обзор основного понятийного аппарата, осмысленного в этой книге.

Под социальным институтом Е.Ю. Гениевой предлагается понимать устойчивую форму организации совместной деятельности людей, характерную для определенной исторической эпохи, страны, сообщества. Социальный институт включает: 1) определенную систему ролей, норм и статусов, принимаемую входящими в него индивидами; 2) совокупность обычаев, традиций и правил поведения; 3) формальную и неформальную организационную структуру; 4) обособленный комплекс социальных действий. В соответствии с устоявшейся традицией выделяется пять основных форм социальных институтов: 1) институты семьи и брака; 2) политические институты; 3) экономические институты; 4) институты образования; 5) институты религии. К институтам образования традиционно относятся специализированные институты: институт науки, музеев, театров, библиотек, т.е. те из них, которые участвуют в формировании и передаче знаний, культуры. Когда общественные институты перестают соответствовать какой-либо общественной потребности, возникает дисфункция социального института. Дисфункция может выражаться в потере или неопределенности целей, падении престижа института и т.д. Институты культуры как социальные образования выполняют задачи по социализации членов общества. Культурологи констатируют, что в настоящее время большинство культурных институтов, продолжающих функционировать в рамках устоявшейся традиции, столкнувшись с изменившимися требованиями жизни, испытывают значительные трудности. Ситуация, в которой они находятся, определяется как кризис.

Первая причина его в изначально противоречивой структуре любого культурного института. Так как институты культуры являются относительно «замкнутыми» структурами, где есть не только ценности и идеалы, но и антиценности и антиидеалы. «Нормативная недостаточность» может привести к росту преступности и падению нравственности, а «нормативная избыточность» ограничивает свободу, инициативность, творческую деятельность. В эпохи стабильности и относительной однородности культурного пространства дисфункции носят частный характер и не приводят к разрушению его основ, они скорее корректируют это пространство, заставляя обращать внимание на «маргинальные» процессы, вписывать их в общее культурное поле. Однако существуют эпохи, когда дисфункции культурных институтов ощущаются повсеместно, носят тотальный характер. Подобный пример представляет и наша современность, характеризующаяся кардинальной сменой потребности общества, в этом *вторая причина* современного кризиса культурных институтов. Особенностью современной эпохи является то, что она является ареной сразу двух революций, ментальной и технологической, первая связана с процессом глобализации и формированием новой «плюралистической» культурной парадигмы, а вторая – с последствиями техногенного взрыва в сфере коммуникаций.

Последствия глобализации могут рассматриваться не только с отрицательной стороны как приводящие к унификации всего и вся, обедняющие самобытность национальной культуры, *но и с положительной* **–** как интегративный процесс, как формирование и постоянное расширение общего «словаря бытия», охватывающего все человечество, как процесс формирования общего поликультурного пространства. Мы являемся свидетелями *смены культурных парадигм: от эволюционистской*, где большое внимание уделялось определению и сохранению «классических форм» культуры, их унификации и «музеефикации» культурных феноменов (что очень созвучно идее создания мемориальных библиотек), *к плюралистической*, представители ко-

торой исходят из идеи принципиальной множественности и многообразия культур.

Особую роль в осмысление плюралистической парадигмы внесла теория «мозаичной культуры» Авраама Моля, который развил концепцию Маршалла Маклюэна о смене «механической» культуры «эпохи Гуттенберга» культурой электронной. Эта теория интересна тем, что объясняет фундаментальный кризис, испытываемый современными культурными институтами, не только изменением мировоззренческих установок, но и увеличивающимся влиянием на них новых видов коммуникации. Сегодня набирает силу «плюралистическая парадигма», которая в современном мире СМИ и электронных коммуникаций обретает вид «*мозаичного сознания*».

Принципиальные отличия сводятся к тому, что предшествующая культура «была сформирована под воздействием рационально организованного процесса познания», которая предполагала, что уровень знаний зависит от их количества, отсюда ориентация на чтение книг, получение классического образования, оно обусловило создание и структуру большинства культурных институтов – музеев, архивов, библиотек, которая определяет их функции до настоящего времени. Кризис, испытываемый современными культурными институтами, обусловлен, таким образом, еще и тем, что они очень крепко укорены в социальной практике прежней мировоззреческой парадигмы, они по-прежнему во многом являются «охранителями традиций» и не решают проблемы развития. *Отказ от этой парадигмы воспринимается многими как крушение целого пласта гуманистических ценностей.*

В то же время «мозаичная культура» становится все более распространенной. Рядом с традиционными институтами учреждаются, как констатируют М. Пахтер и Ч. Лэндри новые – конкурентные образования: «экспозиционная функция музея, поисковая функция библиотеки, зрелищная функция театра могут быть реализованы и успешно реализуются в мире розничной торговли». По мнению И.Д. Каландия, «мораль, религия, философия и культура "ригористического типа" не срабатывают в условиях полисубъектной социальности, когда разнообразие жизненных укладов и философских структур стало состоявшимся фактом, и, тем самым, классический просвещенческий ход оказывается несостоятельным

Помогает уяснить сущность переходной эпохи *семиотическая теория стилей***,** разработанная Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским[1], указавшими на два противоположных типа культур – моностилистическую и полистилистическую. *Моностилистическая культура* характеризуется тем, что можно выделить «сакральное ядро» – набор постулатов и критериев, признающихся непререкаемыми, истинными, не поддающимися переосмыслению. Она иерархична, на вершине находятся «культурные эксперты», они вырабатывают схемы и правила культурной интерпретации. Моностилистическая культура подчиняется строгому порядку организации во времени и пространстве, текущая деятельность не может быть спонтанной, четко привязана к календарным датам, например, к календарю знаменательных дат, в четко организованном пространстве, только в стенах библиотеки. Она культивирует канон, строгое разделение жанров (например, библиотечная деятельность, музейная, просветкультура и т.д.). *Полистилистическая культура* – не имеет «сакрального ядра»; принципиально деиерархизирована (отказывается от услуг экспертов), *тотально деканонизирована (это и библиотека, и музей, и архив, и культурный центр и т.д.),* характеризуется неупорядоченностью во време-

[1] *Лотман Ю.М., Успенский Б.А*. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца 19 века)// Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 414. – 1977. С. 3–36.

ни и пространстве. Наиболее характерной приметой полистилистической культуры становится не «исключение», а «включение» в себя всевозможных культурных феноменов, т.е. установку на «культурную терпимость». Исторической смене моностилистической культуры полистилистической соответствует на коммуникативном уровне смена «гуманитарной культуры» культурой «мозаичной».

Все это приводит современных культурологов к мысли о необходимости коренных преобразований современных институтов культуры, которые, чтобы выжить и сохранить связь с реальной, изменившейся действительностью, должны изменить свои приоритеты и функции. Еще в 1960-е годы власти Франции обратили внимание на то, что несмотря на обилие культурных институтов, в стране наблюдается массовое охлаждение к ним публики, а как реальное следствие – падение грамотности, интереса к чтению, посещению культурных учреждений в целом. Теоретики объяснили эти явления тем, что библиотеки, музеи и т.п. полностью игнорируют реальные проблемы и потребности многих социальных групп – молодежи, местных сообществ, этнических меньшинств. Складывалась ситуация, когда культурная политика подменяла идеи развития культуры во имя развития личности идеями навязывания старых стереотипов монолитной культуры.

Основными параметрами, включаемыми в теоретическое осмысление культурного процесса, становятся «активность» субъектов культурного действия и выработка механизмов реорганизации на этой основе новых культурных институтов. *Мир не возникает путем постепенного накапливания знаний, опытов и артефактов по заданной модели, а активно конструируется самими людьми в ходе их социальной деятельности; культурные смыслы не «привносятся сверху», а возникают в процессе социального взаимодействия.*

Культура активно формируется индивидами в процессе их общения, поэтому имеет смысл обратить внимание на процессы социальной коммуникации. Коммуникация – это «социально обусловленный процесс обмена информацией различного характера и содержания, передаваемой целенаправленно при помощи различных средств, который имеет своей целью достижение взаимопонимания между партнерами и осуществляется в соответствии с определенными правилами и нормами»[2]

Таков культурологический анализ современной ситуации. Взяв за основу этот метод, попытаемся понять, что же сегодня происходит – и в конкретной библиотеке, и с таким социальным институтом как библиотека в целом.

Возникнув в начале 2000-х годов, Библиотека «Дом А.Ф. Лосева» сразу же ощутила на себе заметное влияние кризиса такого культурного института, как «библиотека». Приведем характерные высказывания огромного числа москвичей, являющихся и не являющихся читателями библиотеки: «А что, библиотеки еще существуют?», «А кто Вас финансирует? Государство?», «А Вы все еще можете покупать новые книги?», «Чем Вы сегодня живете? Арендой?» и т.п. Искреннее изумление вызывает у людей то, что почти все услуги предоставляются библиотекой бесплатно, что здесь чисто, красиво, современно, что в библиотеке быстрый Интернет, бесплатный доступ к дорогостоящим

[2] *Садохин А.П*. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Юнити, 2004, С.71–75.

базам данных, бесплатные концерты, лектории, посещение конференций и научных семинаров, презентации книг и экскурсии по музейно-мемориальной экспозиции и т.д. Это все вступает в конфликт *со сложившимися представлениями современного человека о сегодняшнем жестком рыночном времени, когда за все нужные тебе услуги ты должен заплатить, а все государственное «дурно пахнет».* Второй стереотип, продолжающий жить в современном обществе, – это то, что **«***все диктуется сверху и сверху же жестко контролируется***»**. Характерные высказывания на эту тему: «Кто определяет списки, приобретаемых библиотекой книг? Государственные чиновники?», «Кто определяет выбор тематики мероприятий?», «С кем согласовывается список выступающих?». Даже за обычной процедурой регистрации, пришедших на мероприятие, такие посетители усматривают тотальный контроль государства, спецорганов. Явно, что одна из причин недовостребованности библиотек как культурных социальных институтов сегодня заключается в том, что сегодняшняя библиотечная практика, зачастую не соответствуют общественным стереотипам: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда!», «Глазам своим не верю!» и т.д. Другая причина в том, что в советские годы библиотеки действительно находились под жестким государственным контролем и обходились скудным государственным пайком. Теперь люди нашли замену библиотекам, приобретая книги в магазинах по своему вкусу, выбирая место проведения досуга, поиска необходимой информации. Тем более, что торговые сети, развлекательные учреждения, Интернет предоставляют для этого самые широкие возможности. Все в большей степени оказались востребованы сегодня не столько традиционные библиотечные ресурсы (книжный фонд, например), а те коммуникативные возможности, которые может предоставить библиотека своим пользователям, жителям столичного города.

Проживание в столичном городе имеет свои несомненные плюсы. Это и возможность получить интересную, высокооплачиваемую работу; и более высокий уровень жизни; возможность получения образования в известных и престижных учебных заведениях; более широкий культурный выбор (например, возможность купить любую книгу, т.к. более 80% издающихся в стране книг выходят в Москве и Санкт-Петербурге); большие возможностей для просвещения и самообразования: можно более интересно и разнообразно провести досуг (большое количество учреждений культуры – музеев, театров, библиотек и т.д.); доступнее современные средства связи и информации (компьютеры, Интернет, мобильные телефоны и проч.). Однако у жителей столичного мегаполиса и немало проблем. Одним из самых тяжелых из них является социальное неравенство, и прежде всего, имущественное. Это касается не только доступности качественных образовательных и культурных услуг, но и качества и разнообразия потребляемых продуктов, услуг здравоохранения, что особенно важно для пенсионеров, безработных, инвалидов, многодетных семей и семей-одиночек, мигрантов. Серьезные экологические проблемы, острая нехватка свободного времени, проблемы транспорта, острая проблема жилья, огромная конкуренция между людьми, в частности, в получении высоко-

оплачиваемой, престижной работы, что оказывает серьезное психологическое воздействие на молодежь, людей активного трудоспособного возраста. В постперестроечные годы добавились проблемы мигрантов, людей с иной культурой, иным языком, по большей части не желающих ассимилироваться, живущих по своим законам, замкнутой социальной общностью, часто эти люди живут неустроенной бытовой жизнью. В столичном мегаполисе очень серьезной оказывается проблема удаленности большого числа жителей от культурного центра города, так называемая «проблема спального района», когда большая часть москвичей, привыкших к определенным культурным стандартам, оказалась физически удалена от культурных центров.

Социологи фиксируют, что в столичном городе присутствует серьезное социальное напряжение, которое приводит к локальным социальным взрывам и конфликтам, деструктивному поведению части горожан, росту преступности и депрессии. Особенно проявляются эти негативные явления в период кризиса, который сегодня переживает население нашей страны.

Поэтому так важно сегодня обратить внимание на те социальные и культурные адаптивные механизмы, которые помогут людям выжить, побороть депрессию и одиночество, найти интересную работу, получить образование, заняться самообразованием, самовыразиться. К ним несомненно можно отнести коммуникативные регуляторы. Не случайно сегодня оказались наиболее востребованными именно коммуникативные возможности, которые может предоставить библиотека. Более половины посетителей библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» в 2008 году – посетители мероприятий библиотеки, многие из которых носят диалогичный характер, где участники одновременно являются и

Коммуникации принято подразделять на:

– межличностные, в том числе межгрупповые – в непосредственном общении людей в ситуации «лицом к лицу»;

– массовые – осуществляются на уровне различных социальных субъектов с помощью технических средств, обычно взаимодействие анонимно;

– межкультурные – особая форма общения двух и более представителей различных культур, в процессе которой «происходит обмен информацией и культурными ценностями взаимодействующих культур».

Какие наиболее существенные факторы оказывают наиболее серьезное влияние на коммуникации жителей мегаполиса? Какие коммуникации преобладают и дефицит каких коммуникаций в большей степени испытывают жители большого города? На наш взгляд, наибольший дефицит испытывают горожане в межличностной, в том числе межгрупповой коммуникации. Преобладает же автономная, массовая коммуникация, существует острая необходимость, учитывая большое желание наших людей видеть нашу страну, открытой миру, а также огромное число мигрантов, проживающих в столице, в обучении навыкам межкультурной коммуникации.

Какое место сегодня занимает библиотека как социальный институт в столичном городе? Какие функции выполняет?

Библиотека сегодня это:

– источник информации;

– социальный институт, содействующий образованию и самообразованию, первичной социализации человека;

– место, где возможна самореализация (например, Клубы по интересам);

– учреждение, где созданы условия для приобщения к национальной культуре, для обучения русскому языку;

– место, где осуществляются межличностные коммуникации, благодаря диалогичной природе библиотек, открытости и приятию самых разных людей и мнений;

– место, где возможно сглаживание социального неравенства в проведении интеллектуального досуга.

– место, где люди могут развивать определенные навыки, называемые «коммуникативной компетентностью» (термин Е.Ю. Гениевой).

Важную роль в коммуникациях играют наличие или отсутствие коммуникативных барьеров. Снять эти барьеры помогает коммуникативная практика, своеобразные коммуникативные тренинги. Современные библиотекари стремятся создать для читателя безбарьерную среду, погрузить читателя в ситуацию свободы выбора. В западных библиотеках это по технологическим причинам происходит удачнее, в российских – более робко. Но уже сейчас абсолютно ясно, что без максимальной автономности читателя, число посетителей будет сокращаться, т.к. это противоречит потребности современного человека, особенно столичного жителя, к автономности, отсутствию институционального и бюрократического контроля и т.п.

Однако в российских библиотеках не в меньшей, чем западных, предоставляются возможности разнообразного проведения интеллектуального и культурного досуга. В библиотеках Москвы все чаще предоставляются читателям возможности для самореализации через организацию самодеятельных клубов по интересам, самоорганизацию читательских групп. Общение в библиотеках все больше приобретает клубный, межличностный характер. Все чаще читатели сами предлагают темы для обсуждения, а часто сами ведут мероприятия, привлекая как лекторов, так и саму публику. Библиотекари зачастую уходят в тень, предоставляя читателям самим быть активными субъектами библиотечной жизни. Примером могут служить и «Дом А.Ф. Лосева»: деятельность общественного Научного совета Семинара «Русская философия: традиции и современность», Координационный совет Семинара «Московские философские библиотечные вечера», организация встреч в цикле «Знакомьтесь, исследователь», киноклуба «Русские мыслители», ведущим которого является один из членов Культурно-просветительского общества «Лосевские беседы». Новая форма обслуживания научных работников «Кабинет исследователя», которая сегодня только начинает практиковаться в Лосевском читальном зале, также предполагает создание безбарьерной среды.

Культурная и научная жизнь «Дома А.Ф. Лосева»

День памяти А.Ф. Лосева: К 20-летию кончины (торжественное заседание 24 мая 2008 г.)

Е.А. Тахо-Годи: Дорогие друзья! Сегодня и радостный, и печальный для нас день. Радостный, потому что за минувшие двадцать лет со дня смерти Алексея Федоровича его имя и труды знают больше и лучше, чем знали при его жизни. И это не может не радовать. Но тем не менее вспоминать об Алексее Федоровиче сегодня невозможно только радуясь, особенно – для его близких. Сегодня день памяти, день смерти, и мы тоскуем о тех, кто не с нами, кто нас оставил. Не буду говорить о своих собственных чувствах. Хочу передать слово Азе Алибековне Тахо-Годи.

А.А. Тахо-Годи: Дорогие друзья! Как сказала правильно Елена Аркадьевна, мы вспоминаем сегодня Алексея Федоровича. Двадцать лет тому назад, 24 мая – День святых Кирилла и Мефодия, равноапостольных просветителей Руси, – совпало с большим праздником: начинались торжества в связи с 1000-летием Крещения Руси. Я не знаю, помнит ли кто-нибудь этот день 1988 г. из здесь присутствующих. Роскошные были дни, великолепные, солнечные, синий воздух дышал ландышем и сиренью, соловьи распевали...

Алексею Федоровичу и его современникам выпала тяжелая судьба. Ничего не скажешь, им пришлось жить в грозный XX век, когда творческий дух рвался на свободу, но его сковывали стальные оковы насилия. Недаром Алексею Федоровичу принадлежат слова: «Я сослан в XX век…». Было время, когда не оставалось надежды на свободное слово и на независимую мысль. Как не вспомнить древнего поэта Гесиода и его повествование о Пандоре, которая открыла сосуд, и по миру разбрелись всякие ужасы и кошмары, а надежда осталась там, в этом самом сосуде… Само печатание книг для Алексея Федоровича было такое хождение по мукам, что даже и говорить об этом не хочется, настолько это было все тяжко. Радости никакой не было, даже если какая-нибудь книжка выходила.

Алексей Федорович уже давно покоится в Вечности, но, тем не менее, его земная жизнь, его биография продолжается. Недаром наш Круглый стол так и называется: «Биография продолжается». В евангельской притче о зерне говорится, что зерно может дать ростки и всходы, только умерев, только упав в землю. Что происходило с наследием Алексея Федоровича за минувшие двадцать лет, какие ростки и всходы появились после смерти мыслителя? Надеюсь, что участники Круглого стола смогут нам ответить на это.

Е.А. Тахо-Годи: Следующее слово по праву должно принадлежать Валентине Васильевне Ильиной, директору Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева». Если мы говорим о том, что произошло важнейшего за минувшие двадцать лет, то, помимо изданий книг и трудов Алексея

Федоровича, это, конечно, создание Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом Алексея Федоровича Лосева». Валентина Васильевна, пожалуйста!

В.В. Ильина: Мне сегодня говорить не просто. К сожалению, я не знала Алексея Федоровича лично. Но он – тот человек, делу которого мы служим, которого сегодня вспоминаем. Память человека так устроена, что значительные события, происходившие давно, как-то приближаются, и кажется, что происходили они совсем недавно. Двадцать лет в жизни человека – большой срок; в жизни истории – срок малый, может быть, всего мгновение. Но Алексей Федорович – личность-то историческая!

Может быть, по воле Провидения, но так случилось, что именно благодаря Алексею Федоровичу Лосеву теперь возрождается русская философия. «Дом А.Ф. Лосева», который Вы, Аза Алибековна, создали, который был открыт почти четыре года назад, ныне является одним из форпостов русской философии и русской культуры в нашей столице и на нашем Арбате. Библиотека «Дом А.Ф. Лосева» открывает русскую философию очень широкому кругу людей, от которых она была долгие годы закрыта.

Вы знаете, что «Дом А.Ф. Лосева» создавался с большими трудностями. Но теперь очевидно, что от его возникновения стало лучше русской культуре в целом. Библиотека реализует важные проекты, для каждого из вас она стала фактически своим домом, многие из вас представляли здесь свои книги, встречали новых издателей, приходили со своими идеями. Я думаю, что это очень хорошо, что существует такой Дом! Недаром многие из вас хотят передать сюда свои домашние библиотеки. К сожалению, у нас помещения для этого не очень много, но будем надеяться, что и это станет возможным. Ведь когда-то казались «невыполнимыми» те задачи, которые были поставлены Азой Алибековной: открыть Библиотеку, установить во дворе памятник Лосеву, открыть внизу лосевский музей, – казалось, что это все нереально! Так что будем верить, что библиотека личных собраний русских философов – проект, о котором мы сегодня думаем, – это тоже реализуемая вещь и, может быть, в недалеком будущем. Я надеюсь, что вы все готовы приложить силы, чтобы этот проект реализовался.

Существование Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева», как я считаю, – это достойное увековечивание памяти Алексея Федоровича. Лосев нам дорог и как человек, и как мыслитель, и как создатель книг, которые Библиотека не только может хранить, но, главное, – сделать доступными очень многим. Поэтому я думаю, что Алексей Федорович будет жить всегда! (Аплодисменты).

Е.А. Тахо-Годи: Надо сказать, что за минувшие двадцать лет вокруг имени Алексея Федоровича объединились и те люди, которые знали его лично, и те, которые его никогда не встречали. Правда, было и такое, что знавшие Лосева предавали его память. Мы были этому свидетелями за эти двадцать лет. Это было, и это печально. Тем более радостно, когда люди, казалось бы, ничем с Лосевым несвязанные,

оказывали поддержку, помощь, подключались к ежедневной, тяжелой и достаточно неблагодарной работе. Валентина Васильевна Ильина именно такой человек. Четыре года назад она пришла в этот дом, немного растерянная, не зная, что ее в этих стенах ждет, и вдруг поняла, полюбила новое для себя дело, оно стало для нее своим. Иногда возникает такое впечатление, что все эти двадцать лет она занималась с нами вместе, рядом той же работой, которая велась в память Алексея Федоровича Лосева.

Среди гостей в зале сидит академик Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов. Он представляет немаловажный форпост философии, не только русской, но вообще философии в Москве, и даже в стране – Институт философии. Мы всегда чувствуем поддержку Института философии во всех наших делах. Я хотела бы попросить Абдусалама Абдулкеримовича сказать хотя бы несколько слов.

А.А. Гусейнов: Размышляя над тем, каково особое место Алексея Федоровича в истории нашей философии, нашей современной философской жизни, хотелось бы отметить два очень важных момента. С моей точки зрения, широкое знакомство, печатание и исследование творчества Алексея Федоровича явление знаковое. За последние двадцать лет произошли очень большие изменения в нашей философии. В это время началось возвращение в нашу страну религиозной философии Серебряного века. Когда в 1922 г. русскую философию в буквальном смысле слова выслали из страны, она с западной философией не слилась (если не брать каких-то отдельных случаев). Она оставалась в эмиграции не только в «пространственном» смысле, но и по существу, оставаясь чужеродным для Запада явлением. И вот эта философия возвращается. Однако происходит неожиданная вещь: философия, которая во второй половине XX в. развивалась в нашей стране, не была поглощена возвратной волной русской религиозной философии. Начался странный и, как я думаю, до сих пор продолжающийся синтез, в целом продуктивный. Совершенно очевидно, что возвращение русской религиозной философии произошло так, будто ее здесь ждали. Когда я думаю, почему так произошло, мне кажется, что здесь решающую роль, если не единственную, сыграла именно фигура Алексея Федоровича Лосева, что именно он стал тем фактором, который позволил осуществить такое сравнительно безболезненное возвращение. Во-первых, из лосевского лона выросли исследователи, которые фактически развивались в духе традиций Серебряного века, имели определенную религиозную ориентированность, скажем, – Аверинцев, Бибихин, – целая плеяда людей, которые имели очень большое влияние. Во-вторых, сам тип философствования Алексея Федоровича, который уже был нами освоен. Это – очень важная вещь. Я вспоминаю вот что. Я учился на философском факультете МГУ с 1956 по 1961 год. Я не был каким-то блестящим студентом, но и не был отсталым, завалящим. За пять лет я ни разу не слышал имя Лосева. Никто нам не рассказал и не сказал, что есть Лосев, понимаете? И в общем он мог бы вот так остаться в стороне, но потом произошли изменения, потом появилась «Философская энциклопедия», потом появилась его «Исто-

рия античной эстетики», то есть он вошел в нашу среду. И вот эту объединяющую роль Лосев, как мне кажется, продолжает играть.

Скажу еще вот что. Я сегодня только что приехал из Санкт-Петербурга, был с утра на занятиях в университете, и все же для меня не было вопроса прийти на этот Круглый стол или нет. Помимо всего прочего, и по той причине, что я знаю, что здесь будут объединены люди, которых в таком составе сразу я нигде не встречу. Понимаете? И которые, именно в таком соединении, дадут некий образ нашей философии в ее современном виде. У меня нет никакого благостного представления, я понимаю, в чем противоречивость процессов, которые у нас происходят, и полагаю, что освоение философии и освоение наследия самого Алексея Федоровича – это далеко не законченный процесс. Но, тем не менее, я вижу, что идут процессы такого синтеза, и я считаю, что это Алексей Федорович сыграл тут решающую роль.

И еще один момент. Что значит в рамках развития философии в целом, в мире, тот факт, что русская философия развилась как религиозная философия, в то время, когда общий вектор философии в мире был совсем иным? Западная философия погружалась в иррациональные глубины – «философия жизни», Фрейд... Русская философия заявила какой-то другой путь. Что это означало? Это многое объясняет с точки зрения своеобразия русской культуры, цивилизации и т.д., но что это означало в плане, если хотите, общей судьбы философской, европейской философии, – все-таки русская философия к ней принадлежит?! Я стараюсь следить за исследованиями по истории философии, в том числе по русской философии, но я не нахожу ответа на этот вопрос. В моем понимании, философия – это не только особый род познания. Философия, во всяком случае в античности, о себе заявляет, как особый образ жизни, особый тип жизни. Это понимание философии потом постепенно исчезает. Когда появляется религиозная философия, то она воспринимает вот эту функцию философии как особого образа жизни. Недаром они говорят, что вера христианская – это и есть наша философия… Потом, в ходе развития философии Нового времени это понимание, это особая функция философии, философии как особого образа жизни, философии как жизненной позиции, исчезает. Философия не то что деградирует, но она начинает сливаться с методологией познания. И вот мне кажется, что в такой форме, в форме религиозной философии, русская философия пытается сбалансировать этот крен – философию как методологию и, тем самым, сохранить в целом, в рамках европейской философии, особое понимание философии как особого образа жизни, жизненной позиции. Мне кажется, что такое понимание русской философии может быть аргументировано, если мы будем отталкиваться именно от философского творчества Лосева или от философии Вл. Соловьева, так как они более других дают основание для того, чтобы вести размышление в этом направлении.

Вот все, что я хотел сказать, и конечно, – в высшей степени согласиться с тем, что сказала Аза Алибековна, – что биография Алексея Федоровича, его интеллектуальная биография, его философская биография, – всегда продолжается, и не просто продолжается, а даже набирает силу!

А.А. Тахо-Годи: Спасибо! (Аплодисменты).

Е.А. Тахо-Годи: Биография продолжается… Но не меняется ли наше представление о человеке, которого мы знали? Я хотела бы, Петр Васильевич Палиевский, задать этот вопрос Вам. Для Вас облик Алексея Федоровича за эти двадцать лет изменился или остался таким же, каким он был, каким Вы его знали? Или за эти двадцать лет Вы узнали что-то новое об Алексее Федоровиче? Или Вы получили подтверждение того, о чем Вы знали, о чем догадывались? Или эти двадцать лет в Вашем представлении о Лосеве ничего не изменили? Мы хотели бы, чтобы Вы рассказали нам всем об этом.

П.В. Палиевский: Я думаю, что сегодня – все-таки более радостный день, чем печальный. Не знаю, как другие, а для меня за минувшие двадцать лет фигура Алексея Федоровича просто выросла. Об этом многие и не подозревали, и можно сказать, что и я масштабы этого личного роста просто не увидел, не подозревал. Произошла совершенно замечательная вещь! Создан Дом Лосева – Дом Растущей Мысли! Это – не музей-квартира, это – не музей какого-то там, понимаете, деятеля или мыслителя, это – Дом Растущей Мысли, который объединяет в себе, действительно перекрещивает людей самых разных, удивительно разных направлений, и даже противостоящих друг другу, если угодно.

Обширность мысли Лосева, обширность этого человека, была, конечно, и тогда нам заметна, но она стала раскрываться только сейчас, со временем. Теперь мы видим, до какой степени Лосев, как мыслитель, невероятно разнообразен, причастен почти всем, да можно сказать, всем направлениям развития мысли, когда-либо существовавшим в нашей стране и в мире, причастен тем, что он каким-то образом внес туда свой вклад, их продолжил, хорошо как-то изнутри, а, вместе с тем, обладал неким центром, стягивающим эти направления в какое-то одно главное. Этот единственный главный, стягивающий нас всех центр – есть основная проблема, основная загадка и основная надежда для нас в будущем, при всем разброде, развале и разрыве существующих сейчас в мире и, главное, в нашей стране фундаментальных понятий.

Для меня, например, признаком такого роста была изданная в прошлом году Азой Алибековной и В.П. Троицким книга «Лосев. Из творческого наследия» в издательстве «Русский міръ». Это – совершенно поразительное издание! Там, во-первых, собраны, выбраны ключевые, главные направления лосевской мысли, в самых характерных, самых острых и четко обозначенных им направлениях, и одновременно дана личность Лосева, как человека, объединяющего внутри все эти направления, и система разброса мнений, мировых и наших отечественных, вокруг этого центра. Вы видите, как пеленгуется этот самый центр с разных точек зрения, однако никак однозначно не выражается, и в то же время реально видеть, что он существует, что он существует и движется среди всех нас, причем – не просто в каком-то там отрицании, допустим, или в утверждении и возрождении того, что

было. Нет, – в виде чего-то перспективно нового! Я думаю, что Лосев не совпадает с теми прозелитами православия, которые шарахнулись в сторону, так сказать, религиозности, в отличие от господствовавшего официально (и неофициально) в нашей стране материализма. Здесь было что-то гораздо более сложное и интересное.

Если Лосев выталкивался официальной материалистической философией из своего круга, то сам он, напротив, – удивительная вещь, – включил эту материалистическую философию в свой круг рассмотрения как некое начало, которое имеет право на существование в мысли и имеет место, совершенно точно указал, какое оно место занимает (об этом я сейчас не буду говорить), как нужно с ним считаться. Некоторые новейшие прозелиты православия, которые, так сказать, начали свою войну против нашего недавнего прошлого, воображали, что Лосев употребляем марксистскую терминологию только потому, что он с кем-то там вынужден считаться, приспосабливаться к условиям, т.е. как в стихах у Тургенев: «… сжег все, чему поклонялся, // Поклонился всему, что сжигал»… Нет, он просто нашел место! Он нашел для нас в своих замечательных сочинениях некое, совершенно новое решение соотношения материализма и идеализма, этих двух, так сказать, противостоящих, с точки зрения марксизма, непримиримых течений. Для него этот вопрос встал совершенно иначе. Он (это видно, например, из последних интервью Лосева Ростовцеву и Флоренскому-внуку) дал возможность понимать эти явления – кстати сказать, на абсолютно христианской точке зрения, на точке зрения живого Бога – в каком-то Целом, в каком-то развитии, в каком-то движении дальше, и дал нам возможность все-таки найти единую линию («генеральную линию», как говорили большевики») развития нашей мысли, и нашей истории, и нашей мысли! Эта генеральная линия все-таки существует, как бы там ни бросались, и ни сталкивали нас на всевозможные разрывы и взаимоуничтожения в разных направлениях, существовавших в России групп. У Лосева она явно просматривается. Теперь это видно, как никогда, как никогда!

Я думаю, что после такой фантастически замечательной книги, как этот изумительно точно составленный сборник лосевского наследия, мы все-таки нуждаемся в некоем собирании заново разнообразного Лосева, еще плохо известного, но реально для нас существующего центра его мысли. Для этого, – я говорил и говорю, – нам абсолютно необходимо его аннотированная большая библиография. Тогда мы получим возможность поиска не просто в перечне, в каталоге в библиотеках – мы увидим по каждому из направлений, в котором высказался Лосев, краткие аннотации, имена, тех, кто упоминается в его сочинениях. Это необходимо, чтобы иметь возможность самим понять, как прийти из этих направлений к их центру. Это совершенно необходимо. Только тогда произойдет то, о чем говорил Дмитрий Иванович Менделеев в замечательном сочинении «К познанию России» (однажды мне довелось беседовать на эту тему с Алексеем Федоровичем). Как сказал Менделеев, наш русский народ, занимающий середину Старого материка, народ с здравыми представлениями, способен довести до конца представление о единстве материи, силы и духа, в чем и

должно видеть истинное торжество реализма. Менделеев называл это реализмом. Вот это удивительное сращение в Лосеве материи, силы и духа, в его личности, в его направлении мысли – есть главное, чего мы должны держаться, и что, я надеюсь, выведет нас из нынешнего разброда! (аплодисменты).

Е.А. Тахо-Годи: Петр Васильевич Палиевский упомянул Павла Васильевича Флоренского. Ему и предоставляется следующее слово.

П.В. Флоренский: Сегодня во всенародном, культурном и административном смысле отмечается день славянской письменности. Сегодня официальное радостное самоторжествование в Твери. Туда много народу поехало. А отчего вы не поехали? Другое торжество есть – торжество здесь и на Ваганьково. В православной традиции отмечают (я бы не сказал, – празднуют) не день рождения, а день кончины. Православные отмечают день этот как главный, как день завершающий путь человека.

Сегодняшний день для нас важен с двух точек зрения. Здесь говорилось, что философия вернулась, что она пряталась на Западе, а потом вернулась. Нет, она была здесь, друзья мои! Все было нормально. Они вернулись – это их проблема! Ну хорошо, вернулись, рады им, – пусть они радуются. А мы здесь были. Здесь был Лосев. Понимаете – для загорания пожара не надо огнемета. Свечка. Искра. И все загорелось! Так вот, свечка у нас горела. Был Лосев! И вся философия у нас была! И все было! Все есть и было! Читали Лосева, читали других философов. Не все читали. И не надо всех. Понимаете, массовое явление – Маркса читали все. И проклинали. Достаточно одного – и возрождение! И вот эта свеча, которая горела очень устойчивым пламенем, была здесь, в этом доме. Это очень важно отмечать, и важно понимать, когда мы перечеркиваем свое прошлое, забывая о том, что в то же время было. А был Лосев, были многие и многие люди, которые его читали, почитали, прятали, наконец! Боялись, шепотом говорили. Находились, правда, которые писали предисловия, отечески похлопывая по плечу… Самое главное, что сейчас мы должны понять, как когда-то П.В. Палиевский говорил, это то, что русская философия, а значит, и Лосев «окопаться» в кабинете не может, – проверять начинают! На проверку! Лосев глубоко материален, как и положено христианину, поскольку Воплощение было во плоти. В каждом из нас девять миллиардов молекул воды, которые прошли через Тело Того, Кто был тридцать три года на Земле, и пил эту воду. Мы все наполнены Им, – материально! Вся плоть! Лосев был удивительно материальным человеком! – достаточно вспомнить его «сфинксовы лапища», его лицо, его любовь к шоколадным конфетам, трогательную детскую любовь... Но, слава Богу, и мы материальны. Слава Богу, мы здесь в этом доме, который освящен благоуханной Свечой. Слава Богу, что с нами – Аза Алибековна! Это – великое счастье, друзья! Радуйтесь! (Бурные аплодисменты). И слава Богу, что с нами Елена Аркадьевна! Впервые называю ее по имени и отчеству, помню ее с пяти лет, а сей-

час я уже перешел на имя-отчество! Давайте радоваться! (Бурные аплодисменты).

Е.А. Тахо-Годи: Спасибо, Павел Васильевич. Петр Васильевич Палиевский говорил о том, что вышла замечательная лосевская антология. Ректор Литинститута Борис Николаевич Тарасов недавно выпустил книгу, которая, по сути, является совмещением двух жанров: и антология, и исследование по русской мысли и философии. Туда вошла ранняя работа Алексея Федоровича, одна из первых его статей, которая так и называется: «Русская философия». Скажите, Борис Николаевич, когда Вы готовили эту книгу, – почему Вы выбрали именно эту работу Алексея Федоровича? Как это связано с Вашим представлением о Лосеве?

Б.Н. Тарасов: Дорогие друзья! Прежде, чем ответить на вопрос Елены Аркадьевны, я хотел бы поблагодарить Азу Алибековну. В Литературном институте мы стараемся хранить и память об Алексее Федоровиче, и память о Ваших лекциях в нашем институте. Вас очень хорошо, благодарно вспоминают. Многие выпускники нашего института написали воспоминания, которые в связи с 75-летием Литинститута будут выпущены. В очень многих текстах – имя Азы Алибековны. У нас недавно был президент Монголии, тоже наш выпускник, он тоже очень тепло отзывался об Азе Алибековне, хотел ее видеть на нашем собрании в институте, но по нездоровью Аза Алибековна не смогла присутствовать. Спасибо, Аза Алибековна, большое!

Теперь к вопросу Елены Аркадьевны о «Русской философии». Эта работа Алексея Федоровича – одна из тех редких работ, которые охватывают сразу и объем, и глубину русской философии, русской религиозной философии. Религиозная философия сейчас пытается выжить на фоне профессиональной (якобы) философии – теории познания, методологии, теории языка и прочих нелепостей современного профессионального философствования, считающего, что, дескать, это не философия – это литература, это философская беллетристика. На самом деле – дело обстоит как раз наоборот. Алексей Федорович подчеркивал онтологизм русской философии, ее открытость Бытию, то, что это не рациональная система.

Важность лосевской «Русской философии» заключается и в том, что она подчеркивает тот момент, который Достоевский назвал «тайной человека», – что есть человек: «свинья естественная», «свинья эпикурейская» – или образ и подобие Божие? Тут уместно вспомнить о лосевской «Эстетике Возрождения», анализ Лосевым того переворота, который произошел с переходом человечества к «Возрождению». О человеческой природе, отданной только на свою собственную самостоятельность, Тютчев писал, что такой безбожный эгоцентризм можно уподобить участи Иуды – между Христом и бешенством нет середины. Или – или! Так у всех русских философов. Или человек с Богом, или без Бога, и идет вниз, в пропасть. Евгений Трубецкой недаром человечество разделил на человечество и Богочеловечество. И Владимир Соловьев, и вся русская философия построена на этом. Все нигилистиче-

ские метаморфозы, которые идут от эпохи Возрождения – от этой модели, от этого безбожного антропоцентризма – через «Просвещение», через марксизм, через капитализм, через фрейдизм, берут начало в эпохе Возрождения. Нигилизм – оттуда идет. Алексей Федорович Лосев поставил эту проблему впервые. Мне кажется, что важность такой постановки еще нужно оценить.

К сожалению, сейчас эта лосевская книга, сама эта проблема не очень популяризируются, не очень обсуждается. Даже существуют попытки реанимировать возрожденческую модель. Владимир Бибихин написал книгу «Новый Ренессанс». критикуя Алексея Федоровича Лосева и анализ Возрождения у Флоренского, назвавшего Возрождение «вырождением», автор пытается бездоказательно, не очень внятно, опять вести речь о каких-то добродетелях Возрождения, о силе разума, о стойкости, о доблести, о технической какой-то силе и так далее, и так далее, не обращая внимания на то, что подчеркнул, что постоянно подчеркивает Алексей Федорович Лосев.

Вл. Соловьев в «Трех речах» о Достоевском говорил, что вопрос «что делать?» не имеет смысла, пока темная основа нашей природы, злая в своем эгоизме, желающая все отнести к себе, все приобрести через свою пользу, через свою выгоду, впадающая в первородный грех, не сокрушена. Представьте себе слепых, глухих, бесноватых, – и вдруг из этой толпы раздается: «что делать?». «Что делать?», как вы знаете, задавал не только Владимир Ильич, не только Чернышевский, Толстой и многие другие, и мы продолжаем задавать этот вопрос, и «кто виноват?», и шукшинское «что с нами происходит?»… Но этот вопрос не имеет смысла, если эта темная основа существует, если первородный грех не сокрушен. Темная основа нашей природы преломит любые наши намерения, любые наши реформы, и получится: «хотели, как лучше, а вышло, как всегда». «Исцелитесь! Прежде, чем вы не исцелитесь, – для вас нет дела. А пока вы считаете себя здоровыми – для вас нет исцеления. Истинное дело возможно, если в природе и в человеке есть истинное начало добра и света!» Но без Бога ни человек, ни природа таких сил не имеют. Не имеют, пока эта истина не будет усвоена, пока будут попытки преобразовывать и человека, и историю в рамках этой модели, не обращая внимания на двухсоставность, на «кентавричность» человека, на соединение в нем добра и зла, духа и природы, пока не будет эта темная основа преображаться, пока не будут появляться новые силы добра и света, в душах людей, в умах. А мы еще удивляемся, почему существуют двойные стандарты, почему такая сложность в политике, – потому, что все основывается на тщеславии, на гордыне, на сластолюбии, на властолюбии, на конкуренции. Темная основа нашей природы во всю мощь работает в истории, а мы ожидаем еще каких-то благих результатов, каких-то реформ и так далее! Вот эти вопросы и данную им трактовку Алексеем Федоровичем, всей русской философией очень трудно переоценить, и важно об этом постоянно думать! Спасибо! (Аплодисменты).

Е.А. Тахо-Годи: Насколько актуально то, о чем говорил Борис Николаевич Тарасов, я почувствовала, когда два года назад выступала

об Алексее Федоровиче и его отношении к Николаю Кузанскому в Институте Николая Кузанского в Трире. Это – Институт религиозный, это – Теологический факультет. После моего выступления, а я не могла совсем не затронуть вопроса об отношении Лосева к Возрождению вообще, слушатели меня с недоумением спрашивали: «А скажите, Алексей Федорович знал искусство Возрождения, видел картины Леонардо да Винчи или Микеланджело?» Им казалось, что не почитать Возрождение может человек, который просто ничего не знает об этой эпохе, живет в глубинке России, не видел ни одной картины ни одного выдающегося художника, отчего ему из дикой России, Скифии, Возрождение видится плохим, а хорошим лишь родное Православие. Сделать идеи, которыми жил Алексей Федорович, идеи русской философии понятными людям другой культуры – сложная задача, к решению которой за минувшие двадцать лет были сделаны лишь некоторые шаги. Прошла Лосевская конференция в Огайо в 2002 г. В 2008 г. ожидается конференция, посвященная Лосеву, в Бордо. Целый год изучают в Париже лосевскую «Диалектику мифа». Для исследователей, не только зарубежных, изучение Лосева – задача непростая. Но изучение было бы невозможно, если бы труды Алексея Федоровича не издавались. Мы пытались посчитать, сколько с 1988 г. было опубликовано работ Алексея Федоровича. И получается, что это – около пятисот публикаций за двадцать лет! Мы сами не ожидали, что так много. Причем это публикации не только отдельных работ, но и целых книг. Я рада, что среди выступающих есть люди, которые имели отношение к печатанию Лосева. Я хочу предоставить слово Борису Исаевичу Пружинину, который представляет журнал «Вопросы философии», журнал, который начал печатать материалы о Алексее Федоровиче в первый же год после кончины мыслителя. Первая такая публикация появилась в «Вопросах философии», если я не ошибаюсь, в 1988 г.

Б.И. Пружинин: Я прошу меня извинить за возможную сбивчивость того, что я буду сейчас говорить. Дело в том, что ночью я приехал с лихачевских чтений, утром у меня была четырехчасовая лекция, но, конечно, я должен быть прийти сюда, пришел и выступаю перед вами. Журнал «Вопросы философии» имеет отношение к публикации работ Лосева и о Лосеве. Это было и, конечно, будет продолжаться. Я думал, с чем мне прийти к вам, в эту аудиторию, о чем рассказывать. О вышедших работах рассуждать? Излагать свои незрелые соображения о Лосеве? Но я, честно говоря, не решаюсь на это в столь специальной, столь подготовленной аудитории.

Мне кажется, интереснее может быть другое. По журналу «Вопросы философии» (а я в нем работаю уже много лет) очень ясно видны некоторые вещи – по массиву публикаций, по их уровню, по тому, что пишут, кем интересуются. Так вот, даже судя по нашему журналу, совершенно очевидно и вопросов тут никаких нет, что Лосев – это история философии. Это человек, который нашел себе место в истории философии, и об этом месте можно сколько угодно спорить, но он – в ней! Он – в ней, как вся классика, как вся новейшая философия. Он – в истории философии, это бесспорно.

Еще интересное наблюдение можно сделать, но уже общего характера. Известна знаменитая формула: «Русская философия – прерванный полет». Поначалу ощущение этой прерванности (и у меня оно было, и в публикациях в журнале), что прервали – и надо немедленно восстановить! Это – для нас прервали. А теперь дали – и надо быстро договорить, надо опубликовать все работы. Это было правильно, было нужно. И пошла масса публикаций. «Вопросы философии», конечно, приняли в этом участие. Казалось, что, как только мы опубликуем, как откроет народ книжку Ильина, Лосева (Лосев не очень по конъектуре тогда был – тогда шли другого рода конъектурные работы – Бердяев), откроют и прочтут – и у нас на все вопросы будут ответы. Потом стал меняться характер публикаций. Начали понимать, что полет был прерван тогда, когда русские философы писали в каких-то условиях реальных, в каком-то контексте историческом, что надо понять еще, что они хотели сказать. Без контекста это совершенно невозможно. Сейчас пошли аналитические работы, анализ контекста. Потому что для того, чтобы понять, нужно соотнестись с этим, нужно понять, когда это говорилось, по какому поводу и зачем. На глазах происходит актуализация русской философии. Обсуждается на семинарах Ютты Шеррер, обсуждается на заседании Соловьевского семинара в Париже «Диалектика мифа». Обсуждаются работы, – по главам читают! У них же интерес, – они что-то ищут там, они ищут каких-то ответов в русской философии! В Бордо будет конференция. И очень интересная вещь в связи с этим выявляется. Я не знаю, согласится ли со мной аудитория, но мне так представляется: русская философия начинает проступать, благодаря такому анализу, как целостный феномен. Когда шли публикации, то было видно: есть люди, которые очень интересуются Лосевым; есть люди, которые Ильина читают и издают; есть люди, которые Шпетом занимаются и Шпета издают. А вот сейчас возникает ощущение необходимости целостного восприятия этого всего, потому что прерванный полет означает, что они что-то не договорили, им что-то не дали сказать! И вот это «что-то» проступает в тематическом единстве русской философии, в тех темах, которые обсуждали русские философы, в том, что их беспокоило.

Я специально сейчас не о Лосеве говорю, хотя он тоже к этому имеет отношение. Вот возьмем семиотику, коммуникацию. Ведь это в России начиналось: Флоренский интересовался, Лосев «Философию имени» писал... Это где-то здесь зарождалось! А как было воспринято на Западе? Об этом можно с горестью рассуждать. А речь, как мне кажется, главным образом, шла о некоторой иной форме общения, общежития. Не система коммуникаций, а какое-то понимание общения – вот то, что выражается непереводимым на западные языки термином «соборность».

Возможно, я не так все формулирую, но у меня ощущение нарастающей целостности этого явления – «русская философия», в которой есть ключевые фигуры, и одна из таких ключевых фигур, конечно, Алексей Федорович Лосев. Это итог моих наблюдений за тем, что сегодня происходит, что важно, как относятся к публикациям, как цитируют, как пытаются интерпретировать в статьях. Это живое дело, оно

живет. И это ощущение жизни очень приятно, потому что, на самом деле, вот я с надеждой жду, когда, наконец, российская философия (российская – это, в общем, звучит государственно, по-государственному, немножко вызывающе) станет, наконец, национальной. Есть же греческая, есть французская, есть немецкая философия. Начинает проступать сегодня интерес к этому у молодежи. И этот проступающий интерес очень обнадеживает.

И заключение. К 60-летию журнала вышел это большой том «Золотые страницы "Вопросов философии"». И в нем, конечно, есть статьи Алексея Федоровича. Поэтому я хочу преподнести этот том в дар вашей Библиотеке! (Аплодисменты).

Е.А. Тахо-Годи: Действительно, в «Вопросах философии» было очень много публикаций, связанных с именем Алексея Федоровича. Надеюсь, мы и в этом году увидим публикации о Лосеве на страницах журнала. Но за минувшие двадцать лет были и другие издания, которые теперь стоят на книжных полках Библиотеки. Наверное, самым масштабным и сложным было издание собрания сочинений, малого собрания сочинений Алексея Федоровича. Этот труд взяло на себя издательство «Мысль». Лариса Владимировна Литвинова, как Зав. редакцией в то время, а теперь представляющая другое издание – «Православную энциклопедию», я надеюсь, расскажет об этом.

Л.В. Литвинова: Я боюсь выступать перед такой аудиторией, и поймите, что это – не из ложной скромности, потому что здесь есть люди, которые хорошо знали Алексея Федоровича. Здесь сидит Василий Васильевич Соколов, который несколько десятилетий возглавлял редакцию «Истории философии», потом «Философское наследие». Он работал с Алексеем Федоровичем. Выходили переводы с большими послесловиями, которые помогали и приучали думать. Я работала и тогда с текстами Алексея Федоровича, но не лично. А в 1978 г. вышла «Эстетика Возрождения». Она вызвала целую бурю. Ее обсуждали, негодовали по поводу лосевских оценок обратной стороны титанизма. Потом, в начале 1980-х, вышла книжка Алексея Федоровича о Соловьеве. Здесь все историю этого нашумевшего издания уже знают. Вышла она очень большим тиражом – 67 000 экземпляров. Другое дело было, и Аза Алибековна об этом писала, ее не было нигде, она продавалась чуть ли не на Чукотке. Тогдашний руководитель Госиздата сказал, что мы издать позволим, но зато пусть попробуют достать.

А.А. Тахо-Годи: Сослали туда!

Л.В. Литвинова: В 1993 г. издательство «Мысль» приступила к изданию целого собрания сочинений Алексея Федоровича. Предполагалось сначала пять томов по шестьдесят листов. Тираж первого тома был еще в старых традициях – 50 000 экземпляров. Выбить деньги в то время на издание было трудно и даже унизительно. На заседаниях, где я присутствовала и выступала, некоторые профессора говорили: «А зачем нам, собственно говоря, Лосев?» Помогли приверженцы ло-

севских идей в других институтах. Так стали выходить тома, названия которых отражают основные идеи лосевских произведений. Отмечу огромный труд Азы Алибековны – без нее, я думаю, еще долго не было бы этого издания. Важно и очень хорошо и то, что в этих книгах появились послесловия, которые были фактическим исследованием лосевских идей. Это было необходимо читателям. Чтобы подойти к этим идеям, нужно было учиться философии не два года. С 1993 по 2002 вышло девять томов. Конечно, это не полное собрание сочинений, но нужно сказать, что все-таки основные работы, основные идеи в этом собрании собраны.

Е.А. Тахо-Годи: Спасибо, Лариса Владимировна. Я хотела бы, чтобы профессор кафедры зарубежной философии МГУ им. М.В. Ломоносова Василий Васильевич Соколова, как самый старший из всех присутствующих, поделился живыми воспоминаниями об Алексее Федоровиче.

В.В. Соколов: Я самый старый…

Е.А. Тахо-Годи: Старший! старший! – старых нет!

В.В. Соколов: Старый – первый из сегодняшних ораторов, Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов, по отношению ко мне, по возрасту, в таком же отношении, как я – к Алексею Федоровичу…

Тут много интересного было сказано, трудно поэтому что-нибудь сказать новое. Одно все-таки хочу подчеркнуть: Алексей Федорович – счастливый человек, хотя это счастье достигнуто большими страданиями, о которых мы знаем. Я Алексея Федоровича впервые увидел, вернувшись из госпиталя на философский факультет, в 1943 г. Я не знал тогда, кто такой Алексей Федорович. Тогда, к сожалению, я почти не общался с Лосевым: я был на пятом курсе, а Алексей Федорович занимался с четвертым курсом. В 1944 г. (вы представляете, что это были за времена) его с факультета удалили. Поспособствовал этому его сокурсник и приятель, Павел Сергеевич Попов. Сам Павел Сергеевич – остался, даже стал заведовать кафедрой! Это, так сказать, мое первое приближение к Алексею Федоровичу.

Потом жизнь так сложилась, что меня снова забрали в армию. Когда я вернулся, в 1954 г., я с удовольствием и с радостью прочитал в «Литературной газете» рецензию Александра Ивановича Белецкого. Еще один Белецкий был у нас, но это была зловещая фигура, который сыграл решающую роль в удалении Лосева с факультета. А рецензия была написана другим Белецким, крупным литературоведом. Рецензия была о работах Алексея Федоровича по древнегреческой мифологии, опубликованных, по-моему, в «Ученых записках» Ленинского пединститута. Ну, думаю, значит, – все-таки прорыв! Пускай небольшой, но все-таки произошел!

Очень много лет назад, где-то, по-моему, в 1956 г., я посетил Алексея Федоровича и Азу Алибековну. Они жили тогда в Загорянке. Я тогда тоже там жил. Узнал, где они живут, поехал, долго довольно общались, научил я их тогда ловить Би-Би-Си (смех в зале).

А.А. Тахо-Годи: Да! Да!

В.В. Соколов: А там было можно! И вот, тут у Алексея Федоровича вышла как раз «Олимпийская мифология в ее историческом развитии». Я и написал рецензию. Это была вторая рецензия после Белецкого. Вот как понемногу стала, так сказать, таять та атмосфера (Понемногу, потому что она и сейчас… Не думайте, что марксизм у нас кончился. О! – это совсем не так. Знаю и по своему факультету, и не только.). Потом они с Азой Алибековной перебрались в Отдых, на дачу к Александру Георгиевичу Спиркину. Туда мы с покойным моим другом Михаилом Федотовичем Овсянниковым выезжали каждый год. И не только туда, а вообще стали встречались уже более основательно.

С Лосевым общаться было большое счастье. Выясняешь, как понимать Платона, Аристотеля. Допрашивали его, потому что он соединял в себе эпохи русской философии, можно сказать, – и русской культуры, русской истории, – дореволюционную, ранне-советскую, ну, и те времена, когда уже и мы действовали и что-то понимали. У него можно было много почерпнуть. В моей жизни он сыграл очень большую роль, и я всегда весьма буду ему благодарен.

Ну, а почему я говорю о счастье? Видите ли, он дожил все-таки до перелома в нашей философии, шире даже – в культуре. Да! Дожил! Ну, правда, теперь прошло двадцать лет со дня смерти, жалко, что он не прожил еще подольше! Но, я думаю, что он там радуется тому, какую роль играют его труды в современности.

О чем мы с Лосевым разговаривали? Ну, о политических вопросах разговаривали. Помню, как мы обсуждали Хрущева, хрущевские времена. Спрашиваю: «Что же это такое вообще, что он делает?». Отвечает: «Ну, – Мировой дух знает, понимает, каким дураком ударить по истории!» (Смех в зале). Проницательно!

Прожить такую жизнь, столько настрадаться мог только человек такого интеллектуального калибра.

Издавали Платона, и, знаете, – пробивали Платона непросто! Разрешили только три тома. Но, как тогда делалось (уже времена были другие), решили обойти запрет. Один том – в двух книгах! Один, второй, третий, а всего четыре! Вот так работали. Ну, что тут сказать! Времена тоже тяжелые. А за рубежом-то не знали, жив еще Лосев или его уже нет. Потом уже появилась заметка, статейка, в итальянской энциклопедии.

Лосев – фигура знаковая, фигура историческая, и по своим трудам, и по тому, как сложилась его судьба. Отсидел. Как еще выбрался? – достаточно случайно, я думаю. Откуда Горький узнал о лосевских «Дополнениях» к «Диалектике мифа»? Есть предположение, что через своего друг Ягоду (пока того не арестовали и не расстреляли в 1938 г.). Его жена, Екатерина Павловна, сыграла тоже большую роль, но эту роль она сыграла потому, что был все-таки 1933-й, 1934-й годы – были еще либеральные времена… Через пару лет уже страх был. Через десять лет, которые ему дали, он бы мог вполне разделить судьбу Флоренского.

Наша задача теперь не только в том, чтобы не забывать Алексея Федоровича как личность, а в освоении его работ. Я почти нагоняю его по возрасту теперь, – и стараюсь это осуществлять. (Аплодисменты).

Е.А. Тахо-Годи: Я хотела бы попросить профессора Вадима Юрьевича Царева как автора цикла фильмов о русской философии и русской мысли сказать, какой у него за эти годы сложился образ Алексея Федоровича Лосева не только философский, но и кинематографический.

В.Ю. Царев: Здесь говорили о том, печально или радостно это событие – двадцать лет кончины Алексея Федоровича. Мне кажется, что оно тревожно, все-таки. По-моему, печаль и тревога как-то плохо совмещаются. Если бы у меня был выбор между печалью и тревогой, я выбрал бы тревогу: тревога – чувство деятельное для человека. Это первое.

Когда я выбирал персонажей для своих фильмов, я особым образом выделил для себя – не специально, не умственно, а чувственно, – Лосева. Сегодня выступающие выстраивали какие-то линии, какие-то цепочки, а Лосев мне виделся таким, каким должен быть философ, причем, – вне зависимости от того, страдал ли он (страдал, конечно!), радовался ли, тяжелой ли была его жизнь или легкой. Мне кажется, что привнесения в жизнь человека такого типа, такого склада, они – не первостепенны. В этой жизни есть какая-то заданность. И обстоятельства жизни в этой заданности могут что-то обменять местами, но не могут эту заданность заменить чем-то другим. Лосев был действительно философом, мудрецом, человеком сократического завета, потому что философия – это, конечно, никакая не наука. Это – особое существование. И Лосев был как раз человеком, для которого философия была существованием. В русской культуре были всякие мудрецы, многие мыслетворцы. Но очень много людей, которые словно отстранены от того, что они делали в области мысли, непонятным образом сочетали это со своей жизнью. Я думаю, что таким был, например, Владимир Соловьев. А бывает другая жизнь, в которой начала и концы собраны, – таким человеком был Лосев. И тревогу вызывал он во мне потому, что я видел, что вот жизнь, о которой нельзя сказать, что она – несостоявшаяся. Но даже в такой напряженной по делам жизни все оказывается незавершенным. Правда, идет сейчас работа по собиранию наследия, додумыванию (не уверен, можно ли сюда причислить собрания по поводу каждой главы «Диалектики мифа» – это что-то уже другое). Но собирание вместе, додумывание – это вступание на путь, по которому шел человек. Я повторю, что уже сказал однажды: не нужно вступать след в след за Лосевым, не нужно идти по его следам. Нужно искать то, что искал он. При этом надо понимать, что награды здесь не будет, в таком простом смысле этого слова, когда ты чего-то хотел и всего добился. Никогда ничего не добьешься, до конца никогда ничего не сделаешь – всегда все останется незавершенным. Еще сегодня утром ты – ребенок, и вот – ты уже старик. И даже боль-

шая жизнь, в этом смысле, – жизнь незавершенная. Поэтому, если можно, не нужно уповать на то, что ты служишь высшим силам. Не нужно уповать на то, что миссия, которую ты избрал – это правильная миссия, и она тебя выведет по кривой или по прямой. Нужно понимать, что каждое дело, которое ты делаешь, – это награда, которой нет. И надо довольствоваться тем, что сделано, но и быть готовым к той горечи, которую каждое дело содержит в силу своей незавершенности. Сколько бы у тебя ни было сил, как бы тебя не поддерживали, ты все равно одинок, и должен в своих делах уповать на это самостояние в деле: перед собой, перед близкими, перед высшими силами. (Аплодисменты).

Е.А. Тахо-Годи: Вадим Юрьевич на такую высоту нас поднял, что с нее как-то трудно спускаться, но все-таки я попробую вернуть нас к имени Владимира Соловьева. Ведь имя это прозвучало не случайно: это и первые философские книги, которые держал Алексей Федорович в своих руках, но это, можно сказать, и последняя книга в лосевской жизни, потому что изучение Владимира Соловьева началось в последние годы его жизни, разрешенное, а книга о Владимире Соловьева вышла после смерти Алексея Федоровича. Я думаю, что заместителю декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Алексею Павловичу Козыреву как одному из современных «соловьеведов» есть, наверное, что сказать об Алексее Федоровиче как одном из последователей соловьевской философии всеединства.

А.П. Козырев: Я очень признателен за возможность выступить в этот день памяти, в день двадцатилетия кончины Алексея Федоровича. Очень признателен Азе Алибековне, что она с нами. И очень признателен за то, что имел возможность в этом году здесь представить свою книгу, посвященную Владимиру Соловьеву, «Соловьев и гностики», которая была написана во многом, благодаря Алексею Федоровичу Лосеву, благодаря тому, что, когда Лосев еще был жив, а я был студентом первого курса философского факультета Московского университета, я его книжку о Соловьеве прочел в библиотеке. Хотя я был студентом философского факультета, но имени Соловьева я ни разу не услышал на факультете. Услышал я его на втором курсе, но не от преподавателя – преподаватели хранили заговор молчания, обходили стороной – ни плохо, ни хорошо. А от студентов, от своих однокурсников, которые говорили: «Вот Лосев где-то должен выступать». Видимо, это были последние публичные выступления Алексея Федоровича. Я, к сожалению, там не был. Тогда было абсолютно еще непонятно, где мы, и с кем мы, и какой масштаб, хотя имя Лосева уже вырисовывалось и какой-то пантеон русских философов, с Владимиром Соловьевым во главе, тоже для нас открывался.

Что можно сказать, если говорить о том, что Лосев сделал для Соловьева? Конечно, его книга о Соловьеве стоит в ряду таких выдающихся работ, как «Миросозерцание Соловьева» Евгения Трубецкого, как «Владимир Соловьев в его молодые годы» Сергея Михайловича Лукьянова, как книга Дмитрия Стремоухова «Владимир Соловьев и его

мессианическое творчество», которая была написана по-французски, а на русский язык, по-моему, до сих пор не переведена. Это не просто исследования творчества Соловьева, обзоры, но именно книги, которые приносят новое знание о Владимире Соловьеве.

К этому перечню я еще должен добавить книгу Сергея Михайловича Соловьева «Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева», написанную племянником о своем дяде в двадцатые годы. Она была опубликована лишь в 1977 г., и во многом повлияла на исследовательский интерес Лосева, потому что из этой книги, напечатанной в Брюсселе в издательстве «Жизнь с Богом» (у нас она появилась в девяностые годы), Лосев узнал о соловьевском трактате «София». Лосев узнал, что у Соловьева была рукопись «Софии», которую я имел честь перевести и издать в соловьевском собрании сочинений. И Лосев заинтересовался, стал искать, разыскивать эту рукопись, спрашивал людей, которые к нему приходили. Но все-таки до рукописи этой он не добрался (это и понятно: Алексей Федорович с его плохим зрением все охватить не мог), воспользовался книгой С.М. Соловьева. Но воспользовался совершенно по-своему, потому что это было не просто изложение тех страничек «Софии», которые Сергей Михайлович приводил. Сергей Михайлович был больше биограф, добротный историк, причем с католической подоплекой. Он стал католическим священником, поэтому ему были интересны в особенности восьмидесятые годы в творчестве Соловьева – так и называется глава «Рим». Лосев же был метафизик и онтолог. И вот этот интерес к онтологии у него никогда не пропадал, даже несмотря на то, что ему пришлось переквалифицироваться, формально, в историка античной эстетики, античной культуры, мифологии, филологии – стиль его мышления был существенно философский. Поэтому и внимание, которое он обратил на Владимира Соловьева, было весьма специальным. Я бы сказал, что, может быть, кроме Евгения Трубецкого, который тоже был онтолог, такой философской книги о Владимире Соловьеве нету в русской культуре. Такой, – в том смысле, что она – как бы конгениальна Соловьеву по мысли.

Работая с черновиками Соловьева и пытаясь продумать, как складывался соловьевский стиль мышления, я пришел к выводу, что Соловьев был человеком схоластического склада, то есть у него схема предшествовала некому описанию. Он сначала складывал для себя некую табличку понятий, некий магический круг понятий, а потом уже начинал этот магический круг эксплицировать, описывать, рассказывать о нем. У Алексея Федоровича тоже был очень похожий стиль мышления. Надо сказать, что в плане систематики, в плане категориального аппарата, в плане формирования философской терминологии Лосев, конечно, превзошел Соловьева во много и во много раз. Чего стоят шестьдесят семь категорий, по-моему, «Философии имени»!

Но Лосев, как мне кажется, был человеком все-таки несколько другой эпохи. Я все время вспоминаю его «Диалектику художественной формы». Там есть такое понятие – «алогическое становление». Есть идея – и есть наличность, есть факт, есть вещь. А между ними – вот это самое алогическое становление. Это, на самом деле, потря-

сающая вещь! Лосев весь как бы держится и строится на этом алогическом становлении. Потому что из прекрасной идеи можно получить совершенно ужасную вещь. Мы это в XX веке с вами очень хорошо видели и до сих пор продолжаем видеть, что наличие великолепной идеи еще не гарантирует присутствие добротных вещей в этом мире. Но как это происходит, где этот зазор между вещью и идеей? Лосев, в этом смысле, был, конечно, совершенно гениален, потому что его диалектика вся раскрыта на то, чтобы это показать.

Соловьев гораздо более логичен, рационален, как мне кажется, гораздо более классичен как философ, чем Алексей Федорович Лосев, который мир-то видит каким-то более сложным, более напряженным, я бы сказал, более драматичным. И это привносит история, это привносят те трагедии, которые Лосеву пришлось пережить. Я думаю, что счастье Лосева и жизнь Лосева были, конечно, более трудными, чем жизнь Владимира Соловьева. Прожил он фактически в два раза больше Владимира Соловьева. Соловьев сорок семь лет прожил, а Лосев – девяносто пять. Вдвойне, что называется, хлебнул.

Однако хотя Лосев знаменует для нас другую эпоху (он «сослан в XX век», а Соловьев в XX веке не жил – жил в XIX веке и умер в последний год XIX столетия, в 1900-м), все-таки и Владимир Соловьев, и Лосев представляют собой ту культуру, которую Питирим Александрович Сорокин назвал идеалистической культурой, то есть средней, серединной, между сугубо прагматической, материальной культурой и культурой традиционной, традиционалистской, которая ничего не видит, кроме догматов, и витает в эмпиреях. С Соловьева эта идеалистическая культура. Как мне кажется, начинается с того, как кафедры философские восстанавливаются в университетах, как общество начинает понимать, что философия на что-нибудь да нужна, создаются первые общества, первые журналы философские. И это дает невероятный всплеск вообще гуманитарной культуры в России. Конечно, Иван Ильин или Алексей Федорович Лосев – философы более сложные, более филигранные, более тщательно промысливавшие то, о чем они думали, чем Владимир Соловьев. Это – понятно. Но не было бы ни Лосева, ни Ильина, если бы не было семидесятых, восьмидесятых годов, если бы не было Владимира Соловьева, если бы не было Лопатина, если бы не было Грота. Поэтому Соловьев открывает эту эпоху русской культуры, а Лосев ее как бы завершает. То цветение Серебряного века, когда Лосев учился в университете, был студентом, в 1915 г. окончив Московский университет, – это была замечательная культура. Она была не возвышенная какая-то, выспренная, витающая в облаках – она была очень трезво сочетающей прагматизм, умение что-то делать руками, головой, умение задавать самые серьезные, существенные вопросы об общественном идеале, например, о том, каким должно быть право. Не случайно Лосеву в Новочеркасске – в восьмом классе гимназии при окончании гимназии – дарят собрание сочинений Владимира Соловьева.

Можно ли себе представить, что сегодня у нас какой-нибудь школьник – в Новочеркасске ли, в Ельце ли – приходит писать ЕГЭ по русскому языку с тестами по «Анне Карениной»: «куда бросилась Анна

Каренина: под поезд? под электричку?» – а ему дарят полное собрание Алексея Федоровича Лосева! (Смех в зале). Это – абсолютно абсурдная ситуация! В той философии образования, которая у нас складывается, когда нам говорят сегодня: «У нас в школах важна компетенция, знать ничего не нужно» – мне кажется, мы очень многое потеряли по отношению к той культуре, которая в России была, когда Лосев был молод. И в этом смысле, будучи сослан в XX век, он оказался рыцарем этой культуры, продолжая до конца своих дней воспитывать, учить своих учеников, которые сегодня сами уже маститые философы, а кого-то уже и нету с нами. Если мы и имеем какое-то право здесь появляться и выступать, то лишь на правах учеников Алексея Федоровича. Я себя считаю таковым. Несмотря на то, что Лосева никогда не встречал, с ним воочию не довелось пообщаться – опоздал… (Аплодисменты).

Е.А. Тахо-Годи: Дорогие друзья! До сих пор в основном говорили философы. Хотелось бы дать слово и филологам (Петр Васильевич был, можно сказать, исключением из этого правила). Я хотела бы пригласить выступить профессора РГГУ Ивана Андреевича Есаулова.

И.А. Есаулов: Буду краток. Двадцать лет назад мне казалось (самонадеянно казалось), что я больше понимаю путь Лосева, чем это мне представляется сейчас. Я думал, что какие-то основные вещи понятны. Сейчас я должен со смирением все-таки признать, что есть, вероятно, «тайна Лосева», которую (не сочтите это плагиатом) нам всем предстоит еще разгадывать. Спустя двадцать лет, я не вполне понимаю, как все-таки та энергия духовного сопротивления, которой Лосев, несомненно, обладал и которая, несомненно, являлась одним из движущих факторов его творчества, как эта энергия духовного сопротивления преобразилась не в разрушительную, а в совершенно созидательную силу? Это ведь – удивительное дело! Как все-таки человек, с таким, как я понимаю, страстным характером, очень живо реагирующий на буквально все в этой земной жизни и не желающий откладывать «на вечность», в ящик писать, чтобы потом когда-нибудь, лет через двести, может быть, напечатали его труды, – как он мог эту энергию трансформировать, преобразовать в именно такое, высокой пробы, философское творчество? И многие другие вещи теперь мне не так понятны, как это было двадцать лет назад. Каким образом у него, человека, который так систематично излагает свои философские, филологические и иные взгляды, в устной речи это преобразовывалось в такое просветительское, почти всем понятное, слово? Скажу так: видимо, все-таки при всем богатстве научного творчества, личность Лосева как человека, наверное, превышает вот эти тома его трудов! Иначе я это объяснить не могу. Это и называется тайной Лосева для меня! (Аплодисменты).

Е.А. Тахо-Годи: Предоставив слово филологам, нельзя не дать слово филологам-классикам. Я хотела бы попросить выступить профессора кафедры классической филологии МГУ им. М.В. Ломоносова Гасана Чингизовича Гусейнова.

Г.Ч. Гусейнов: Хочу поблагодарить за большую честь, которая мне оказана, но я не уверен, что буду говорить о классической филологии. Для тех из нас, кто имел счастье и честь знать лично Алексея Федоровича, очень трудно говорить, потому что хочется вспомнить живые моменты, а вместе с тем надо быть серьезным, потому что здесь очень много людей, которые никогда не видели Алексея Федоровича. И им, может быть, будет не интересно слушать воспоминания об этих живых моментах. Однако избежать этого мне все-таки не удастся. И здесь я позволю себе, или попробую, выступить в роли филолога.

Только что было сказано о том, что Алексей Федорович – это тайна, и о том, что есть загадка, которую мы никак не можем разгадать. На это Алексей Федорович сказал бы: «Нам надо различать тайну и загадку». Всякий раз, когда Алексей Федорович приступал к какой-то работе, он «нырял за словом». И он бы сказал: «Вот то, что тайна, – оно и должно остаться тайной».

Те двадцать лет, что Алексея Федоровича нет с нами, были очень интересным временем. С одной стороны, как всякое время, это линза, которая искажает, страшно искажает. Это линза, которая что-то увеличивает, что-то отдаляет, что-то приближает, и мы понимаем, что то, что мы слышим о человеке, – это совсем не то, что мы видели, когда он был живым и когда с ним разговаривали, когда мы имели счастье такого непосредственного общения. С другой стороны, это – такая линза, которая еще и обманывает, сознательно обманывает. Я думаю, что самым сильным в Алексее Федоровиче было вот это начало: преодолеть, пробиться сквозь всякий обман, не дать обмануть, не дать обмануть себя (и поэтому он был филологом – потому что философы гораздо легче обманываются, чем филологи) и, с другой стороны, – не дать обманывать других. Это был великий просветитель, знавший множество языков, и на нашу русскую почву переносивший и перенесший огромное количество текстов, просто текстов на разных языках.

Говорят, что Алексей Федорович был русский философ. Ну да, он – русский философ. Но Гегель – не немецкий философ, правда? И Платон – не греческий философ, а просто философ. И Лосев был – просто философ, и никакой не «русский философ». Не нужно, так сказать, суживать эту личность.

Алексей Федорович принес такое колоссальное количество текстов, переработав их с разных языков на русский (тут он работал как филолог), что становится ясно, почему бы он сейчас, говоря о тайне и загадке, возразил и сказал, что да, – есть тайна; и тайна – это то, что должно остаться тайной. Есть вещи, которые я знаю от Алексея Федоровича, и которые никогда никто у него не услышал. И я уверен, что многие, здесь сидящие, какие-то вели разговоры, что-то слышали от него, какую-то фразу. И эта фраза запомнилась, но она запомнилась не для того, чтобы я о ней рассказывал, и не для того, чтобы я что-то говорил.

А вот загадки нужны, чтобы разгадывать. Одна из главных загадок Алексея Федоровича для меня – это такая странная загадка: каким

образом удалось Алексею Федоровичу сохранить любовь и юмор, живя в XX веке и прекрасно зная, что такое страх. О страхе как раз можно сказать. Его фразу, которую он повторил дважды или трижды, я записал и поэтому ее можно воспроизвести: «Страх! Ну конечно, – страх! У меня же за спиной Сталин с топором стоял». Л.В. Литвинова сегодня рассказывала о том, как лосевскую книга о Ренессансе осуждали, критиковали, но критиковали не очень резко. Почему не очень резко? – это большинству молодых людей сейчас совершенно непонятно. Да потому, что в 1970-е годы выступить с резкой критической статьей, значило снова угробить автора, снова сделать его непечатаемым. В этом смысле, тот режим, в котором мы жили в с1970-е годы, очень интересен – в нем была какая-то своя странная человечность. И вот, Алексей Федорович (я думаю, что это – очень большая разгадка его творчества и разгадка его личности в этом маленьком, очень маленьком пункте) был человеком с потрясающим чувством юмора, фантастическим чувством, и очень глубоким, очень разнообразным. И человеком, который никогда на моей памяти (впервые мы встретились в 1974 г.) никогда не сделал ни одного шага в направлении не критики, а, скажем так, порчи жизни кому бы то ни было. Он занимался живым свободным творчеством в той мере, в какой свобода творчества была возможна, и этому учил своих учеников. Некоторых из них я вижу сейчас тут в зале. Многие из учеников Алексея Федоровича восприняли от него это его искусство добра и любви. Без добра и любви, которые он нес всем нам, эта загадка так бы и оставалась загадкой. Аза Алибековна, спасибо Вам! (Аплодисменты).

Е.А. Тахо-Годи: В нашем зале есть человек, который соединяет в себе и филолога, и философа. Но он не только филолог и философ, но еще и поэт. Я думаю, что Константин Александрович Кедров как человек, который сделал Алексея Федоровича одним из героев своих стихов, имеет право на слово.

К.А. Кедров: В те страшные семидесятые годы, когда мы с Азой Алибековной работали в Литинституте, когда писалась моя диссертация, посвященная русской литературе XIX века, мы открывали, – помните, у Маяковского: «Мы открывали Маркса (не к ночи будь помянутого!) каждый том, как в доме мысли ставни открывали», – таким же образом мы открывали каждый том «Истории античной эстетики» Алексея Федоровича. В первом из томов (тогда я был еще студентом первого курса) я увидел щит Ахилла – это было окно в вечность. Я этот щит положил в основу своей кандидатской диссертации, посвященной русской литературе. Я и «Евгения Онегина», и «Мертвых душ», и «Героя нашего времени» пропустил через этот щит. Аза Алибековна, конечно, не преминула это заметить, познакомила Алексея Федоровича с моей работой, и я имел счастье в 1972 г. сидеть с ним за столом, пить чай, торт вкушать и наслаждаться духовным общением. Должен вам сказать, что Алексей Федорович уже тогда, еще до знакомства, но особенно после знакомства – стал главным философом всей моей жизни. Главным философом! Важно ведь не только то, что

он написал, важна еще его личность. А его жизнь больше похожа на Житие. Я вам должен сказать еще, что от него исходил некий свет, как солнце сквозь сумрак. Вот эта тайна, о которой здесь говорили. Его мысль светилась сквозь эту тайну. Это исходило так мощно, что я и сейчас, в данный момент чувствую это! Конечно, это исходит и через Азу Алибековну, и через Елену Аркадьевну, это Таинство. Это присутствует в этом пространстве!

В советское время что только не запрещалось, и палиндромы были запрещены. Непонятно уж совсем – палиндром запрещен! А знаете, насколько античность связана с палиндромами?! Поскольку Алексей Федорович занимался античностью, поэтому как-то само собой так получилось, что я написал вот такой палиндромический памятник Алексею Федоровичу «Сойди эйдос»:

Вес о Лосев
Логика аки гол
Иль символ лов мысли
. . . . . .
Корень не рок
Вея дребодан над о Бердяев
И икс не роль Флоренский
И диалектика аки ткала иди
Я мал Палама мала пламя
Ешь циник Ницше
. . . . . .
Но Фавор или миров Афон.

(Аплодисменты).

Е.А. Тахо-Годи: Дорогие друзья! Есть два у нас выступающих последних, которым я не могу не дать слово, хотя я, конечно, понимаю, что в этом зале сидит очень много людей, которые хотели бы, и могли бы, и должны были бы, наверное, выступить. Но я не могу не дать слово исследователю лосевского творчества Виктору Петровичу Троицкому и главному редактору журнала «Студенческий меридиан» Юрию Алексеевичу Ростовцеву.

В.П. Троицкий: Дорогие друзья! Двадцать лет минуло. Мы жили эти двадцать лет. Мы все менялись. Я о себе сужу, но я сужу не только о себе. Спасибо Алексею Федоровичу за эти двадцать, по-моему, счастливых лет! Алексей Федорович менялся тоже. Ведь, благодаря Азе Алибековне, ее верной, деятельной любви, Алексей Федорович стал иным: он опубликован в совершенно ином ракурсе, предстал перед нами еще более многообразным. О нем уже точно можно говорить, что он – великий философ, о нем уже точно можно говорить, что он – великий логик, философ математики, писатель. Перед нами открылись – еще раз повторю это слово – великие и ужасные страницы русского имяславия, где Алексей Федорович – один из главных участников. С другой стороны, все это многообразное творчество, все эти многообразные облики предстали перед нами в каком-то едином ключе. Лосев

предстал как философ, который органично соединяет в себе веру и знание, мысль и чувство. Это был философ подлинного синтеза. Один пример. Мне пришлось готовить не так давно к публикации рукопись, в которой Алексей Федорович Лосев с помощью тогда еще совсем новой, мало кому еще известной математической теории множеств, демонстрировал величайшие возможности подлинных оснований имяславской мысли. Он тогда так и строил ее – математические тезисы, которые подтверждают тезисы вероучения имяславцев.

Да, Лосев – история, история философии, история русской мысли. Лосев, наверное, еще, и наше будущее. Во всяком случае, его наследие не только публикуется, не только живет сегодняшним часом, но оно уже и работает, оно – актуально. Примеров приводить можно много, приведу один, – самый, может быть, экзотический. Совсем недавно я наталкиваюсь на интернет-публикацию молодого человека, дипломника Московского института математики…и еще чего-то (какое-то современное название, довольно странное). Это – выступление на конференции по искусственному интеллекту. Лосев, его наследие, в частности его работа «Самое само», используется этим молодым человеком, Анатолием Артюховым, для разработки совершенно новой модели искусственного интеллекта. Старые лосевские идеи 1930-х годов спроецированы в XXI век.

В «Доме А.Ф. Лосева» проводится серьезная, многодневная, многолетняя работа, направленная на дальнейшее изучение и пропаганду творческого наследия Алексея Федоровича Лосева и, в частности, одно из направлений – деятельность недавно основанного семинара, который так и называется: «Творческое наследие Алексея Федоровича Лосева: проблемы и перспективы». Он действует второй год, сейчас сформирована программа на осень, у меня в руках распечатка этой программы. Будем читать Лосева, будем любить Лосева, будем жить вместе с Лосевым! (Аплодисменты).

Е.А. Тахо-Годи: Юрий Алексеевич Ростовцев решил сегодня не выступать. Он будет выступать в сентябре на заседании Лосевского семинара, о котором только что говорил Виктор Петрович. И там он продолжит начатый сегодня разговор.

В заключение хотела бы сказать несколько слов от себя как от ведущего этого вечера. Думаю, разгадка тайны Алексея Федоровича очень проста. Аза Алибековна начала сегодняшнее заседание с евангельской цитаты. Хочу поддержать эту традицию и напомнить фрагмент из Евангелия от Иоанна. Там говорится,: что есть люди, которые говорят от себя и ищут земной славы, а есть те, которые говорят и ищут Другого. Алексей Федорович живет и биография его продолжается не только потому, что ему удалось выразить и сказать какие-то собственные мысли, но потому, что он сам считал, что эти мысли – не только его, но в какой-то мере отражают идею Мирового Духа, того Духа, который наделяет каждого человека определенной заданностью и который (перефразируя звучавшие сегодня лосевские слова) может ударить по истории не только «дураком», но и философом! (Аплодисменты).

В.П. Троицкий

Семинар «Русская философия (традиция и современность)». Хроника. Март – май 2008 г.

Отчет о прошедших ранее тридцати девяти заседаниях Семинара (первое из них состоялось 7 октября 2004 г.) представлен в предыдущих семи выпусках нашего Бюллетеня. Характеристика общей программы и задач Семинара, сведения о его организаторах приведены в первом выпуске Бюллетеня, а также размещены на сайтах www.losev-library.ru и www.bfrz.ru /philosophy. Там же находятся резюме всех сделанных докладов и сопутствующие материалы.

В периодической печати появилось несколько развернутых отзывов о деятельность Семинара, см.: «Вестник Русского Христианского Движения» (№ 189, I – 2005), «Богословские труды» (Вып. 40, 2005), «Вопросы философии» (№ 2, 2006), «Вестник РФО» (№ 2, 2006), «Вестник РХГА» (СПб., Вып. 1, 2006), «Богословские труды» (Вып. 41, 2007).

Заседания №№ 40, 43 проходили в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева», заседания №№ 41, 42 – в Библиотеке-Фонде «Русское зарубежье». Аудиозаписи большинства выступлений на Семинаре доступны для прослушивания в зале медиатеки «Дома А.Ф. Лосева».

Заседание № 40 (6 марта 2008 г.)

Докладчик: Серафима Евгеньевна Никитина (Институт языкознания РАН).

Тема: Русский духовный стих.

Председательствующий: А.Н. Паршин.

Участвовали: Александрова Т.Н., Архангельская В.В., Архангельская М.Л., Архангельская С.Л., Ваганова Д.Ш., Ваганова Н.А., Вдовина Е.Т., Визгин В.П., Демидов С.С., Добрый В.В., Дубовицкий Л.С., Ерошкина Е.В., Жаданова В.В., Зайцев О.Ю., Зубарева С.А., Кабанова И.А., Каратас Т.Ю., Кудрин В.Б., Кузнецова Е.Д., Кузьмичева М.Н., Мартынова И.Л., Миргородский В.Н., Мухаметжанова Г.М., Нестеренко Ю.В., Проничева Т.Н., Пузырей Ю.А., Резвых Т.Н., Резниченко А.И., Савельева З.Н., Свешникова Н.В., Сергеева Е.В., Скурлатов В.И., Соколов Б.Г., Спиридонова Г.П., Стрижев А.Н., Суркова Ф., Титов А.В., Троицкий В.П., Фрумова Е.А., Хабарова Н.В., Чалых А.В., Чепуренко Т.В., Шевченко М.Д., Шишкин И.М. Всего: 44 человека.

Тезисы доклада: Духовные стихи – совокупность коллективных поэтических текстов в славянской народной поэзии, объединенных религиозной православной тематикой и народно-христианской системой ценностей. Исполняются во внелитургической ситуации без временных ограничений, которые накладываются на исполнение светских песенных форм. В отличие от оппозиции «свое-чужое», формирующей структуру светских фольклорных жанров, стержневые противопоставления в духовных стихах – противопоставление добра и зла, или пра-

ведности и греха, и временного и вечного, а главной оценкой является оценка этическая, а не нормативная, как в других жанрах фольклора, где она выражена постоянным эпитетом. Духовные стихи можно разделить на три большие группы в зависимости от того, где происходит борьба зла и добра: во вселенной, в социуме или в человеческой душе. Различные ключевые слова духовных стихов, имеющие дополнительную семантическую нагруженность, вовлечены в пространство веры. В докладе рассмотрено, в частности, ключевое слово *человек* и связанные с ним членения пространства и времени.

Из вопросов и обсуждений: Как во время доклада, так и несколько раз по ходу обсуждения *С.Е. Никитина* продемонстрировала прекрасное вокальное исполнение ряда духовных стихов, что, по мнению многих участников заседания, уже само по себе явилось подлинным украшением вечера. **1.** Прозвучало выступление *А.Н. Стрижева*, посвященное проблеме актуальности собирания и изучения памятников старообрядческой культуры. **2.** После реплики *Н.А. Вагановой* о наличии глубоких связей некоторых сторон творчества Ф.М. Достоевского с идеями «духоборов» (особенно, если иметь в виду образ Матери Сырой Земли) автором были указаны свидетельства того, как исполнение духовных стихов приводило слушателей в лоно христианства. **3.** Большой интерес вызвал рассказ докладчика о своих встречах и уроках общения с ярким представителем старообрядческой интеллигенции *Иваном Никифоровичем Заволоко* (1897–1984), издателем и рассказчиком-мемуаристом, собирателем русской старины, открывателем автографа «Жития» Аввакума.

Заседание № 41 (25 марта 2008 г.)

Докладчик: Вильям Владимирович Шмидт (РАГС).

Тема: Патриарх Никон в истории русской культуры.

Председательствующий: А.Н. Паршин.

Участвовали: Агре Н.С., Александрова, Архангельская С.Л., Бессонова К.И., Брунова, Бутаева А.А., Василец И.И., Гинц Н.Н., Григорьева Н.В., Дмитриева О.В., Егоров И.П., Еремина Е.А., Ермилова Л.М., Жаворонков С.А., Жаданова В.В., Зеликин М.И., Кижняева Н.С., Климачева В.А., Королева Е.Б., Корольчук Л.В., Крылова И.М., Логинова Л.М., Ляпичева А.А., Макаров А.И., Мартынова А.Ю., Масленкова И.П., Мелехов Е.П., Морев Ю.С., Мумджан Э.Л., Нестеренко Ю.В., Никонов Л.В., Порехин С.А., Просина Н.Я., Резвых А.П., Резвых Т.Н., Саинов П.М., Саргина В.В., Сахарова О.А., Скурлатов В.И., Смирнов И.И., Соколов Б.Г., Соловьева Н.Н., Станкевич В., Старчик П.П., Стрижев А.Н., Суснина Т.В., Сухаревич В.В., Троицкий В.П., Урецкий А.И., Федосеева И.Г., Филимонов Н.Ю., Христенко Г.Л., Чернышева А.В., Чусовитин П.П., Шидловская Т.А., Шишкин И.М. Всего: 56 человек.

Тезисы доклада: Никон (Никита Минов [Минин], 1605–1681; патриаршество 07.08.1652 по 25.12.1666, оставил престол с 23.07.1658) – шестой Патриарх Московский и всея Руси. Родился в крестьянской се-

мье в селе Вельдеманово (Нижегородская обл.); с юношеского возраста был послушником в Желтоводском монастыре; по настоянию отца вернулся домой и после его смерти вступил в управление хозяйством, женился, был поставлен во священника (пользуясь известностью, был приглашен в Москву); после внезапной смерти троих детей священник Никита и его жена приняли монашество (принял постриг с именем Никона в Анзерском скиту Соловецкого монастыря от прп. Елеазара). В 1646 г. иеромонах Никон стал архимандритом московского Новоспасского монастыря, в 1648 г. – митрополитом Новгородским. При поддержке Царя Алексея Михайловича и группы «ревнителей благочестия» – близких Царю духовных и светских лиц, стремившихся к преобразованию тогдашней церковной жизни, – возведен в 1652 г. в Патриарха Московского.

В связи с расширением территории государства и канонической территории РПЦ, предполагавшей укрепление позиций русского православия, а также в условиях активного развития книгопечатания был решен вопрос об искоренении вольного «местничества» в обычаях и обрядах, тиражировании «добрых», т.е. канонически верных, без ошибок, богослужебных книг, для чего Святейший Никон с одобрения Царя, собора русских и Восточных Патриархов провел книжную и церковно-обрядовую синопсизацию (согласование или справу). По поручению Патриарха Никона келарь Троице-Сергиевой лавры Арсений Суханов из крупнейших центров Православной Эйкумены доставил в Москву более 1000 древнейших богослужебных и религиозно-философских книг (хранятся в ГИМ в Синод. собр.). Официальное значение справ состояло во введении единообразия в богослужебной практике Русской Православной Церкви – согласовании ее с практикой Церквей-сестер – и развитии традиций церковно-государственной учености. В ходе этих справ были уточнены («исправлены») тексты в богослужебных книгах, образцы иконографии, вводилась регулярная церковная проповедь, внесены изменения в обрядовую практику и чинопоследования. Так, было восстановлено древнее, символизирующее Троицу – во имя Отца и Сына и Святаго Духа, троеперстное крестное знамение вместо двуперстного, введенного под клятвами на основании подложного Феодоритова письма на Стоглавом соборе (1551); двукратное пение *аллилуйя* сменилось троекратным; направление крестного хода вокруг церкви было установлено с запада на восток, навстречу Солнцу, а не по-солонь (по солнцу); Литургию было предписано совершать, как это везде во Вселенной, на 5 просфорах, а не на 7; наряду с 8- и 6-конечными крестами стали использоваться 4-конечные; в молитвословиях Великого Поста земные поклоны были заменены поясными и число их сократилось и др. Святейший Никон радел о «симфонии» – взаимоучастливой помощи гражданской и церковной властей друг другу. По мысли Патриарха, отношение гражданской (царской) и церковной (патриаршей) власти должно быть соправительством, соответственность – «два великих дара», «премудрая двоица» (Служебник, 1655).

Попытки Никона вернуть в основу жизни человека, общества и государства Божественный закон – нравственное христо-антропо-

центричное начало культуры, утвердить взаимоответственность Патриаршества и Царя в условиях сложившейся Вестфальской системы международных отношений (1648) с ее антиклерикализмом (национальные Церкви становились государственными институциями), на которую было ориентировано гражданское законодательство Руси – Соборное Уложение (1649), породили конфликт между Патриархом и боярством с Алексеем Михайловичем. В ходе конфликта Никон оставил Патриарший престол. Оставшись без Патриарха, Царь еще больше «расширяется над Церковью» (вмешивается в дела) и, таким образом, «прелюбодействует со своей Матерью, которая дала ему жизнь – духовное начало». Видя принципиальность Святейшего Никона, его стояние в вере за Церковь, был организован с участием Патриархов Александрийского и Антиохийского (в это время они уже были отлучены от кафедр и Патриархами не являлись) Собор 1666–1667 гг., который низложил Никона и простым монахом отправил в ссылку в монастырское смирение в Ферапонтов, а затем под еще более строгий надзор в Кирилло-Белозерский монастыри. Этот же Собор подтвердил каноничность и утвердил все церковные установления Патриаршества Никона, а он, в свою очередь, опроверг все воздвигнутые на него обвинения в фундаментальном труде «Возражение или разорение смиренного Никона, Божией милостью Патриарха, противо вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисию Ликаридиусу, и на ответы Паисиевы».

Из вопросов и обсуждений: **1.** В большинстве своем вопросы участников семинара затрагивали те или иные историко-биографические подробности. Всякий раз, давая весьма обстоятельные и развернутые ответы, докладчик, как и в своем докладе, подчеркивал значительность и плодотворность деятельности Патриарха Никона, видимо, именно в этом находя решение вопроса ее «демифологизации». **2.** Отдельно была затронута проблема «симфонии» светской и церковной властей и ее место в происхождении и развитии конфликта никонианства и старообрядчества.

Заседание № 42 (12 мая 2008 г.)

Выступающие: Валерий Дмитриевич Соловей (МГИМО), Петр Васильевич Палиевский (ИМЛИ РАН), о. Александр Шумский, Сергей Михайлович Сергеев (ОР РГБ, журнал «Москва»), Виктор Юрьевич Militарев (Фонд «Институт развития»), Алексей Николаевич Паршин (МИ РАН).

Тема: Русские: борьба за историю.

Председательствующий: В.П. Троицкий.

Участвовали: Архангельская С.Л., Беспалова Л.А., Бутаков Я., Василевич А.П., Визгин В.П., Гарматюк В.С., Груднев А.В., Демидов Е.Е., Егоров И., Ефремов А.В., Жаданова В.В., Иванов А.Ю., Иванова Е.В., Камчатнов А.М., Кашченко В.А., Климачев Ю.С., Колкова Л.А., Колченко И.А., Кульбачук В.Р., Куприянов Ю.Г., Куропятник Е.В., Лапшин В.И., Ломоносов А.В., Луговских А.Э., Лушин М.М., Мазуров В.М., Макарычева Н.С., Мареева Т.Б., Меренков В.И., Моров В.Г., Никитин С.В., Плятт П.П., Резниченко А.И., Ретунская Е.Н.,

Самоваров А.В., Седых О.М., Сельянов К.А., Сипагин М.А., Скурлатов В.И., Соболев А.В., Соколов Б.Г., Соловьева Н.Н., Стрижев А.Н., Титов А.В., Чернавский М.Ю., Чусовитин П.П., Чусовитина В.В., Шишкин И.М., Шокуров В.В., Шокурова С.И, Эпиктетова Л.Д. Всего: 51 человек.

Резюме организаторов семинара: Вопрос осмысления русской истории в концептуальном плане, в том числе и философском, весьма актуален для современного общества, поэтому вышедшая в конце 2005 г. небольшим тиражом книга историка и политолога Валерия Соловья «Русская история: новое прочтение» обратила на себя внимание, вызвав диаметрально противоположные отклики. Дополнив кардинально переработанный текст новыми главами, автор переиздал свою работу под откровенно провокационным названием «Кровь и почва русской истории» (М., Русский міръ, 2008). По мнению В.Д. Соловья, русская история – одна из самых *успешных* историй в мире. Субъект этой истории, ее творец – русский народ характеризуется, прежде всего, своей этничностью, не сводимой ни к религии, ни к культуре, ни к социуму. Этнос – сущностно биологическая общность, его главная скрепа – «*кровь*». Этот вывод В.Д. Соловей делает, привлекая материал, накопленный *генетикой, социологией и антропологией*. В психологическом плане этнос связан «этническими архетипами», а его историческая активность определяется «витальной силой», которая, в первую очередь, характеризуется высокой рождаемостью. На сакраментальный вопрос: «Что значит быть русским?» автор недвусмысленно отвечает: «Русские – это те, в чьих жилах течет русская кровь» (правда, он нигде не говорит *о чистоте крови*, а лишь о наличии таковой в *каком-либо количестве*). Главный этнический архетип русских – архетип власти, государство занимает в их сознании определяющее место, будь они этатистами или, напротив, анархистами. Грандиозный успех России в истории оказался возможен благодаря огромной русской витальной силе, создавшей великую империю. Но постепенно последняя стала истощать первую. Главной причиной кризиса 1917 г. явилось культурное и этническое отчуждение элиты от народа, начавшееся с петровских реформ. Кризис же 1991 г. стал последствием ослабления русской витальной силы – русские отказались нести на себе тяжкое имперское бремя. Сегодня, по мнению автора, на наших глазах рождается новая, «этническая», русская нация, конституирующим признаком которой является «кровь». Но рост русского национализма – это не признак силы, а «естественный механизм выживания этнической группы, ощущающей угрозу своему бытию». Остановить процесс этнизации русского сознания невозможно, «лучше его ускорить и по возможности ввести в цивилизованные рамки». В.Д. Соловей уверен, что нынешняя стабильность не продлится долго и прогнозирует новый виток Смуты, но, так или иначе, одно несомненно: «Россия может быть только государством русского народа или ее не будет вовсе…». Автор утверждает, что «привычные отечественному дискурсу идеи о православии, соборности (общинности, коллективизме), "всемирной отзывчивости" русского человека, русскости как

“имени прилагательном”, всемирном значении русского языка и культуры не только не позволяют определить русскость, но и откровенно мистифицируют вопрос».

Появление подобного взгляда, резко расходящегося с основными направлениями русской философской и исторической мысли (пожалуй, единственным русским мыслителем, в чем-то близким автору, является Иван Солоневич), – явный симптом переживаемой нами эпохи. Данная попытка создания собственной парадигмы отечественной истории – знаковый для настоящего времени текст, хорошо отражающий определенные тенденции российской современности. Целый ряд аспектов предлагаемой концепции, равно как и *сам факт* ее появления, безусловно, требует обсуждения. Среди подобных тем: а) оценка успешности русской истории, б) наблюдаемый упадок жизненной силы русских, в) роль религии и культуры в становлении русского этноса, г) место биологических факторов в строении этноса, д) использование методов естествознания (например, генетики) для «исправления» представляющихся «неточными» гуманитарных наук. Последнее уже сыграло свою негативную роль в нашей недавней истории: евгеника 1920-х годов, кибернетика и семиотика 1960–70-х годов, несшие и вполне определенную идеологию. Подобная идеологическая направленность давно предугадывалась чуткими мыслителями. Достаточно вспомнить «Brave New World» Олдоса Хаксли.

Из вопросов и обсуждений: **1.** Вечер открыло выступление автора книги «Кровь и почва русской истории»: *В.Д. Соловей* поблагодарил собравшихся за интерес к его работе и подчеркнул, что он использовал понятие «крови» как метафору биологической составляющей этноса, а «почву» – как метафору составляющей культурной. **2.** По мнению *П.В. Палиевского*, обсуждаемая концепция не содержит ничего радикально нового, поскольку вполне сопоставима с идеологией национал-социализма и, вместе с тем, при характерном для нее гипертрофированном отказе от общественной истории и культуры ради какого-то силового «порыва», смыкается с современным глобализмом. **3.** Критику продолжил *о. Александр Шумский*, напомнив о различении «народа» (библейское понимание) и «нации» (понимание секулярное) в христианской антропологии и охарактеризовав «новизну» авторского подхода как замену православного креста на «базаровский лопух». **4.** Во многом присоединяясь к позиции автора книги, *С.М. Сергеев* настаивал на нехватке «биологизма» в общественных науках и посетовал, что отечественная историософия не достигает уровня «Анналов», а русские интеллектуалы плохо владеют своими мифами и некритично к ним относятся (для примера предлагается к рассмотрению идейное наследие Вл. Соловьева). Спрашивается, что правильнее – парить над миром, «в мистической купаясь мгле», или помнить, что миром движут кровь, деньги, власть? **5.** В том же духе выступил *В.Ю. Милитарев*, предложивший методологически противопоставлять «русский национализм» «национализму православному» и стоять на позициях «реализма». Примечательно, что в своей аргументации выступающий явно склонялся к образности языка притч и анекдотов. **6.** В свою очередь,

А.Н. Паршин отметил тезис автора книги об «успешности российской истории» и особенно другой его тезис – об упадке жизненной силы русских, напомнив известную метафору А.И. Солженицына 1970-х годов о состоянии западного общества как разреженного газа, в котором каждый может делать что хочет, не обращая внимания и не задевая никого. Теперь это стало характерной чертой и нашего общества. Далее были приведены примеры и факты из области психологии, физиологии человека и генетики, свидетельствующие о серьезной опасности некритического отношения к науке при ее использовании в гуманитарных исследованиях. Для той же генетики должны быть сформулированы ограничительные принципы вроде теорем Гёделя, чтобы показать, что человек не сводится и не может быть сведен к финитному описанию. **7.** Выступив с заключительным словом, *В.Д. Соловей* констатировал, что прошедшее обсуждение, при всем несходстве высказанных взглядов по его мнению, подтвердило, что при всей «конкуренции писаний и пониманий» затронутые темы заслуживают дальнейшего развития.

Заседание № 43 (24 мая 2008 г.)

Выступающие: Аза Алибековна Тахо-Годи (МГУ), Валентина Васильевна Ильина («Дом А.Ф. Лосева»), Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов (ИФ РАН), Петр Васильевич Палиевский (ИМЛИ РАН), Павел Васильевич Флоренский (РГУ нефти и газа), Борис Николаевич Тарасов (Литературный институт), Борис Исаевич Пружинин (редакция журнала «Вопросы философии»), Лариса Владимировна Литвинова (редакция «Православной энциклопедии»), Василий Васильевич Соколов (МГУ), Вадим Юрьевич Царев (МГУ), Алексей Павлович Козырев (МГУ), Иван Андреевич Есаулов (РГГУ), Гасан Чингизович Гусейнов (МГУ), Константин Александрович Кедров (Университет Наталии Нестеровой), Виктор Петрович Троицкий («Дом А.Ф. Лосева»).

Тема: Биография продолжается… К 20-летию кончины А.Ф. Лосева.

Председательствующая: Е.А. Тахо-Годи.

Участвовали: Адрова З.А., о. Александр Виноградов, Антонов А.В., Антонов К.М., Антонов Н.Д., Апухтина И.И., Асриян А.Г., Белов А.А., Беляева С.Б., Березин В.П., Блауберг И.И., Ботонин И.А., Василец И.И., Веселов С.И., Вуич Л.И., Глазкова Т.В., Гоготишвили Л.А., Джимбинов С.Б., Дорошевич А.Н., Егоров А.С., Ермаков В.А., Ермишин О.Т., Жаданова В.В., Завьялова В.П., Зайцев О.В., Зайцев Л.В., Зайцев Ю.В., Заславская Е.Е., Заславская Е.Т., Золотов С.И., Зудинков А.А., Иванова Л.Д., Иванова-Лукьянова Г.Н., Ильина Е.С., Казарян А.Т., Калинин Ф.В., Калюжный Г.П., Карасев А.А., Карпенко И.Н., Касьянова Н.И., Кедрова Е.А., Кириллова А.С., Климачев Ю.С., Конопальцев И.Ю., Краснов А.Г., Ксенофонтов Л.Н., Лаврухан А.Н., Ладнева В.Н., Леонтьева А.И., Лепешкина Н.М., Лошакова И.А., Ляпичева А.А., Малашкина Е.С., Малинаускене Н.К., Меренков В.И., Михайлов И.М., Московкин Н.И., Московский А.В., Мошковская Т.В., Мумджан Э.Л., Наумова Е.С., Нестерова Л.И., Нефедьев Г.В., Никифорова А., Новиков Ю.Ю., Новоселова Е.А., Петров И.А., Петропавлов-

ский, Половинкин С.М., Постовалова В.И., Постовалова Л.И., Полковникова С.А., Полковых Т.И., Полякова С.П., Попов Ю.Н., Притворов А.П., Режабек Б.Г., Резвых Т.Н., Резниченко А.И., Романовская Г.И., Савельева О.М., Сахаров Д.И., Семенко В.П., Смирнов И.И., Соколов Б.Г., Соколова М.М., Соркин Э.И., Старонина Н.А., Троицкая Т.В., Удальцова Г.М., Усанова А.С., Фаис А.Ф., Федосов П.П., Фролова О.А., Храмов А.В., Целищев А.Н., Цыпилева Е.С., Чалых А.В., Чертов А., Шевченко А.Г., Шевченко М.Д., Шефф И.А., Шичалин Ю.А., Шишкин И.М., Шутова Т.А., Яковлев С.В., Яковлева Е.С., Яновский М.В., Ярикова О.И. Всего: 109 человек.

Резюме организаторов семинара: 24 мая 2008 года исполняется двадцать лет со дня кончины Алексея Федоровича Лосева (1893–1988), выдающегося русского философа, православного мыслителя, писателя, переводчика и комментатора античной и средневековой литературы, продолжателя, а в череде мыслителей Серебряного века русской культуры и завершителя отечественных традиций символизма и всеединства, давшего значительные образцы органичного сопряжения неоплатонической диалектики (в ее христианском переосмыслении) и структурно-типологической интеллектуальной техники новоевропейского типа в применении к различным областям философии, эстетики, теории литературы, семиотики, лингвистики, музыковедения, оснований математики. Сам себя он называл *философом имени, числа, мифа.*

Прошедшие годы принесли немало свершений. Современный читатель получил переиздания большинства прижизненных публикаций трудов А.Ф. Лосева, включая знаменитое «восьмикнижие» 1920-х годов. Впервые увидели свет такие крупные работы мыслителя, как «Дополнение к "Диалектике мифа"», «Самое само», «Вещь и имя», «Античная мифология», «Диалектические основы математики», его философская проза. Лосевские книги переводятся и издаются за рубежом. Создано и успешно действует Культурно-просветительское общество «Лосевские беседы», которое возглавляет заслуженный профессор МГУ Аза Алибековна Тахо-Годи, ученица и наследница Лосева, хранитель его архива. Регулярно проводятся научные конференции, посвященные жизни и творчеству А.Ф. Лосева (всего с 1988 года – около 45), в том числе состоялись 12 международных «Лосевских чтений». С 2004 года основана и регулярно выходит в издательстве «Наука» книжная серия «Лосевские чтения». В Москве, в доме на Старом Арбате, где почти полвека жил и творил последний философ Серебряного века, открыто государственное учреждение культуры – Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», ведущая работу по возвращению русской философии в современную культуру.

На заседании «круглого стола», совместно проводимого Культурно-просветительским обществом «Лосевские беседы», Античной комиссией Научного совета «История мировой культуры» РАН, Семинарами «Русская философия (традиция и современность)» и «Творческое наследие А.Ф. Лосева: проблемы и перспективы», предполагаются вы-

ступления известных философов, ученых, деятелей культуры, публикаторов и книгоиздателей.

Стенограмма вечера публикуется в настоящем выпуске «Бюллетеня».

Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкий

Хроника научной жизни: январь – июль 2008 г.

22 января 2008 года в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» состоялся вечер, посвященный выходу в свет двух книг о жизни и творчестве выдающегося отечественного философа: *Тахо-Годи А.А.* Лосев. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 534 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»); *Тахо-Годи Е.А.* Художественный мир прозы А.Ф. Лосева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. – 399 с. (Серия «Знаменитые имена Российской энциклопедии»). Отчет о вечере приведен в предыдущем, седьмом выпуске нашего Бюллетеня, в конце раздела «Хроника научной жизни».

31 января в соответствие с Программой XVI Международных Рождественских образовательных чтений в «Доме А.Ф. Лосева» прошли заседания двух «круглых столов», собравших значительное число выступающих и участников: «Пути взаимодействия светской и церковной культуры (музеи – библиотеки – издательства)» (председательствующие *В.В. Ильина, С.Л. Кравец)*, «Богословские и научные вопросы описания чудесных событий, происходящих в Русской Православной Церкви» (председательствующие *о. Зосима*, епископ Якутский и Ленский, *П.В. Флоренский*). В настоящем выпуске Бюллетеня публикуется отчет академика РАЕН В.А. Никитина о деятельности направления «Церковь и культура», в рамках которого проходил круглый стол «Пути взаимодействия светской и церковной культуры (музеи – библиотеки – издательства)».

7 февраля состоялась презентация книги *Алексея Павловича Козырева «Соловьев и гностики»* (М.: Изд. Савин С.А., 2007. – 544 с.), *приуроченная к 155-летию со дня рождения Вл.С. Соловьева* (16/28 января 1853 г.). Перед собравшимися в «Доме А.Ф. Лосева» выступил автор, известный исследователь истории русской философской мысли конца XIX – начала XX вв., заместитель декана философского факультета МГУ. Он рассказал о своем пути и своих учителях в соловьевских исследованиях. Особо отмечалась при этом роль творческого наследия А.Ф. Лосева, который, по выражению А.П. Козырева, «никогда не предавал Соловьева ни перед зилотами Православия (вспомним Флоровского), ни перед марксистами». Отвечая далее на вопрос *В.П. Троицкого*, напомнившего о заметной у некоторых историков философии тенденции сводить едва ли не всю русскую идеалистическую философию к гностицизму, А.П. Козырев дал разъяснение своей позиции: определенные следы влияния гностиков объективно присутствуют, к примеру, в творчестве того же Вл. Соловьева, их следует выявлять и интерпретировать (этому как раз и посвящена

работа автора, а также, в определенной мере, недавняя публикация В.В. Кравченко), но нельзя бездоказательно проводить типологические сближения с гностицизмом целых философских школ и направлений, как это зачастую делается петербургскими исследователями И.И. Евлампиевым или Д.К. Бурлакой. На вечере выступил также *Н.В. Котрелев* (ИМЛИ РАН), работающий многие годы над подготовкой академического собрания сочинений Вл. Соловьева совместно с А.П. Козыревым. Прозвучал рассказ о немалых трудностях подготовки к изданию и научному комментированию ряда работ «среднего» и «позднего» Соловьева. Сейчас, отметил Н.В. Котрелев, остро необходимы не столько деньги для издания, сколько подготовленные и наделенные желанием работать ученые, способные делать книги на высоком профессиональном уровне. Заведующий кафедрой истории русской философии *М.А. Маслин* (МГУ) охарактеризовал А.П. Козырева как «надежду русской философии» и, среди прочего, нашел добрые слова о немаловажной роли факультетского студенческого кружка «Летописец», где учили «нарочито-объективистски вгрызаться» в изучаемые памятники философской мысли и где в свое время прошел школу не только автор обсуждаемой книги, но и некоторые другие ныне известные исследователи. Заведующий отделом «Независимой газеты» *Марк Смирнов* рассказал о включеной в книгу переписки Соловьева и Розанова и о совместной работе по подготовке ее к изданию, а затем поделился воспоминаниями о давней встрече с А.Ф. Лосевым и возникшей тогда сложной задаче «добывания» известного биографического исследования С.М. Соловьева, вышедшего в эмигрантском издательстве в Брюсселе (1977) и необходимого Лосеву для работы, особенно при анализе содержания трактата Вл. Соловьева «София». Доктор философских наук *М.Н. Громов* (ИФ РАН), также произнесший похвальное слово в адрес автора книги, предложил присутствующим свои размышлениями о Вл. Соловьеве как грандиозной фигуре, которая могла появиться только в Москве и в атмосфере настоящего культа слова и словесности, восходящего к традиции святых Кирилла и Мефодия.

12 февраля в соответствие с программой Семинара «Творческое наследие А.Ф. Лосева: проблемы и перспективы» состоялось выступление профессора Московской Государственной консерватории *Константина Владимировича Зенкина* на тему «Философия музыки А.Ф. Лосева». Материалы доклада легли в основу статьи «Философия и мифология музыки», опубликованной теперь в коллективном сборнике «Алексей Федорович Лосев» (М.: РОССПЭН, 2009. – С. 138–166), открывшем книжную серию Института философии РАН «Философия России второй половины XX века». Отвечая на вопросы участников Семинара, К.В. Зенкин специально охарактеризовал мифологическую составляющую лосевской философии музыки и проблему постижения (именования) музыкальной сущности, остановился на ярких примерах теоретизма в европейском музыкальном творчестве (Скрябин, Штокхаузен) и, говоря о действенности и жизненной важности музыки, предложил слушателям некоторые сюжеты и образы из философской прозы А.Ф. Лосева.

14 февраля в нас в гостях был давний друг «Дома А.Ф. Лосева» профессор *Милан Узелац* (Сербия). Выпускник философского факультета Белградского университета, Милан Узелац защитил там же магистерскую диссертацию (1980), а докторскую на тему «Философия игры Ойгена Финка» – в 1985 г. на философском факультете в Загребе. С 1995 г. – ординарный профессор онтологии и эстетики университета в г. Нови Сад. Более 20 лет преподавал эстетику, эстетику музыки и историю философии в Академии искусств в Новом Саде. Участвовал в международных конференциях по философским проблемам в Мадриде, Фрайбурге, Кельне, Иене, Риге, Реджио Эмилии, Москве. Член философских международных сообществ Германии, Франции, США. В настоящее время работает на кафедре философии философского факультета в Косовской Митровице, где преподает онтологию и философию средних веков. Узелац – автор целого ряда монографий, учебных пособий и учебников, среди которых можно выделить следующие: «Философия игры» (1987), «Другая реальность» (1989), «Реальность художественного произведения» (1991), «Космология искусства» (1995), «Эстетика» (1999), «История философии» (2004), «Постклассическая эстетика» (2004), «Философия музыки» (2005), «Метафизика» (2006), «Диссипативная эстетика» (2006), «Введение в философию» (2007), «Метапедагогика (1-я часть)» (2007). Его работы по философии публиковались в Германии, Америке, России, Италии, Чехии и Японии. Кроме того, Узелац издал 10 сборников стихов и нескольких книг эссе о литературном творчестве (часть из них переведены на английский, испанский, румынский, словацкий языки). М. Узелац преподнес в дар нашей Библиотеке четырнадцать своих книг и ряд изданий на сербском языке, в подготовке которых он принимал активное участие. Текст его выступления публикуется в настоящем выпуске Бюллетеня.

11 марта на очередном заседании Семинара «Творческое наследие А.Ф. Лосева: проблемы и перспективы» состоялся доклад доктора филологических наук *Елены Аркадьевны Тахо-Годи* (МГУ, «Дом А.Ф.Лосева») на тему «А.Ф. Лосев – писатель» (доклад лег в основу статьи, опубликованной в сборнике «Алексей Федорович Лосев» (М.: РОССПЭН, 2009. – С. 222–247)). Особое внимание участников Семинара обращалось на положение о тесной органической связи философии, религиозного и художественного начал в лосевском творчестве. В этом качестве А.Ф. Лосев предстает перед нами подлинным хранителем и последовательным продолжателем традиций русской культуры начала XX в., в которой лучшая философская мысль всегда была теснейшим образом связана с литературой.

18 марта состоялась презентация нового энциклопедического издания «Выдающиеся психологи Москвы» (изд. 2-е, перераб. и доп.– М: Психологический институт РАО; Московский психолого-педагогический университет, 2007. – 524)). Книга вышла под общей редакцией В.В. Рубцова и М.Г. Ярошевского к 95-летию Психологического института им. Л.Г. Щукиной и 10-летию Московского городского психолого-педагогического университета. Среди авторов – А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская, В.А. Барабанщиков и др. В книге собраны

научные портреты 48 выдающихся представителей русской науки, благодаря творческой энергии которых столица России стала уникальным центром исследований психического мира человека. Вечер открылся выступлением куратора проекта, доктора психологических наук *Т.Д. Марцинковской*, подчеркнувшей, что в итоге получилась книга даже не об ученых, но скорее и прежде всего о Москве, о творческом поле Москвы, в котором интенсивно создавались новые идеи психологии. Подобно «философскому Арбату», о котором столь естественно говорить в «Доме А.Ф. Лосева», следовало бы ввести в оборот и не менее очевидный термин «психологический Арбат». Немаловажно отметить к тому же, что многие фундаментальные процессы в первой половине XX в. происходили практически одновременно и в философии и в психологии. Таков, к примеру, известный «лингвистический поворот» в этих сферах. Тему преемственности и традиций продолжила *О.С. Северцева*, рассказавшая о нетривиальных чертах общения между профессорами и студентами в Московском университете (особенно интересны были истории о том, как «пили чай у Лопатина») и товарищеской атмосфере, культивировавшейся сначала в Психологическом Институте, а затем в ГАХНе. Ведущая вечер *Е.А. Тахо-Годи* в заключительном слове напомнила присутствующим о связи с психологией творчества А.Ф. Лосева – выпускника Психологического института, ученика выдающегося русского психолога Г.И Челпанова, которому Лосев посвятил свою работу «Исследования по философии и психология мышления» (1919). Можно говорить и о личных контактах Лосева с современными ему психологами второй половины XX столетия, в первую очередь с А.Г. Спиркиным, а через Спиркина и с М.Г. Ярошевским. Воздействие психологических штудий сказалось и на центральной книге лосевского «восмикнижия» – на «Диалектике мифа», где автор затрагивает проблему психологии мышления различных социумов. Кроме того, знание психологии пригодилось и Лосеву-писателю, когда он в 1930–1940-е годы создавал свои философско-психологические повести. Феномен Лосева – еще один пример плодотворности синтеза психологии и философии.

8 апреля на очередном заседании Семинара «Творческое наследие А.Ф. Лосева: проблемы и перспективы» выступила доктор филологических наук *Валентина Ильинична Постовалова* (Институт языкознания РАН) с докладом «Философия языка А.Ф. Лосева». Материалы доклада вошли в состав статьи «Религиозно-философские воззрения А.Ф. Лосева», опубликованной в сборнике «Алексей Федорович Лосев» (М.: РОССПЭН, 2009. – С. 176–221). При ответе на вопросы слушателей были, в частности, обсуждены определенные трудности сопоставления современной лингвистической терминологии с понятийным строем «Философии имени», рассматривались также некоторые фактические подробности из истории имяславия, привлекались и кратко обсуждались примеры современных попыток развития «реалистической» философии языка, в том числе работы школы акад. Ю.С. Степанова. Затрагивая перспективы дальнейших исследований, В.И. Постовалова поставила также проблему построения исчерпывающего тезауруса (в виде электронной базы данных) по всему корпусу лингвофилософских

трудов «раннего» Лосева и отметила, что в настоящее время такая работа ею проведена, что называется, вручную по тексту «Философии имени».

10 апреля состоялась встречи с писателем и историком *Александром Николаевичем Стрижёвым.* Автор представил собравшимся в «Доме А.Ф. Лосева» свое собрание сочинений в пяти томах, недавно вышедшее в московском издательстве «Общество сохранения литературного наследия». Том первый, «Народный календарь», объединил «фенологические очерки» писателя, в которых автор в условиях советской цензуры нашел прекрасный способ говорить о православной духовности русского народа и его многовековой мудрости, сосредоточенной вокруг времен года. Том «Русское разнотравье», составленный также из очерков, наполненных художественным лиризмом и, одновременно, точными сведениями о луговых и лесных травах России, включил материалы, в свое время (1917–1981 гг.) хорошо известные читателям журнала «Наука и жизнь». Художественные произведения А.Н. Стрижева собраны в томе «Хроника одной души». В этом же томе, а также в томе «Публицистика» найдутся многочисленные литературные портреты и эссе: автор одним из первых напомнил отечественному читателю об именах, которые были забыты или специально замалчивались многие годы, а это и писатели (А. Муравьев, С. Нилус, И. Шмелев, С. Бехтеев, В. Никифоров-Волгин, Л. Зуров, Б. Ширяев, Е. Поселянин), и богословы и философы (В. Лосский, В. Зеньковский), и подвижники благочестия (свт. Игнатий (Брянчанинов), прп. Иоанн Кронштадтский). Здесь же представлены образцы скрупулезно составленных библиографий, и снова – редкостные имена, к примеру, В. Тредиаковский или Фома Кемпийский. Завершает собрание сочинений том «Русские грядки», книги, создаваемой еще в годы гонений в СССР на личное приусадебное хозяйство. В ней запечатлено живое взаимодействие аграрной науки и векового народного опыта, книга и в наши дни – прямая помощь тем, кто любит родную землю и хочет на ней работать и жить. «Сейчас требуется стояние за Россию, за сохранение ее языка, ее самобытности» – таково творческое кредо А.Н. Стрижева, и все 40 лет своей творческой работы писатель верно следовал этому требованию.

15 апреля в «Доме А.Ф. Лосева» состоялась презентация антологии «Петр Яковлевич Чаадаев» (М.: Русскій міръ, 2008). Вечер открыло выступление генерального директора издательства *В.Е. Волкова*, рассказавшего о замысле издания серии «Русскій міръ в лицах» и вышедших в ней книгах, включая недавние, посвященные А.С. Хомякову и А.Ф. Лосеву. Затем слово было представлено ректору Литературного института им. М. Горького профессору *Б.Н. Тарасову*, составителю антологии. Он поделился мыслями об итогах своего многолетнего изучения творчества П.Я. Чаадаева (напомним, что первое издание его книги «Чаадаев» в известной серии «Жизнь замечательных людей» вышло в 1986 г.) и обрисовал некоторые застарелые «мифы» о Чаадаеве («западник», «дамский философ» и далекий от научности «эссеист»), которые ему как исследователю пришлось преодолевать. Разумеется, подчеркнул Б.Н. Тарасов, главной задачей и, вместе с тем, основной

трудностью составления данной антологии явилось представление максимально полной и широкой картины исторических фактов и мнений о Чаадаеве. Важно было показать впечатляющее напряжение ищущей мысли Петра Яковлевича, органично вплетенной в многополюсный мир российской и мировой культуры. В последующих выступлениях коллег по «историко-литературному цеху» прозвучали оценки методов и подходов Б.Н. Тарасова. Так, доктор филологических наук *В.М. Гуминский* (ИМЛИ РАН) охарактеризовал автора антологии как «одного из самых возвышенно-серьезных» исследователей чаадаевской эпохи и показал, сколь последовательны были многочисленные расширения сфер исследования Б.Н. Тарасова – от Чаадаева к Тютчеву и Достоевскому, затем к попыткам единого рассмотрения русской религиозно-философской мысли XIX – начала XX вв. и русской классической литературы (книга «Человек и история»). Доктор филологических наук, проф. *И.А. Есаулов* (РГГУ) говорил о трудностях исторической интерпретации тех или иных фигур культуры в полемике с современным «западничеством» в лице постмодерна. Исторические контексты делаются при этом «неспокойными» и «драматическими», и особенно отчетливо это продемонстрировал Б.Н. Тарасов при описании христианских мотивов в творчестве Чаадаева. Доктор филологических наук *В.Н. Захаров* (РГНФ) остановился на экзистенциально-человеческой стороне дела в реконструкциях и приближениях, предпринимаемых в подобного рода антологиях. По сути дела, отметил выступающий, весь объем личности героев Б.Н. Тарасова возникает столь убедительно и наглядно потому, что подвигает на эту работу подлинная любовь к своему «предмету». Тему подхватил доктор филологических наук, проф. *В.А. Воропаев* (МГУ), говоривший о сочетании меры любви и трезвого отношения исследователя и отметивший, что Б.Н. Тарасов был первым еще в советское время, кто поднял вопрос о церковности Чаадаева. Вечер завершили выступления сотрудников издательства «Русскій міръ», главного художника издательства *В.В. Покатова* и главного редактора издательства *М.Д. Филина*.

18 апреля Библиотека отметила Международный день памятников и исторических мест проведением в «Доме А.Ф. Лосева» специальных лекций и экскурсий, а *23 апреля* в рамках городского праздника книги и чтения, приуроченного ко Всемирному Дню книги и защите авторских прав, прошла акция «Любимые книги великих и успешных людей» (репортаж о ней был напечатан в газете «Арбатские вести», 2008. № 9). На встрече с активистами учебных заведений выступили директор «Дома А.Ф. Лосева» *Валентина Васильевна Ильина*, рассказавшая о возможностях Библиотеки как интеллект-центра, и глава управы района Арбат *Алексей Вячеславович Садиков*, рассказавший по просьбе учащихся о любимых книгах своего детства. Вниманию школьников были предложены подготовленные сотрудниками Библиотеки издания «любимые книги великих людей» и «Вторая жизнь книг: Из домашних библиотек выдающихся российских ученых».

17 мая состоялось заседание Семинара «Доклассическая наука», руководимого проф. *Сергеем Сергеевичем Демидовым* (ИИЕТ РАН, МГУ). Совместный доклад на тему «Проблема передачи научных зна-

ний и средневековая алгебра» прочитали доктор физико-математических наук *Мира Михайловна Рожанская* (ИИЕТ РАН) и кандидат физико-математических наук *Махмуд Аль-Хамза* (ИИЕТ РАН). Рассматривалась роль арабской научной традиции в формировании культурной карты средневековой Европы. Специальное обсуждались особенности становления алгебраических методов в связи с потребностями практического решения ряда экономических и хозяйственных задач, таких как раздел имущества, взвешивание при фиксированном наборе гирь, обменно-денежные операции и построение оптимальной монетной системы. Интересно был представлен генезис алгебраической символики и некоторых математических операций, тесно связанный с арабской культурой.

17 мая, как и по всей столице, в Библиотеке наступила «Ночь музеев». К этому событию была открыта книжно-иллюстративная выставка «Серебряный век русской поэзии». Гости Библиотеки имели возможность прочесть стихи любимых поэтов у открытого микрофона. Для посетителей проводились спецэкскурсии по мемориальной экспозиции, посвященной А.Ф. Лосеву. Программа включала встречи с известными деятелями отечественной культуры.

Первым предстал перед публикой создатель цикла фильмов о русских философах на канале «Культура» (выход в эфир состоялся в 2003–2004 гг.), доктор философских наук, проф. *Вадим Юрьевич Царев* (МГУ). Эта беседа послужила толчком к ретроспективному показу в «Доме А.Ф. Лосева» с июня месяца всего художественно-документального сериала «Слово и Дело. Десять выдающихся русских мыслителей разных эпох» (автор сценария и ведущий Вадим Царев, режиссер Алексей Горовацкий, оператор Валентин Халтурин). В итоге посетители Библиотеки смогли не только увидеть фильмы «Тако молитеся и спасены будете (Аввакум Петрович)» (10 июня), «О повреждении нравов в России (Михайло Щербатов)» (17 июня), «Герой одного письма (Петр Чаадаев)» (24 июня), «Неузнанный гений (Константин Леонтьев)» (1 июля), «Исходить в разных направлениях (Николай Данилевский)» (8 июля), но и получили возможность подробно побеседовать с Вадимом Юрьевичем. «Философия мало чего стоит, если ее нельзя прожить, воспринять жизненно» – не уставал повторять автор, неспешно повествуя о своих героях и вслух размышляя о тех поводах, что дают их примеры для понимания отечественной истории и современности. В следующем выпуске Бюллетеня, по завершении показа сериала «Слово и Дело», мы предполагаем подробнее осветить содержание этих бесед.

В тот же вечер 17 мая прошла встреча с известным поэтом, философом, кандидатом филологических наук, доктором философских наук, главой Академии поэтов и философов (университет Наталии Нестеровой) *Константином Кедровым*. Был показан и обсужден фильм «Номинант» (режиссера Т. Юрина) о Нобелевской номинации Константина Кедрова. Вслед за показом фильма и обсуждением прозвучали стихи поэта в авторском исполнении. Мастерское чтение Кедрова всегда делает его загадочные и сложные тексты прозрачно-ясными.

В этот же вечер состоялся просмотр и обсуждение еще одного фильма. Известный режиссер *Ирина Васильева* представила собравшимся телефильм «Космос и Хаос Алексея Лосева» из цикла «Больше, чем любовь». В основу фильма легла лагерная переписка А.Ф. Лосева и его жены Валентины Михайловны. Режиссер рассказала о том, как создавался фильм, как он был принят на фестивале в Ярославле, где получил Серебряную медаль, ответила на возникшие в ходе обсуждения вопросы.

24 мая, в день памяти А.Ф. Лосева после панихиды на Ваганьковском кладбище состоялось расширенное заседание «круглого стола» на тему «Биография продолжается… К 20-летию кончины А.Ф. Лосева». Стенограмма заседания публикуется на настоящем выпуске «Бюллетеня».

31 мая 2008 г. в рамках фестиваля «Читающий Арбат», уже ставшего доброй традицией в культурной жизни Москвы, наши сотрудники представили гостям фестиваля разнообразную информацию о деятельности Библиотеки: предлагались новые книжные издания, подготовленные в «Доме А.Ф. Лосева», демонстрировались виртуальные книжные выставки и информационно-поисковые ресурсы библиотеки, проводились экскурсии по мемориальной экспозиции. На территории выставочного павильона Библиотеки были организованы и массовые акции: «Подари книгу детям», «Фото на память», «Собери домашнюю библиотеку», предлагались игры и развлечения, не без интеллектуального оттенка, вроде тоже ставшей традиционной в этот день игры в шар (реконструкция игры Николая Кузанского) и разгадывания кроссвордов, составленных из крылатых слов и выражений. Любители книги могли встретиться и пообщаться с директором издательства «Энциклопедия сёл и деревень» *Григорием Петровичем Калюжным* и главным редактором журнала «Студенческий меридиан» *Юрием Алексеевичем Ростовцевым*, которые раздавали всем желающим образцы своей печатной продукции. Закончился фестиваль во внутреннем дворике «Дома А.Ф. Лосева», где с концертом духовой музыки выступил «Брасс-квинтет», а вечеров в музыкальной гостиной «Дома А.Ф. Лосева» состоялся концерт фортепианной музыки з.а. России, проф. МГК им. П.И. Чайковского *Михаила Петухова.*

Продолжалась деятельность «Московских философских библиотечных вечеров», традиционно предполагающая встречи и совместную работу философов, ученых-библиотековедов, информационных работников и библиотекарей-практиков. В частности, *29 января* состоялся доклад доктора философских наук *Ю.И. Лукина* «Россия начала XXI века – вторая культурная революция», *26 февраля* – доклад доктора технических наук *К.К. Колина* «Новый этап формирования информационного общества в России и проблемы науки, образования и культуры». Кроме того, *25 марта* была проведена творческая дискуссия на тему «Феномен чтения: социокультурные индикаторы чтения». В ходе дискуссии выступили *Е.А. Кузьмин, Ю.П. Мелентьева, Н.Н. Сметанникова* и ряд других участников. Все три вечера проходили под председательством проф. *Т.Я. Кузнецовой*, зав. кафедрой библиотековедения

и информатики Академии повышения квалификации работников искусства, культуры и туризма.

В рамках программы «Народного университета "Дома А.Ф. Лосева"» начал свою работу лекторий по истории Византии, организованный совместно с Греческим Культурным Центром г. Москвы. Кандидат исторических наук *Д. Куюмдзоглу* (Греция) прочел вводную публичную лекцию (5 февраля). Доктор исторических наук *С.И. Карпов* (МГУ) выступил на темы «Внутренняя и внешняя политика Византийской империи от Константина Великого до крестовых походов» (19 февраля) и «Византия и Запад» (27 марта). Кандидат исторических наук *Р.М. Шукуров* (МГУ) представил доклад «Византия и Восток» (28 февраля, 4 марта). Кандидат исторических наук *С.В. Близнюк* (МГУ) прочел лекции на темы «Кипр в системе международных отношений (до XIV в.); Кипр между Венецией и Грецией» (3 апреля), «Кипро-Генуэзская война и аннексия Фамагусты» (25 апреля), «Кипр и его мусульманские соседи» (16 мая), «Третий Рим: правда и вымысел» (20 мая). Завершилась эта часть лектория обзором кандидата исторических наук *Д. Куюмдзоглу* (Греция) «По святилищам Аполлона: Дельфы, Делос» (27 мая).

В.А. Никитин

XVI Международные рождественские образовательные чтения: «Церковь и культура»

30–31 января 2008 года в Москве в рамках XVI Международных Рождественских образовательных чтений состоялась работа VI направления «Церковь и культура» (председатель – епископ Магнитогорский Феофилакт [ныне епископ Бронницкий, викарий Московской епархии]; ответственный секретарь – акад. РАЕН, д-р философии Валентин Арсентьевич Никитин). Направление объединило 18 научных и образовательных конференций, секций и круглых столов, а также 4 подсекции и пленарное заседание, ставшее самостоятельной конференцией. В работе направления «Церковь и культура» приняли участие видные ученые и деятели культуры, преподаватели вузов и духовных школ, члены творческих Союзов и общественных организаций. Среди них культурологи, богословы и историки, филологи и философы, искусствоведы и иконописцы, композиторы и архитекторы, регенты хоров и музейные служители, библиотекари, специалисты в области информатики, представители бизнеса и меценаты. Их имена (более 420 докладчиков) указаны в официальной печатной программе XVI Рождественских Чтений, этот перечень занимает несколько десятков страниц. Масштаб направления можно считать беспрецедентным, география его по сравнению с прошлогодними XV Рождественскими Чтениями тоже существенно расширилась.

Важно отметить, что в работе направления «Церковь и культура» получили отражение памятные даты, которые Русская Православная Церковь и культурная общественность Российской Федерации от-

мечали в 2008 г.: 1020-летие Крещения Руси, 500-летие преставления преподобного Нила Сорского, 100-летие преставления святого праведного Иоанна Кронштадтского, 225-летие со дня рождения В. Жуковского, 200-летие со дня рождения П. Киреевского, 135-летие со дня рождения С. Рахманинова и И. Шмелева.

Концепция направления, его общие задачи были определены на первом пленарном заседании направления «Церковь и культура», которое задало тон работе всего направления. В докладе председательствующего епископа Магнитогорского Феофилакта «Сотрудничество традиционных религиозных конфессий и культур как общенациональная идея консолидации общества» было отмечено, что сегодня все здравомыслящие люди понимают: главным условием сохранения целостности многонациональной России как единого государства является межнациональное согласие. И непременной предпосылкой этого является согласие межрелигиозное. Ибо Россия – единственная в мире страна, где живут более ста народностей, которые, в свою очередь, принадлежат к различным религиозным конфессиям.

Доклад «Церковь и культура» ответственного секретаря направления В.А. Никитина был посвящен общим вопросам взаимоотношения религии и культуры, ясно и остро поставленных еще в начале XX в. представителями так называемого *нового религиозного сознания*. Эти вопросы в условиях нынешнего духовного возрождения или пробуждения приобрели в России неожиданную и важную актуальность. Главный из них – проблема воцерковления культуры. Интеллигенция призвана не только осмыслить христианство как мировоззрение, но включиться в живой опыт Церкви, усвоить язык обрядов и Таинств, язык богослужебных песнопений и символов, то есть, приобщиться к внутренней жизни Церкви.

На пленарном заседании выступили также вице-президент Российского фонда культуры А.Л. Налепин, руководитель церковно-научного центра «Православная энциклопедия» С.Л. Кравец, директор Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» В.А. Москвин, директор «Российского фонда развития высоких технологий» П.М. Провинцев, президент культурной Ассоциации во имя дружбы Италии и России г-н Бруно Дзеккини, ответственный редактор журнала «Проблемы развития» В.П. Семенко, гл. редактор агентства религиозной информации «Благовест-инфо» Д.В. Власов.

Работа круглого стола «Пути взаимодействия светской и церковной культур (музеи-библиотеки-издательства)» (VI-12) проходила в Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» под председательством Валентины Ильиной и Сергея Кравца (куратор: Елена Тахо-Годи). Круглый стол проходил в живой дискуссионной форме. Обсуждались различные вопросы взаимодействия церковной и светской культур, в частности, следующие конкретные вопросы:

– издательская деятельность Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» как образец соединения библиотечной, музейной и издательской деятельности (на эту тему выступила зав.отдела изучения наследия А.Ф. Лосева и мемориально-выставочной работы Е.А. Тахо-Годи);

– церковные библиотеки, музеи и архивы и проблемы сохранности и доступности; Российское законодательство и фонды церковных музеев как часть музейного фонда России (с докладом на эту тему выступил руководитель Церковно-научного центра «Православная Энциклопедия» Сергей Кравец);

– проблемы взаимодействия церковных и светских библиотек: взаимопомощь и сотрудничество, опыт работы монастырской библиотеки (монахиня Елена, Свято-Варваринский монастырь в Белоруссии);

– зал православной литературы в публичной библиотеке: опыт работы московской библиотеки им. Чернышевского;

– комплектование богословской литературы светской библиотекой: проблемы экспертной оценки рынка книжной продукции на страницах профессиональной и православной печати (на эту тему выступила директор Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» В.В. Ильина);

– православные ресурсы Интернет (доклад зам.директора Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» Т.В. Мошковской; доклад публикуется в этом же номере «Бюллетеня» в «Справочно-библиографическом разделе»).

Заседание круглого стола снимало телевидение канала «Столица плюс».

В нашем обзоре мы лишь бегло можем перечислить другие основные вехи работы направления «Церковь и культура».

На двухдневной научной конференции «Православная Церковь и духовная культура» (VI-2, под председательством В.А. Никитина и В.М. Гуминского) в Высоко-Петровском монастыре было представлено около 40 докладов.

В работе секции «Православное радио и телевидение. Проблемы и перспективы» (VI-10, под председательством епископа Магнитогорского Феофилакта, сопредседатели – А.Н. Крутов и Е.К. Никифоров) при поддержке Фонда Славянской письменности и культуры приняли участие представители Министерства культуры Российской Федерации, Общественной палаты при Президенте Российской Федерации, депутаты Государственной Думы, руководители департаментов федеральных радио-телеканалов, сотрудники Роспечати, участники кинофестивалей «Радонеж», «Покров», Золотой витязь».

Две конференции – по русскому языку и литературе (VI-4) и по благотворительности и меценатству (VI-13) – прошли при переполненных залах в Литературном институте им. Горького и Театральном музее им. Бахрушина. В работе этих конференций, умелым и инициативным организатором которых стал поэт и меценат Е.М. Ряпов, при содействии ректора Литинститута Б.Н. Тарасова, прот. Всеволода Чаплина, прот. Владимира Волгина, прот. Александра Церковникова, а также В.И. Калугина, Л.В. Стальной и В.И. Локтионова, приняли участие более 120 человек. Тема секции «Целомудрие в литературе» (VI-4,1; актовый зал в Союзе писателей) вызвала заслуженный интерес.. Сегодня разрушен не только целостный мир человека, но и сами представления о целомудрии человека и целостности его мировосприятия. И это не может не волновать. Именно об этом говорил Владимир Крупин – председатель секции и ее ведущий.

Конференция «Православные основы традиционной народной культуры России» (VI-3, сопредседатели – прот. Александр Кузин и М.А. Некрасова) была посвящена памяти П.В. Киреевского, выдающегося мыслителя-славянофила, основоположника отечественной фольклористики.

Работа секции «Церковное искусство» (VI-5) и круглого стола на тему «Церковное искусство и современное православное образование» (VI-5,1) состоялась в актовом зале РПИ св. Иоанна Богослова под сопредседательством игумена Луки (Головкова), игумена Андроника (Трубачева) и И.К. Языковой.

Секция «Возрождение традиций русского храмового зодчества» (VI-6) провела свою работу в с. Павловская Слобода, Истринского благочиния Московской епархии. В работе секции приняли участие представители нескольких епархий РПЦ – архитекторы, журналисты, теоретики истории архитектуры и искусства. С вступительным словом обратился к участникам председатель секции прот. Владислав Провоторов, настоятель храма Благовещения.

Заседание секции «Духовно-нравственное музыкальное воспитание» (VI-7), проведенное Лабораторией хоровой педагогики Российского Православного Института св. Иоанна Богослова, состоялось в Концертном зале Государственного Центрального Музея музыкальной культуры им. М.И. Глинки (сопредседатели – иерей Максим Адамов, Е.И. Перстенева). В заседании приняли участие сотрудники дипломатического корпуса Хорватии. Вступительное слово произнесла составитель концертной программы музыковед Марина Ковалева. В концертной программе участвовал хор Российского Православного Института св. Иоанна Богослова под управлением Е.И. Перстеневой).

Конференция «Музыкальная культура и ее роль в формировании личности» (VI-8) и круглый стол регентов, дирижеров, композиторов и музыковедов «Пути развития православной музыки в XXI веке» (VI-8,1) прошли под сопредседательством Г.Г. Поляченко, Т.Ф. Владышевской и игумена Иосифа (Дьяченко).

Конференция «Пути взаимодействия светской и церковной культур (театр-кино-масс-медиа)» (VI-9) и круглый стол «Роль театра и кино в возрождении духовно-нравственных устоев общества) (VI-9,1) (сопредседатели – Б.Н. Любимов, Н.С. Астахов и Т.Г. Белевич) состоялись в Русском Духовном театре «Глас».

Работа секции «Православие. Воспитание. Театр» (VI-11, председатель – М.Г. Щепенко, куратор – Г.А. Вайгер) состоялась в Московском театре русской драмы «Камерная сцена». В ней приняли участие священники, режиссеры, артисты, директора воскресных школ, учителя, педагоги высшей школы, работники дошкольных и учреждений дополнительного образования, психологи, журналисты, руководители театральных коллективов.

В работе конференции «Роль православных духовных ценностей в развитии русской культуры. История и современность» (VI-16) приняло участие более 100 человек. Были представители из разных епархий. Ряд докладов был посвящён святому праведному Иоанну Кронштадтскому.

Круглый стол «Посланничество русской культуры» (VI-17), посвященный 135-летию со дня рождения Ивана Шмелева, состоялся в Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье» (сопредседатели – В.А. Москвин и В.А. Никитин). В своем вступительном слове В.А. Москвин отметил, что для многих россиян эмиграция стала стимулом личного духовного возрождения, путем к Богу и в Церковь, многие российские деятели культуры пережили духовное обращение. Одним из типичных носителей именно христианской культурой явился замечательный русский писатель Иван Шмелев.

Редакция журнала «Наука и религия» любезно приютила участников другого круглого стола, на тему «Культура и цивилизация. Воцерковление культуры и проблемы культурологии» (VI-14, председатель О.Т. Брушлинская, гл. редактор журнала). Обсуждение мировоззренческих проблем, связанных со взаимоотношением ученых и Церкви носило здесь принципиальный и откровенный характер. В круглом столе помимо культурологов, представителей науки и Церкви приняли участие ведущие сотрудники журнала – зам. гл. редактора В.К. Лобачев, ведущий редактор О.Б. Мраморнов и др.

Конференция «Православная Церковь и культура в информационном обществе (цифровое наследие Церкви и России)» (VI-18) под руководством М.М. Панфилова и С.Т. Петрова) заслуживает, безусловно, особого внимания. Отечественные традиции сохранения памяти основаны на ведении церковных синодиков, сословных книг, родовых и семейных архивов. В ходе развития российской цивилизации силами государства и общества была создана уникальная система архивов, библиотек и музеев мирового уровня. На современном этапе развития глобального информационного пространства одним из важнейших факторов социально-экономического и духовного возрождения России становится формирование цифрового наследия. Переход к новым принципам, методам хранения и доступа к коллективной памяти требует скоординированных усилий научно-технических организаций, органов власти, религиозных конфессий.

Подводя общие итоги работы направления VI «Церковь и культура», отрадно отметить и суммировать общие инициативы, призывы и предложения, которые согласно прозвучали в выступлениях на разных конференциях, секциях и круглых столах направления:

– желательно более тесное сотрудничество клириков и воцерковленных мирян, которые могли бы достойно представлять отечественную культуру на страницах книг, периодических изданий, Интернет-сайтов, с теле- и радиотрибун;

– следует стремиться к поэтапному созданию единого информационного поля православной культуры с участием ее представителей из Ближнего и Дальнего Зарубежья (с учетом недавнего объединения РПЦ и РПЦЗ);

– необходимо дальнейшее обсуждение приемлемой для всех формы преподавания «Основ Православной Культуры» и «Истории Православной Церкви», с выработкой конкретных рекомендаций по этому поводу в виде итогового «Письма с Рождественских Чтений», обращенного к государственным органам и коммерческим структурам;

– следует обратить внимание на подготовку творческих кадров для регионов России и столицы, способных работать на основании наследия православной культуры;

– желательно разработать учебные и научные программы в области культуры, способные соединить профессионализм и православное мировоззрение;

– целесообразно поставить вопрос перед священноначалием Русской Православной Церкви о создании в Москве Синодального Отдела культуры с последующим открытием филиалов этого Отдела в каждой епархии; на первых порах можно было бы ограничиться открытием *подотделов культуры* в существующих уже Отделах религиозного образования и катехизации.

Смысл всех этих инициатив, пожалуй, можно выразить в одной фразе: необходимо активнее осуществлять поиск новых форм выражения вечных Евангельских Истин вообще и в области культуры в частности.

В.Б. Кудрин

Совместные вечера с клубом «Зеленая лампа Арбата» (февраль – май 2008 г.)

21 февраля 2008 г. «Дом А.Ф. Лосева» встречал *Бориса Мансуровича Мансурова,* подготовившего сообщение на тему «Пастернак и Ивинская: Ближе к истине». Борис Мансурович – ученый, работавший в области микроэлектроники, кандидат технических наук, заслуженный изобретатель СССР. С 1990 г. он занимается исследованием творчества Пастернака, с 1992 г. издал ряд книг о творчестве Пастернака и Цветаевой. Его статьи о жизни и творчестве Б. Пастернака печатались в журнале «Большой Вашингтон» (США), в газете «Русская мысль» и журнале «Грани». Борис Мансурович начал вечер с чтения стихов Б.Л. Пастернака, посвященных Ольге Всеволодовне Ивинской. Затем был показан документальный фильм, созданный немецкими кинематографистами, в основу которого положено интервью с О.В. Ивинской. В прениях по докладу выступила Наталья Борисовна Волкова, изложившая свою концепцию роли Ольги Всеволодовны в жизни Пастернака. В заключение вечера Борис Мансурович преподнес в дар Библиотеке книгу воспоминаний Ольги Ивинской и Ирины Емельяновой «Годы с Пастернаком и без него» (М., 2007).

20 марта 2008 г. состоялась встреча с заведующей отделом современной архитектуры Музея архитектуры имени А.В. Щусева, кандидатом искусствоведения *Ириной Владимировной Чепкуновой*. Тема встречи – «Новая Москва – реконструкция 20-х годов». Лекция Ирины Владимировны сопровождалась непрерывным показом диапозитивов, на которых запечатлены архитектурные шедевры Москвы 20-х годов прошлого века. Вначале Ирина Владимировна рассказала о возобновлении деятельности Общества охраны памятников культуры г. Москвы, занимающегося теперь не только памятниками старины, и памятника-

ми XX столетия. По словам Ирины Владимировны, современной Москве очень мешает отсутствие в настоящее время Генерального плана развития города, подобного плану А.В. Щусева, и нормативов застройки городской территории: «Создается впечатление, что кому-то очень выгодно такое положение вещей, и поэтому Генеральный план и нормативы никак не дают принять». Эти слова выступающей вызвали бурный отклик всех присутствующих. В заключение Ирина Владимировна ответила на многочисленные вопросы, в основном касающиеся дальнейшей судьбы памятников рассматриваемой эпохи, в частности, – знаменитого «Дома Мельникова».

17 апреля 2008 г. гостем «Зеленой лампы» стала искусствовед *Елена Николаевна Гращенкова*, выступившая с сообщением «Кино Серебряного века». Рассказав об истории своего рода, в особенности, о своем отце Николае Ивановиче Гращенкове, бывшем известным врачом и занимавшем некоторое время должность народного комиссара здравоохранения, Елена Николаевна перешла к основной теме своего выступления – жизненному и творческому пути одного из первых киносценаристов и режиссеров Евгения Францевича Бауэра (1865 – 1917). Основная мысль Елены Николаевны: кино 1910-х годов – не примитив, подобный современным «боевикам». В этом кино органично выражена эстетика Серебряного века, не в меньшей мере, чем в изобразительном искусстве, литературе и музыке. В справедливости этих слов Елены Николаевны смогли убедиться все присутствующие, просмотрев прекрасные фильмы Евгения Бауэра «Дети века» (1915) с Верой Васильевной Холодной в главной роли и «Жизнь за жизнь» (1916).

15 мая 2008 г. прошло заключительное заседание клуба «Зеленая лампа Арбата» в сезоне 2007 – 2008 гг. Открыв заседание, председатель Клуба *Валерия Викторовна Португалова* подвела итоги девятого сезона. Ряду сотрудников Библиотеки, за активное участие в работе Общественного клуба «Зеленая лампа Арбата», были вручены Почетные грамоты Муниципального собрания района Арбат. Затем слово было предоставлено гостю – председателю Ассоциации реставраторов России *Савве Васильевичу Ямщикову*, выступившему с докладом «Судьба архитектурно-художественного наследия России». После показа двух документальных фильмов, повествующих о жизни Саввы Васильевича, гость ответил на многочисленные вопросы присутствующих как вызванные просмотром фильмов, так и подготовленные заранее. Первый фильм, показанный впервые, представлял собой запись беседы Саввы Васильевича в прямом эфире с телезрителями в рамках программы «Рожденные в СССР» на телеканале «Ностальгия». Вопрос, поставленный Саввой Васильевичем: «Почему в 1944 году, когда еще шла война, Правительство СССР нашло возможным выделить средства на немедленную реставрацию памятников Новгорода и Пскова, а в 2008 году, без всякой войны, они разрушаются»? – вызвал наибольший отклик как телезрителей, так и всех, пришедших на заключительное заседание девятого сезона.

С.А. Баранова

Музыкальная гостиная «Дома А.Ф. Лосева»

Концерты камерной классической музыки звучали в «Музыкальной гостиной» «Дома А.Ф. Лосева» и в 2008 г. Эти общедоступные концерты продолжают традиции российской музыкальной культуры: проведение концертов для той части общества, которая, не имеет возможности часто посещать концертные залы.

Впервые в российской истории такие концерты были учреждены в конце XIX в. в Санкт-Петербурге известным русским меценатом графом Александром Шереметевым. Граф лично участвовал в них как дирижер и проводил лекции-концерты по истории музыки. Среди выступавших на этих концертах музыкантов Чайковский, Бородин, Балакирев, Рубинштейн и др. В 1997 г. проведение общедоступных концертов возобновил Большой симфонический оркестр им. Чайковского под управлением Владимира Федосеева. Эта традиция продолжается и в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева», где каждый имеет возможность услышать любимые музыкальные произведения классиков.

В феврале 2008 г. в Библиотеке состоялись два концерта камерной классической музыки.

8 февраля выступили лауреаты международных конкурсов: *Максим Анисимов* (кларнет), *Игорь Приходько* (труба), *Павел Студенников* (флейта), *Светлана Колесникова* (фортепьяно), *Лилит Аджамоглян* (фортепьяно). Прозвучали Концерт A-dur (чч. II, III. Andante. Allegro) В.А. Моцарта, «Полет шмеля» Н. Римского-Корсакова, Вариации на темы оперы «Кармен» П.-И. Пети, «Бездна птиц» О. Мессиана, «Лунный свет» К. Дебюсси, «Джазовая сюита» К. Боллинга и др. Перед началом концерта в зале проходила медиаминутка – демонстрация фотоархива медиатеки «Концерты в "Доме А.Ф. Лосева"», а также показ диска «Дети и детство в мировом искусстве».

18 февраля состоялся концерт фортепьянной музыки. Перед концертом о международном юношеском конкурсе пианистов им. В.И. Сафонова рассказал профессор Московской государственной консерватории *Александр Ашотович Мндоянц*. Это вступление стало введением в тему концерта, так как все исполнители – лауреаты Международного юношеского конкурса пианистов имени В.И. Сафонова Алексей Чуксин (8 класс) и Татьяна Дорохова (10 класс). В программе: прелюдии и фуги (H-dur, ХТК, т. I; F-dur, ХТК, т. II) И.С. Баха, Соната (c-moll, ч. I, К. 457) В.А. Моцарта, «Баллада» (№ 3 As-dur), «Экспромт» (№ 3, op. 142, B-dur) Ф. Шуберта, «Скерцо» (№ 2, b-moll), Ф. Шопена, «Вариации на тему Паганини» И. Брамса, восточная фантазия «Исламей» М.А. Балакирева.

В марте в Библиотеке пошел цикл музыкальных вечеров к 135-летию со дня рождения С.В. Рахманинова (1873 – 1943). Продюсерами концертов камерной классической музыки к 135-летию С.В. Рахманинова, прозвучавших в Библиотеке в марте, были *Ольга Михайловна Ланенкина и Александр Серафимович Скрябин*. Предваряя эти музыкальные вечера, 3 марта был показан документальный фильм «С.В. Рахманинов» из цикла «Гении» (проект А. Кончаловского).

5 марта музыку С.В. Рахманинова исполняли лауреаты международных конкурсов: *В. Непомнящая* (фортепиано), *Д. Каменева* (скрипка), *М. Бондарь* (скрипка), *Е. Резниченко* (скрипка), *Т. Мурадян* (виолончель), *Г. Саркисов* (виолончель), *Т. Беляева* (виолончель).

13 марта прозвучал концерт камерной классической музыки в исполнении лауреатов международных конкурсов *Я.Тимофеева* (фортепиано), *Е. Андреев* (фортепиано). Исполнялись произведения не только С.В. Рахманинова, но и И.С. Баха, Ф. Мендельсона.

21 марта в нашем зале прошел «Мастер класс» преподавателей Детской музыкальной школы № 13 имени Ан. Александрова – Л*.Н. Семеновой* и *Л.А. Зубковой* (директор школы – *Мария Арсеньевна Федорова*). Выступили учащиеся школы и студентка из Испании. На мастер-класс были приглашены участники «Музыкальной гостиной колледжа им. Ушинского». Так, Библиотека оказывает помощь и поддержку в работе творческих и музыкальных клубов и кружков по интересам различных учебных и общественных организаций.

Библиотека «Дом А.Ф. Лосева» продолжает принимать активное участие в *Международном фестивале камерной музыки «Весна в России»*. В рамках фестиваля прошли два концерта.

11 апреля в Библиотеке прозвучал концерт в исполнении Государственного квартета имени П.И. Чайковского. Квартет является учредителем и автором идеи Международного фестиваля камерной музыки «Весна в России» – «Русская музыка». Исполнители: солист Московского концертного филармонического объединения *Лев Масловский* (скрипка), *Захар Малахов* (скрипка), заслуженный артист России, лауреат международных конкурсов *Сергей Батурин* (альт), лауреат Международного конкурса им. П.И. Чайковского (1-я премия) и Международного конкурса музыкантов в Белграде (1-я премия), солист МГАФ *Кирилл Родин* (виолончель). В программе – произведения С. Прокофьева и А. Глазунова.

14 апреля концерты камерной классической музыки продолжил Ансамбль солистов Российского национального филармонического оркестра под управлением В.Т. Спивакова. Исполнители: *А. Холодов* (фортепиано), *Е. Смирнова* (фортепиано), *И. Цирюльникова* (скрипка), *Н. Болдова* (альт), *Д. Нигматулина* (виолончель). В программе – произведения И. Брамса и А. Глазунова.

7 мая к Дню Победы в «Доме А.Ф. Лосева» для ветеранов, жителей района Арбат и всех желающих состоялся концерт народной музыки. Выступал квартет «Московская балалайка». Исполнители – заслуженные артисты России *Владимир Ионченков*, *Александр Горбачев*, *Игорь Коновалов*, *Юрий Биржев*, при участии лауреата всероссийских и международных конкурсов Алексея Волжанина (тенор) и лауреата международных конкурсов *Ларисы Волжаниной* (меццо-сопрано). Звучали песни «В городском саду», «Черноглазая казачка», «Смуглянка» М. Блантера, «Катюша» и «Моя Москва» М. Исаковского, «Синий платочек» Е. Петербургского, «За дальнею околицей» Н. Будашкина, «Ехал я из Берлина», «Каким ты был», «Ой, цветет калина» И. Дунаевского и др.

14 мая в Библиотеке прозвучал Концерт скрипичной музыки. В концерте приняли участие лауреаты международных конкурсов *Юлия Игонина* (скрипка) и *Ирина Попова* (фортепьяно). Исполнялись «Чакона» Т. Витали

(в обработке Л. Шарлье), Соната (№ 3, op. 45, c-moll, в 3-х частях) Э. Грига, Романс (f-moll, op. 11) А. Дворжака, Паганиниана для скрипки соло Н. Мильштейна, «Пляска смерти» (в авторском переложении для скрипки и фортепиано) К. Сен-Санса, «Песнь любви» Й. Сука, Фантазии на темы оперы «Кармен» Ж. Бизе – П. Сарасате.

Становится хорошей традицией «Дома А.Ф. Лосева» выступление в рамках фестиваля «Читающий Арбат» участников всероссийских и международных конкурсов и фестивалей. 31 мая у памятника А.Ф. Лосеву, во внутреннем дворике Библиотеки состоялся концерт духовой музыки в исполнении «Брасс-квинтета». Выступали: Солист оркестра кинематографии под управлением С. Скрипки *Алексей Терголинский* (труба), солист оркестра «Новая Россия» под управлением Ю. Башмета *Грант Вартанов* (труба), солист оркестра ГАБТ *Алексей Раев* (валторна), солист оркестра ГАБТ *Сергей Алюдин* (тромбон), солист оркестра ГАБТ *Владислав Садеков* (туба). В программе звучала как классическая музыка И.С. Баха, Г. Генделя, В.А. Моцарта, П.И. Чайковского, так и современная.

В «Музыкальной гостиной» Библиотеки в этот же день, в продолжение фестиваля «Читающий Арбат» для жителей района Арбат и гостей столицы состоялся концерт фортепианной музыки заслуженного артиста России, профессора Московской государственной консерватории *Михаила Петухова*. Были исполнены произведения Ф. Листа и М.П. Мусоргского.

В июне в «Доме А.Ф. Лосева» прошел цикл концертов камерной музыки. *9 июня* произведения И. Брамса и А. Дворжака звучали в исполнении лауреатов международных конкурсов *Юлии Рогачевской* (фортепьяно), *Елены Корженевич* (скрипка) и *Наталии Кислицыной* (виолончель). 18 июня сочинения Л. Бетховена, И. Брамса, Мясковского исполнили лауреаты международных конкурсов *Александр Забабуркин* (виолончель) и *Максим Шаталкин* (фортепиано).

Музыкальная гостиная «Дома А.Ф. Лосева» продолжает свою работу, предоставляя возможность услышать любимые музыкальные произведения всем желающим.

Из архива

А.Ф. Лосев

Эмпиризм и наука

<…> Быть может, легче всего демонстрировать недоказуемость интуиции с точки зрения ее *мистического наполнения.* В самом деле, большинство думает, что сверхчувственное недоказуемо и Бог не выводим с математической достоверностью. Однако, и в этом вопросе не придется быть совсем кратким и просто утверждать, вместе с большинством, недоказуемость мистического опыта. Достаточно напомнить, что, если большинство верит в недоказуемость сверхчувственного, то еще б***о***льшая часть людей верит в доказанность чувственного. А это уже есть как раз та самая ошибка, которая всегда мешала правильно оценивать мистические и немистические системы в истории. *Опыт, рассматриваемый с точки зрения мистики, равно и одинаково недоказуем, независимо от того, содержит ли он полноту мистического напряжения или сводится на констатирование позитивных фактов.* Существует один и единственный опыт, одинаково недоказуемый во всех своих видах. В более насыщенной форме он проявляется как мистический опыт; в более пустой и внешней – как т<ак> н<азываемый> чувственный. Но в сущности никого ни в чем, ни в каком опыте нельзя убедить. Выбор той или иной интуиции, чувственной и сверхчувственной, в их бесконечных оттенках и разнообразии, зависит не от чего иного, как от самих же интуиций, и логически одна ничуть не хуже другой. Интуиция здесь действует не логикой смысла, а *силой* смысла; в интуиции слиты факт и норма. И доказательность такой интуиции гораздо более зависит от всяких жизненных событий, крупных и мелких, чем от логических аргументов. Никакой основатель религии не был и не мог быть философом, т.е. мыслителем в понятиях, ибо это для опыта – все же нечто внешнее. Для ап. Павла, конечно, наилучший аргумент в его религии, это – событие на пути в Дамаск. Часто пушки, виселицы и тюрьмы более аргументируют для религии, чем, напр<имер>, развитая система спиритуализма. И чтобы поверить в чувственное, отойдя от сверхчувственного, или поверить в сверхчувственное, отойдя от позитивных фактов, – для того и другого случая надо изменить не миросозерцание, но жизнь.

В этой проблеме накопилась такая масса предрассудков, что приходится в анализе недоказуемости интуиции идти прямо ab ovo. Что такое здесь недоказуемость? Это, конечно, не есть недоказуемость самого *факта* интуиции (сверхчувственной, главным образом), хотя и есть такие слепцы, которые отрицают даже возможность такого факта. Мы не будем спорить с такими философами, для которых мистическое ощущение не есть нечто реальное. Можно бы посоветовать им читать *Джемса* или хотя бы любого «психиатра», но не стоит и советовать. Мы будем иметь в виду недоказуемость интуиции исключительно лишь с точки зрения ее *гносеологического* значения. Мы, другими словами, утверждаем, что *никакая форма опыта, ни чувственная, ни сверхчувственная, не является доказуемой для другой формы опыта, являясь однако вполне обоснованной для себя самой.* Чувст-

венное так же вне логики, как и сверхчувственное. Логика начинается там, где уже что-нибудь интуитивное установлено; если установлен чувственный опыт, получается одна система; если сверхчувственный – другая.

Попробуем демонстрировать недоказуемость чувственной и сверхчувственной интуиции на некоторых историко-философских примерах.

В особенности упорно и бессмысленно люди верят в какую-то особую очевидность и доказанность *чувственного* опыта, – в противоположность сверхчувственному. Это учение так и окрестили именем эмпиризма, как будто бы мистик не базируется на опыте и не есть эмпирик. Вот с этого «эмпиризма» и начнем.

Если у предшественников *Фрэнсиса Бэкона* можно обнаружить полное внимательности отношение к двум сферам знания, то сам Веруламский философ по этой части колоссально легкомыслен, если не сказать больше. Ведь *Рожер Бэкон* тоже занимался естествознанием и его логикой и, быть может, не меньше своего более знаменитого однофамильца; однако его критика априористических построений в физике не только смягчена астрологическим миросозерцанием, но и разумным обоснованием разницы между внешним и внутренним опытом; с одной стороны, «кто знает основание и причину при помощи опыта, тот совершенен в мудрости» и «без опыта ничто не может достаточно познано» (причем Штёкль подчеркивает решительно-эмпирический характер этого опыта)[1]; с другой стороны, утверждается наличие сверхчувственной интуиции и даже перечисляется семь ступеней мистического восхождения. *Вильгельм Оккам*, предупреждая учение Фр. Бэкона о чувственном знании, все же критикует традиционное учение о «виде чувственном» и «интеллигибельном»; свою знаменитую формулу «тщетно становится через большее то, что может возникнуть через меньшее» он обставляет все же детальной и осмысленной аргументацией[2]. Только «основатель» «эмпирического» метода обошелся с проблемой эмпирии легкомысленно и не удостоил ее своего, хотя бы малого, внимания.

Однако ведь интуиция мистического (во всех его проявлениях, вплоть до ординарной позитивности), как я хочу утверждать, и недоказуема принципиально. Относительно Фр. Бэкона я хочу только сказать то, что на нем одновременно демонстрируется как принципиальная недоказуемость интуиции, так и тупая уверенность т<ак> н<азываемых> «эмпириков» в доказуемости интуиции чувственной.

Без преувеличения надо сказать, что единственный аргумент против старой философии и теологии у Фр.Бэкона, это – высмеивание, брань и злобное шипение. Мы плохо читаем Бэкона. Это, говорим мы, какие-то предчувствия научной индукции, какая-то полу-средневековая, полу-«научная» гносеология и логика, и в то же время, думаем мы, это – «основатель», «отец», «первый эмпирик» новой философии; тут обычно идут восхваления. А почитайте в самом деле Бэкона, – не для индукции или классификации наук, – а для самого Бэкона, и вы обнаружите не философа

---

[1] В рукописи первоначально обе цитаты приведены на латыни, затем зачеркнуты и поверх помещен перевод на русский язык; в зачеркнутой части текста указано, откуда взяты цитаты: *A. Stökl*. Geschichte d<er> Philos<ophie > d<es> Mittelalt<er>. II Bd, 1865, c. 919, 921.

[2] Здесь в рукописи также первоначально приведены латинские цитаты и есть ссылка на ту же книгу А. Штёкля, с. 991–993.

и не ученого, а просто приятного рассказчика и светского болтуна, который не лезет в карман за словом, и который не прочь ругнуть, кого хотите и за что угодно. То в полу-заметных намеках или в ругательных формах бранит древность, то со вкусом цитирует Цицерона и Вергилия и, где надо и не надо, уснащает свою речь мифологическими реминисценциями. То смеется над глупостью и отвлеченностью философии, выставляя наперекор ее «чисто идеальным обобщениям» – «строго определенные принципы» (Собр. соч., пер. <*П.А.*> *Бибикова*, I, стр. 77), то высказывает старый благородный взгляд: «только с колокольни и с возвышенного места можно видеть далекие предметы, и нет возможности заметить самые отдаленные, как и самые близкие части какой-либо отдельной науки, пока остаешься на уровне этой самой науки, и не подымешься, так сказать, к более возвышенной, чтобы смотреть оттуда, как с башни» (ibid, 133). С одной стороны, теология «завистлива» (96), в ней «пустое созерцание», соединенное с «бесплодными спорами в философии» (125), и Платон не удержался на высоте своей гениальной философии, «обратившись к теологическому умозрению, *исказившему* и *заразившему* всю его натуральную философию» (269–270); с другой стороны, теология у него самого стоит как завершение всего знания, и он таинственно обещает заключить свое сочинение ею, «так как она служит как бы пристанью и местом успокоения всех человеческих умозрений» (237). И все говорит, говорит, говорит… Тут и целые мифологические трактаты, и целые бойко написанные гимны и молитвы Богу, тут и всякие уместные и неуместные остроты, вроде шутки Эразма: «decem annos consumpsi in legendo Cicerone, на что эхо отвечало ὀνε, – осёл»[3]. Тут есть все, что угодно, кроме внимания к проблеме интуиции и опыта. Это светская болтовня, остроумные изречения и больше ничего по нашему вопросу.

Перелистаем увесистый томик «De dignitate et augmentis scientiarum»[4]. Вот вам длинное предисловие, посвященное отчасти «критике» старой вне-«опытной» философии и теологии. «Вся эта воображаемая мудрость, почерпнутая нами у греков, представляется, так сказать, младенчеством науки и, подобно последнему[5], весьма склонна к болтовне, но, за отсутствием зрелости, неспособна к плодорождению; она весьма плодовита на словопрения, но крайне бедна на факты». «Если бы подобные науки не были безусловно мертвыми, то каким образом могли бы они в продолжение целых столетий оставаться как бы пригвожденными к одному месту, и не представить успеха, достойного человеческого рода, до такой степени, что не только не утверждается ими ни одного положения, но и самый вопрос остается вопросом» (61). «Все это научное раболепие есть не что иное, как результат нахальства немногих людей и слабости, беспечности остальных» (62). «Чт***о*** же, видим мы, обращается между народом? Учения задорливые и разрушительные или такие, которые, при заманчивой форме, лишены содержания, словом, такие учения, какими им следует быть, чтобы подкупить одобрение народа или потворствовать его стра-

[3] Десять лет потратил я на чтение Цицерона *(лат.).* Эпизод из «Разговоров запросто» Эразма Роттердамского.

[4] О достоинстве и приумножении наук *(лат.).* Название первой части трактата «Великое Восстановление Наук» Ф. Бэкона.

[5] Т.е. младенчеству.

стям» (63). «Резюмируя в нескольких словах сказанное нами, люди мало, по-видимому, выиграли в построении наук на личных интересах или на доверии к авторитетам потому, главным образом, что нечего почти ожидать от известных уже методов и опытов» (66). Так, «опираясь на божественную помощь и возлагая на Нее упование» (68), «критикует» Бэкон старую философию и теологию. Можно ли считать это критикой?

Пойдем дальше. Все сочинение испещрено злостными намеками и чисто эмоциональными выпадами против враждебной ему философии. Мы изучаем «самые предметы», а там какие-то предположения и «разыгрывание роли вещунов» (81); «мы не приводим ничего чудесного, ни одного преувеличенного факта; все, предлагаемое, очищено от напыщенности, свободно от суетности и вполне безупречно», чтобы «басни, суеверные сказки и весь этот вздор, которым кормилицы убаюкивают детей и на который они смотрят, как на шутку», не исказил детского состояния философии (84); «словом, мы всюду рассыпаем предостережения, сомнения, осмотрительность, отовсюду изгоняя и повергая призраки как бы какой религией и заклинанием» (85). Бэкон не скупится на мелкие выпады и мелочные придирки. Сочинения схоластиков «запутанная и многотрудная ткань» (125); истинная наука должна перестать быть «как бы наложницей, орудием сластолюбия, или рабой, орудием барыша» (137); покровители наук «имели в виду более собственное тщеславие и самопрославление, чем действительный прогресс знаний» (167); ученые, «среди непрерывной тревоги ума, обращаются и, так сказать, взывают к собственному разуму, чтобы он напророчествовал бы в их пользу, и сделал прорицания, которые бы приятно обманывали и ослепляли их, как они того и заслуживают» (134); старые философы все нечестны: они всегда употребляют «румяны, обманывающие их и льстящие их вкусу», как, напр<имер>, у Платона – его теология, у Аристотеля – логика, у Прокла – математика и т.д. (там же). Этою бранью можно было бы исписать несколько десятков страниц.

Этого делать, конечно, нам не следует. Достаточно указать еще на то, что и по главным темам своих исследований Бэкон весьма далек от попыток действительно доказать или хотя бы показать правоту чувственной интуиции – в сравнении с сверхчувственной. Первая книга «De dignitate» начинается с приторной и противной лести королю, которому, «подобно Гермесу Трисмегисту принадлежит троякая слава, а именно могущество царя, озарение священника и знание философа» (95); потративши несколько страниц на эту лесть, Бэкон, «забывая на время свет, проливаемый (на государя) его добродетелями», чтобы поразиться «тем широким полетом гения, охватывающим столько великих вопросов, тою цепкостью памяти, тою живостью понимания, тою проницательностью ума, наконец, тою свободой речи», которые составляют отличие Его Величества (93–94), начинает доказывать «превосходство и достоинство наук и искусств во всех отношениях» и в то же время говорить о «заслуге людей, которые с таким же прилежанием, как и рвением, работают над их усовершенствованием» (96). Доказывается, что наука не ведет обязательно к атеизму (97–102), что «науки и искусства не развращают умы в политическом отношении» (102–110), что науки и искусства не отражаются обязательно плохо на материальном положении их работников, на их нравах и занятиях (110–138); далее, идет похвала наукам на основании божественных (139–145) и челове-

ческих свидетельств (145–165). Такова первая книга. Со второй же книги, после обычной лести королю, уже начинается классификация наук, неинтересная для нашей проблемы, кроме последней, IX книги, идет речь о т<ак> н<азываемом> «вдохновенном богословии», введенном в классификацию. Здесь Бэкон дает «введение только в три desiderata[6]: науку законного употребления разума человеческого в божественных предметах; науку степеней единства в обители Бога, и истечения из Священного Писания» (614). Здесь, казалось бы, вполне уместно дать анализ двух интуиций. Бэкон и пытается наметить принципы «естественного знания», в противоположность откровению. Слова «естественное знание» «могут быть приняты в двух различных смыслах: 1) в том, что это знание получается путем чувств, индукции, разума, доводов, согласно с законами неба и земли; 2) в том, что освещает душу человеческую внутренним чувством, инстинктом, по законам совести, которая есть как бы искра или след древней первобытной чистоты» (617). «В предметах, касающихся религии, ум человеческий может иметь двоякое применение: во-первых, для разъяснения тайн, во-вторых, для вывода возможных из них последствий» (618). И там, и здесь инициатором, так сказать, знания является Бог. В этом отличие от естественного знания. В религии даны принципы, из которых разум делает выводы; в науке «самые принципы подлежат исследованию путем индукции, но вовсе не путем силлогизма» (619).

Однако наш вопрос как раз в том и заключается: почему откровение не воспринимается так же непосредственно, как и чувственные предметы, почему получилась возможность под опытом понимать только чувственный опыт, почему такой принципиальный разрыв между верою и знанием, что «чем более невероятна и немыслима божественная тайна, тем большее воздаем мы почитание Богу, и тем более блестящую победу одерживает вера» (615)? Читая Бэкона, вы с первых строк видите, что «природа», «опыт», «наука» употребляется совершенно в специфическом виде и значении, притом совершенно догматически, равно как и любое сочинение из патристики употребляет эти понятия тоже в своем, специфически-мистическом значении. И, по крайней мере, Бэкон в «De dignitate et augmentis scientiarum» не дает обоснования своему эмпиристическому словоупотреблению. Где-то в глубине и в тайниках души философа и человека решаются судьбы его опыта; написанное же сочинение *уже* предполагает ту или иную, определенную степень мистичности опыта. Вникая в сочинения Бэкона, мы входим уже в совершенно определенную атмосферу; и нельзя спрашивать и требовать доказательство для нее, ибо это значит требовать доказательства для ценности и годности всей внутренней и внешней жизни философа.

Хорошо рисует отношение Бэкона к религии *К. Фишер* (Fr<ancis> Bacon und seine Schule, X том Gesch<ichte> d<er> n<eueren> Philos<ophie.> 1904, стр. 274–291). Он говорит (279), что бэконовская философия не может объяснить религии, она не может понять ни творческой фантазии в искусстве, ни сущности человеческого духа; у нее отсутствуют все органы для понимания взаимоотношения между Богом и человеческим духом. Такая философия может, рассуждает Фишер, или просто принять религию, или просто отвергнуть. И у Бэкона, у которого к тому же такая «подвиж-

[6] пожелания *(лат.).*

ная» философия, мы находим беспрестанное то принятие, то отвержение религии. Правда, Фишер вспоминает главу «Об атеизме» из «Нравственных очерков», где именно механизм природы требует, по Бэкону, признания Высшего Разума для объяснения «удивительного порядка» (*Бэкон.* Собр. соч., рус. пер. II, стр. 360), так что «теоретические построения Бэкона не мешали ему признавать религию». Но все это рассуждение Фишера как раз указывает на разрыв между верою и знанием, который бездоказательно лежит в основе всей Бэконовой философии. Самостоятельная роль индукции и утилитарный взгляд на науку потому и стали возможными, что знание потеряло мистический смысл, и от «веры», от этого πίστει νωυμεν ап. Павла («Верою разумеваем», Евр. <11.3>[7]) осталось только доверие *чему-то*, собственно говоря, неизвестно, чему.

Мы не станем разбирать другого большого произведения Бэкона. Ибо «Новый орган<он>» уже окончательно стоит вне нашей темы. Все эти «афоризмы о толковании природы и о царстве человека» I-ой книги с их знаменитым учением об «идолах», вся эта длиннейшая и скучнейшая II книга, где на протяжении 200 страниц смакуется «природа теплоты», – все это вещи настолько общеизвестные и банальные в наше время, не говоря уж об их практической бесполезности, что ясна и без дальнейшего вся базированность этих идей на рассудочно-эмпирическом основании и, следовательно, лежащий под этим раскол религии и науки. Обоснованность же самого раскола отсутствует и здесь.

Умнее и осмотрительнее *Локк*, другой классический эмпирик Нового времени. Этот не так бранится, не болтает попусту светский вздор, дает некую систему, и в критике соблюдает почти всегда благородную и невозмутимую позицию философа. На нем удобнее демонстрировать *принципиальную* недоказуемость степени мистического в опыте, чем на Бэконе, у которого к этой принципиальности примешивается еще субъективно-неопределенная и подозрительно-легкая подвижность настроений и симпатий. Правда, Локк хуже тем, что традиционная история философии исказила его подлинную философскую физиономию, увидевши там голый сенсуализм. *В.<С.> Серебренников* написал целую книгу «Учение Локка о прирожденных началах знания и деятельности» (СПб. 1892), где сближает Локка с Декартом, и в I книге «Опыта о человеческом разуме» видит критику учения о врожденности начал, понимаемых лишь в смысле *готовых* понятий и знаний. Но этот весьма интересный вопрос нас в этом месте почти не касается. Если и прав *Н.Д. Виноградов*, что исключительно эмпирическое представление о Локке «обыкновенно создается на почве знакомства с двумя первыми книгами "Опыта о человеческом <раз>уме", причем остается в тени последняя, 4-ая книга этого произведения, столь важная для понимания истинной природы философии Локка» («Филос<офия> Д<авида> Юма» М. 1905. I, стр. 40), то все равно незыблемым должно остаться полное игнорирование Локком в анализе человеческого разума интуитивно-сверхчувственных оснований.

Анализ разума начинается с утверждения: «Все идеи получаются из ощущения и рефлексии» («Опыт», пер. *А.Н. Савина*, М. 1898, стр. 79). Откуда, значит, получаются эти идеи? «На это я отвечаю одним словом: из опыта. В опыте заключается все наше знание, от него в конце концов оно

[7] В рукописи оставлено свободное место для ссылки.

происходит. Наше наблюдение, направленное то на внешние чувственные объекты, то на внутренние действия нашей души, воспринимаемые и рефлектируемые нами самими, доставляют нашему разуму весь материал мышления. Вот два источника знания, от которых происходят все идеи, которые мы имеем или можем иметь» (80). Дальше идут кое-какие соображения о том, что все идеи базируются на опыте, – главным образом на основании наблюдения за детьми. Но однажды принятая установка остается незыблемой: «Ни из какого другого источника, кроме указанных двух, разум, на мой взгляд, не получает ни малейших проблесков идей. Внешние вещи доставляют душе идеи чувственных качеств, которые все суть производимые в нас вещами различные восприятия, а душа обогащает разум идеями своих собственных деятельностей» (81). Будучи удивлены, вы спрашиваете: позвольте, откуда Локк знает, что только эти два источника «идей» существуют? Почему Локк ни слова не говорит о такой действительности, которая есть и не материальное и не психическое? А куда он поместит Бога, о котором он сам с таким благоговением говорит? Почему всякий опыт равносилен или чувственному или внутреннему опыту? Все эти вопросы останутся без ответа, сколько бы вы ни читали Локка. Его философия *уже* базируется на этом минимуме мистического в опыте, и минимум его – просто за пределами в***и***дения Локка. Потому и нечего требовать от него *аргументов* в пользу исключительной, максимально узко понимаемой эмпиричности опыта.

Всем известны Локковы взгляды на откровение и взаимоотношения его с разумом. Их мы не игнорируем, а как раз <из> них-то и видно это исключительное упорство всякого опыта признавать только себя и притом вне всяких аргументов. – Локк признает веру как некую высочайшую достоверность (678–679). Но что же это за особая достоверность, если все известные идеи основаны лишь на ощущении и рефлексии? Это такая достоверность, чувствуем мы уже a priori, которая, конечно, ниже на самом деле достоверности двух принятых вначале источников опыта, и «разум», конечно, должен еще проверить эту достоверность. Так оно и оказывается.

Что это значит, прежде всего, «выше разума, противно разуму, согласно с разумом»? «1) Согласны с разумом такие предложения, которых истинность мы можем открыть через ощущение и исследование идей, получаемых от ощущения и рефлексии, и которые путем естественной дедукции мы находим истинными или вероятными. 2) Выше разума такие предложения, истинность или вероятность которых нельзя вывести путем разума из этих принципов. 3) Противны разуму предложения, несовместимые или непримиримые с нашими ясными и раздельными идеями» (700). Ясно, что критерием «разумности» является и здесь все тот же узко-эмпирический опыт. А тогда ясно и то, что «традиционное откровение не может передать новой простой идеи» (703), что «традиционное откровение может научить нас таким предложениям, которые познаваемы и разумом, но *не с такою достоверностью*, как разум» (704), что «нельзя допускать откровения вопреки ясной очевидности разума» (705), и что, наконец, «вера не есть доказательство откровенности» (709) и «разум должен судить об откровении» (718). Это и требовалось доказать: достоверность веры (или, как Локк в противоречии с собою выражается, «уверенность выше всякого сомнения», «очевидность без всякого изъятия», 679) висит в воздухе. Локк

отлично знает, что «высшая степень нашего знания есть интуиция без рассуждения» (696). Но он приписывает ее ангелам и будущему познанию праведных душ. А сейчас – такова его вера в ощущение и рефлексию, что перед ней меркнет и сама религиозная интуиция.

Итак, у Локка нет аргументов в пользу примата узко-эмпирического над эмпирическим в широком смысле. Это коренная интуиция, которую и нельзя доказать, ибо она – устройство самой жизни Локка.

Из всего классического эмпиризма *Юм* наименее занят нашей проблемой. Ему совершенно очевидна невозможность какого-нибудь опыта, кроме чувственного. И он так в этом уверен, что даже совсем и не занят хотя бы мало-мальски детальным сопоставлением одной интуиции с другою, не говоря уж об обосновании какой-нибудь из них. Правда, Юм охотнее других сознается в неполноте и недостаточности своей философии. На меня лично его признания в конце I книги «Трактата о человеческой природе» производят настолько же тяжелое и удручающее, насколько и сильное, эффектное впечатление. «Существуют, – говорит он, – два принципа, которых я не могу согласить друг с другом, и ни одним из которых я в то же время не в силе пожертвовать, а именно: *наши отдельные перцепции суть отдельные сущности* и – *дух наш никогда не воспринимает реальной связи между отдельными сущностями.* Если бы наши перцепции были присущи чему-нибудь простому и единому, или если бы дух наш воспринимал между ними какую-либо реальную связь, – тогда никакого затруднения этот вопрос не представлял бы. Что касается меня, то я принужден сослаться на свою привилегию скептика и признаться, что для моего ума эта задача слишком трудна» («Трактат», пер. *С.<И.> Церетели*, ч. I. 1906, стр. 258–259). Но все-таки эта общеизвестная честность Юмовой философии не избавляет ее от необходимости сознательно относиться к недоказуемости и недоказанности самых исходных пунктов эмпиризма. Наоборот, честность этого требует. И нельзя отказать Юму в том, что он хотел остаться честным и здесь. Он только как-то виновато сознался в этом, сознался в порядке какого-то интимного доверия к читателю, в то время как тут стыдиться совершенно нечего. Вот его волнующая VII глава «Трактата». Она вся – интимное признание. А, по-моему, нечего пускаться в интимности – для философии это необязательно; гораздо важнее – рассмотреть разные виды интуиции вообще и, описавши каждую из них, прямо сказать: я хочу такой интуиции, а не другой, и не ваше дело, почему я так делаю. Это мы и находим у Юма, но лишь, говорю, – в виде стыдливого признания. Достаточно привести эти слова: «После самого точного и тщательного своего рассуждения, я не могу указать *оснований*, в силу которых я должен согласиться с таковым, и не чувствую ничего, кроме *сильной* склонности *ярко* представлять объекты именно так, как они мне представляются» (243). И яркость этих переживаний завела его в такие дебри, что он уже сам не сознает, куда попал. «Интенсивное рассмотрение разнообразных противоречий и несовершенств человеческого разума так повлияло на меня, так разгорячило мою голову, что я готов отвергать всякую веру, всякие рассуждения, и не могу признать ни одного мнения хотя бы более вероятным или правдоподобным, чем другое. Где я и что я? Каким причинам я обязан своим существованием и к какому состоянию я возвращусь [после смерти]? Чьей милости должен я добиваться и чьего гнева страшиться? Какие суще-

ства окружают меня и на кого я оказываю хоть какое-нибудь влияние, или кто хоть несколько влияет на меня? Все эти вопросы приводят меня в полное замешательство и мне чудится, что я нахожусь в самом отчаянном положении, что я окружен глубоким мраком и совершенно лишен употребления всех своих членов и способностей» (246–247). Все это очень ценные признания, делающие Юму несомненно крупную честь. Но оставалось сделать одно – признать самодостоверность и правоту самой для себя так же и противоположной интуиции, т.е. интуиции цельности «я» и конкретного самосознания его в его тождественности и субстанциальности, – и тогда Юм был бы безупречен. Но Юм слишком ослеплен *своими* интуициями и не понимает, как можно жить и без скептицизма, не доходя до такого состояния, когда он «чувствует готовность бросить в огонь все свои книги и бумаги и решает никогда больше не жертвовать удовольствиями жизни ради рассуждений и философии» (247). Юм думает, – не аргументируя, – что его путь узкого эмпиризма – единственный путь.

Тут та же картина, что и у Локка. С самого начала человек убежден, что «все наши идеи, или более слабые представления, суть копии с наших впечатлений, или более живых представлений» («Исслед<ование о> челов<еческом> разум<ении>», пер. С.И. Церетели. СПб. 1902, стр. 18). Приводятся два аргумента, из которых первый повторяет лишь то, что требовалось доказать (всякая ведь интуиция только так и может поступать): «когда мы анализируем наши мысли или идеи, как бы сложны и возвышенны они ни были, мы всегда находим, что они могут быть сведены к простым идеям, скопированным с какого-нибудь предыдущего чувства, или ощущения» (там же); второй же аргумент сводится к тому, что «слепой не может составить себе представления о цветах, глухой о звуках»; «возвратите каждому из них то чувство, которого он лишен и, открыв новый вход для ощущений, вы в то же время открываете дверь идеям, и человек уже не находит труда в представлении соответствующих объектов» (19). Оба аргумента есть просто настойчивый крик узко-эмпирической интуиции: я, я, я! Она хочет взять как бы громким криком, и в этом вся аргументация. Не удивительно, что раз философ стал на такую точку зрения, то он придет и к тому, что все не-чувственное – неясно, и к тому, что сущность веры – в ясности и силе идей. «У нас есть положение, которое не только само по себе, по-видимому, просто и понятно, но при надлежащем применении может и всякий спор сделать столь же ясным, и вполне изгнать тот непонятный язык, который так долго господствовал в метафизических рассуждениях, только компрометируя их. Естественно, что все идеи, а в особенности отвлеченные, слабы и неясны: ум не твердо владеет ими, они легко могут быть смешаны с другими сходными идеями, а если мы часто употребляем какой-нибудь термин, хотя и без точного значения, мы очень легко способны вообразить, что с ним связана определенная идея. Напротив, все впечатления, т.е. все ощущения, как внешние, так и внутренние, сильны и живы; они гораздо точнее разграничены и не легко впасть относительно их в ошибку или заблуждение» (21). Удивительно это упорство каждой интуиции. Раз заявивши эту позицию, Юм проводит ее решительно во всем. Ясно тогда становится, что «мнение или вера могут быть вполне точно определены как живая идея, связанная отношением, или ассоциированная с наличным впечатлением» («Трактат», 93), и что

критерий веры, след<овательно>, в степени живости ее и яркости; ясно, что «никакое свидетельство не достаточно для установления чуда» («Исслед<ование>», 131); ясно, что религию необходимо объяснить обманом и невежеством: «Всякая новая религия при своем зарождении обыкновенно считается мудрыми и учеными людьми фактом, не заслуживающим внимания; а впоследствии, когда они охотно открыли бы обман для того, чтобы разубедить заблуждающуюся толпу, оказывается, что время уже прошло, документы и свидетели, которые могли бы выяснить дело, погибли безвозвратно» (146); ясно, что для соединения разорванных и механически-соединяемых идей не находится никакого особого условия, кроме законов «ассоциации идей», и в основе законов причинности и субстанции лежит простая привычка наша мыслить вещи так или иначе; ясны эти выкрики, пытающиеся всецело разорвать «веру» и «разум» («Исслед<ование>», 151); ясен весь Юм вплоть до последних строк в «Исслед<овании>», которые являются и конечным логическим выводом из раз принятой узко-эмпиристической позиции: «Если, удостоверившись в этих принципах, мы приступим к просмотру библиотек, какое опустошение должны мы произвести в них? Возьмем, например, в руки какую-нибудь теологическую или строго-метафизическую книгу и спросим: *содержит ли она какое-нибудь абстрактное рассуждение о количестве или числе?* Нет. *Содержит ли она какое-нибудь основанное на опыте рассуждение о фактах или существовании?* Нет. Так бросьте ее в огонь, ибо в ней не может быть ничего, кроме софистики и заблуждений» (193).

Так исходная интуиция, сама будучи недоказанной, определяет каждый шаг Юмовой философии. И первоначальные определения идеи и впечатления – условны, неопределенны и бездоказательны (*Г. Шпетт.* Проблема причинности у Юма и Канта. Киев. 1907, стр. 27–28); и целостность духа говорит о совершенно иных «идеях» и «впечатлениях» (*Л.М. Лопатин.* Положит<ельные> зад<ачи> фил<ософии>», ч. II. М. 1891, стр. 117 слл.); и, наконец, сам Юм знает, что он в сущности «не может найти теории, которая удовлетворяла бы» его в проблеме тождества личности («Трактат», 258), и что, след<овательно>, его «идеи» ничего ему не объяснили. И все-таки узко-чувственная интуиция остается незыблемой. До того она сильна, безапелляционна и непреоборима.

Мы ни слова не сказали о *Беркли.* Но с Беркли случился тот самый скандал, который до сих пор, окутывая очи историков философии, заставляет в философии Нового времени видеть лишь Vorgeschichte[8] Кантовской философии. Беркли попал в контекст Локка и Юма, как антитезис рационализму, а Кант трактуется, со слов, главным образом, самого Канта, Коперником, примирившим два главные «до-кантовские» течения. В мою задачу сейчас не входит выяснение истинного смысла философии Беркли. Достаточно указать только на то, что из всех произведений Беркли произвольно выхватывается лишь «Трактат о началах человеч<еского> разума», а из этого «Трактата» тенденциозно выбрасывается главная цель его, «доказательство существования и имматериальности Бога или природного бессмертия души». На глубокую связь Беркли с кэмбриджскими платониками прекрасно указал *П.<П.> Блонский* («Историч<еский> контекст фи-

[8] предыстория, доисторические времена *(нем.).*

лос<офии> Беркли», сборник «Г.И. Челпанову»[9], М. 1916, стр. 90–95); ему же принадлежит и весьма основательное сближение Беркли через *Кэмбридж* и *Мальбранша* с *Плотином* (там же, и его же, «Филос<офия> Плотина», М. 1918, стр. 305–306). Соображения *П.П. Блонского* заставляют нас опустить Беркли в рассуждениях о классическом «эмпиризме».

Итак, основатели и создатели, завершители т<ак> н<азываемого> эмпиризма не дали аргументов для исходных интуиций и опыта, лежащего в основе этого «эмпиризма». Нужно ли после этого доказывать отсутствие этих аргументов в остальной истории эмпиризма? Разве основание философии *Д.С. Милля* не тождественно с предпосылками Юмовой философии? Развить и дополнить Юма, напр<имер>, в последовательно эмпирическом и индуктивном обосновании математики[10] или в более мудреном, чем у Юма, учении о *вере* в существование внешнего мира – в противоположность непосредственному его восприятию, – разве все это значит рассуждать иначе, чем Юм?[11] Нет, новоевропейский эмпиризм есть сплошное вероучение, но только очень плохое вероучение, и сплошная метафизика, но только очень дурная и совершенно произвольная метафизика. Учение об эмпирических основах жизни – догмат, как и вся эта исступленная вера в науку (хотя наука сама по себе не имеет ничего общего с эмпирическим обоснованием науки). Эмпиризм наших физиков, химиков, естественников и врачей, до сих пор являющихся сознательными и бессознательными сторонниками английского эмпиризма, есть один из самых абстрактных, пустых, один из самых отвратительных видов метафизики. Эмпиризм – типично буржуазная философия, мануфактурное мировоззрение. Духовное убожество и пустота, толстый карман и сытое брюхо, а главное бараньи, куриные мозги – вот что такое основание современной физики, физиологии, биологии и медицины[12]. Самодовольное пошлячество физика и естественника, уверенного, что души нет, а есть мозг и нервы, что Бога нет, а есть кислород, что царствует всеобщий механизм и его собственная ученая мещански-благополучная, дрянненькая душонка, вся эта смесь духовного растления и бессмысленного упования на рассудок есть одно из самых

---

[9] Полное название сборника: «Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве 1891–1916. Статьи по философии и психологии». Именно в этом сборнике опубликована одна из первых научных работ А.Ф. Лосева «Эрос у Платона».

[10] Далее в рукописи зачеркнута фраза в скобках: («Система логики», пер. под ред. *В.Н. Ивановского*. М. 1914, кн. 2, гл. 5–7 и кн. 3, гл 24; у Юма, как известно, было некоторое противоречие между учением о математике как о сфере отношений идей, а не фактов, и – учением об идеях как копиях впечатлений).

[11] Далее начало фразы написано в рукописи карандашом, а затем до конца раздела текст выполнен фиолетовыми чернилами (весь предыдущий – черными), почерк этой части рукописи заметно отличается беглостью и вообще читается с затруднениями. Следовательно, перед нами – более позднее добавление.

[12] Следующий далее текст (от слов «Самодовольное пошлячество…» до «… любви и преданности») был воспроизведен в известном «Материале о рукописи А.Ф. Лосева "Дополнения к диалектике мифа"» («Источник. Документы русской истории», № 4 (23), 1996. С. 126), составленном сотрудником ОГПУ М.А. Герасимовой в июне 1930 года. Это совпадение вынуждает нас предположить, что данный раздел об эмпиризме (частично или целиком) был перенесен автором в состав «Дополнения» к «Диалектике мифа».

ужасающих чудовищ, порожденных буржуазной культурой. Это – та дебелая, краснощекая бабенка, которая сидит на телеге и весело щелкает орехи, когда – в известном сне Раскольникова – производится истязание несчастной клячи и ребенок прильнул к издыхающей, истекающей кровью лошади и в слезах обнимает и целует ее голову[13]. Так истязуется и распинается истина в человечестве, и немногие в слезах и духовной скорби окружают ее, отдавая последнюю дань любви и преданности. А дебелая и краснощекая бабенка буржуазии щелкает себе орешки и проповедует эмпиризм и механистический позитивизм в науке и жизни.

Примечания

В предыдущем, *седьмом* выпуске нашего «Бюллетеня» (с. 88–101), а также в журнале *Credo new, № 1(53), 2008* (СПб.) были впервые опубликованы вводные главы из работы А.Ф. Лосева под условным (дано публикаторами) названием «О единстве онтологии». Рукопись не датирована, вероятнее всего, ее следует относить к 1920-м годам.

Продолжаем публикацию, предлагая читателям новую главу «Эмпиризм и наука» из состава указанной работы. Заголовок данной главы не сохранился и реконструирован исходя из содержания текста. Здесь автор, закончивший во введении обрисовку общих принципов классификации основных типов философского отношения человека к миру, приступает к характеристике отдельных типов онтологий и затрагивает, в частности, такое направление мысли, как *эмпиризм*. Ключевую роль играет при этом анализ роли *опытной интуиции*, причем автор подчеркивает необходимость во всяком опыте различать то или иное *мистическое содержание.* Определенного рода мистике и, следовательно, иррационализму так называемого английского эмпиризма и посвящена эта глава.

Подчеркивания в рукописи переданы при публикации курсивом. Немногочисленные конъектуры и расшифровки сокращений помещены в угловые скобки. Сохранено двойственное употребление прилагательного *эмпирический – эмпиристический*, относительно которого автор (по причине, видимо, незавершенности работы над текстом) проявил некоторые колебания.

Публикация А.А. Тахо-Годи,
подготовка рукописи к публикации и примечания В.П. Троицкого.
Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 08-03-00127а

[13] См. эпизод сна Раскольникова, глава V первой части романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Наши публикации

Фумиказу Осука (Япония)

Объект и идеал-реализм в философии Серебряного века

В русской философии, в частности в религиозной философии Серебряного века, важным этапом был шаг «от кантианства к платонизму». Неокантианство было освоено философски настроенной интеллигенцией в конце XIX в., но уже вскоре начались попытки преодоления кантовского дуализма — «явления» и «вещи в себе». Одной из таких попыток был интуитивизм Н. Лосского, который впервые был представлен в его книге «Обоснование интуитивизма» (1903).

Влияние платонизма дало о себе знать позже, в 1910-е годы. К этому времени значительно углубилось понимание античной философии, повысился интерес к христианскому мировоззрению и, отрицая западный рационализм, как и в период славянофильства, русские философы критиковали его теперь именно с этой точки зрения. Тогда же произошли известные события на Афоне, связанные с движением имяславия, и многие здравомыслящие люди протестовали против рационалистического и даже насильственного решения богословских вопросов. Некоторые крупные философы, находившиеся раньше под влиянием кантианства, например, П. Флоренский и Н. Бердяев, начали подчеркивать иррациональную сущность Божества и Истины. На этой почве в дальнейшем выросли оригинальные религиозно-философские идеи. Что касается Лосского, то он также был близок христианству и попытался систематизировать христианскую философию. Он обращал больше внимания на теорию субстанции (в которой идеальное бытие считается первичным), чем на гносеологию. В этом мы видим поворот от кантианского гносеологического построения к платоновскому онтологическому.

Такая перемена философского интереса во многом усилила религиозную иррациональность, вернее поставила сверхрациональность над логической последовательностью. В то же время это создало дополнительные трудности современным интерпретаторам русской философии. Если в сегодняшней России русская религиозная философия продолжает привлекать к себе большое внимание, то, к сожалению, в других странах такого интереса не наблюдается. Там пик интереса к русской философии был более 50 лет назад, когда многие философы-эмигранты активно выступали на Западе. Хотя сейчас в нашем распоряжении много новых материалов, раньше не публиковавшихся, но многим еще не до конца ясно, какие вопросы ставит перед нами русская философия, чем она может быть полезна для нашего времени.

В предлагаемой мной работе я хочу особо подчеркнуть значение смены вектора «от кантианства к платонизму» на путях философского искания. Если изменения философских течений не меняют суть мысли (ведь все философы искали и ищут одну и ту же истину, только разными путями), то это указывает на неизменные ценности философии. Чтобы достичь понимания затронутой проблемы, мне кажется, полезно обратить внимание на историю (генеалогию) русского интуитивизма и на то, как она представле-

на Лосским в книге «История русской философии», тем более что в этом труде отражены и его собственный философский путь, и дальнейшее развитие его идей С. Франком и А. Лосевым, которых Лосский считал последователями интуитивизма. Хотя такая оценка этих двух философов довольно спорная, тем не менее, например, известная общность в учениях Лосского и Франка явно существует: сохранив основу кантовского построения, они соединили ее с платоновскими идеями. Кроме того, они отличаются от других русских религиозных философов тем, что оба в значительной степени настаивали на ценности логики и рационального знания вопреки подъему иррационализма. Вот как Лосский пишет сам о своем учении: «Лосский считает рациональную системность существенно важною стороною строения бытия, наблюдаемою посредством интеллектуальной интуиции»[1]. При этом, защищая логический закон от обвинений со стороны многих русских религиозных философов, он признавал его границы: «Критикуя учения о. П. Флоренского, о. С. Булгакова, Бердяева, Франка, Карсавина, я стараюсь показать, что металогическое, сверхрациональное бытие есть нечто стоящее выше закона противоречий, но вовсе не нарушающее его»[2]. Как известно, «совпадение противоположностей» было среди доводов тех философов, кто возражал против закона противоречия. Одновременно Лосский подчеркивал, что русский религиозный иррационализм в принципе имеет в виду самую глубокую сферу бытия, т.е. первооснову нашей жизни, что не исключает применимость логического закона к реальному бытию. Такая своеобразная позиция Лосского может, как представляется, дать ключ к пониманию одной из важнейших сторон русской религиозной философии.

Интуитивизм Лосского не ограничен теорией познания и логикой. Скорее это была попытка засвидетельствовать возможность познания предмета «в подлиннике» на основе своеобразного онтологизма. В книге «Мир как органическое целое» (1917) Лосский непосредственно развил свое онтологическое учение. Кстати, здесь уже ясно выражается его религиозность (окончательно он вернулся к Церкви в 1918 г. под влиянием богословской мысли П. Флоренского[3]). Это, однако, не изменило его философской позиции, потому что он был «занят не столько богословием, сколько задачею разработать метафизику, необходимую для христианского миропонимания»[4].

Что касается собственно сути интуитивизма Лосского, то в книге «История русской философии» он сам дает его краткое и доступное изложение. Об интуитивизме он пишет: «Познаваемый предмет, даже и в случае знания о внешнем мире, вступает в сознание познающего индивидуума в подлиннике, самолично и потому познается так, как он существует независимо от акта познания. Такое созерцание чужого бытия в подлиннике возможно потому, что мир есть органическое целое, и познающий субъект, индивидуальное человеческое я есть сверхвременное и сверхпространственное существо, интимно связанное со всем миром»[5]. Такая интуиция, по

---

[1] *Лосский Н.О*. История русской философии. М., 1994. С. 267.
[2] Там же. С. 314.
[3] Там же. С. 191.
[4] Там же. С. 281.
[5] Там же. С. 266.

Лосскому, возможна потому, что «предметы внешнего мира координированы с познающим индивидуумом целиком со всем бесконечным множеством своих содержаний, но все это богатство предмета связано с человеческим я лишь подсознательно»[6].

Интуитивизм Лосского с самого начала предполагает определенную онтологию, в которой все виды бытия считаются единосущными. В книге «Обоснование интуитивизма» он пишет: «Наш интуитивизм (мистический эмпиризм) особенно подчеркивает органическое, живое единство мира, а потому на почве нашей теории знания должна вырасти онтология»[7]. На этой основе Лосский развивает целую онтологическую систему идеал-реализма. Он резюмирует свое учение так: «Все то, что не имеет временной и пространственной формы, Лосский называет идеальным бытием в духе метафизики платонизма. Сюда относятся, например, содержание общих понятий, все отношения, например, связь качества и носителя качеств, количественные формы и отношения (число, единство, множество и т.п.). Термином реальное бытие Лосский обозначает события, т.е. все то, что имеет временную или пространственно-временную форму. Реальное бытие может возникать и быть системным не иначе, как на основе идеального бытия. <…> Кроме идеального и реального бытия, есть еще бытие металогическое, т.е. стоящее выше законов тожества, противоречия и исключенного третьего, например, Бог. Идеальное бытие есть предмет интеллектуальной интуиции (умозрения). Оно созерцается непосредственно в подлиннике; следовательно, дискурсивное мышление не противоположно интуиции, оно есть один из видов интуиции. Металогическое бытие есть предмет мистической интуиции»[8].

Использование Лосским термина «мистическая интуиция» не препятствует стройности метафизического построения. В его системе установлены три вида бытия и два вида интуиции. По Лосскому, «познавательные акты совершает сверхвременный и сверхпространственный деятель, субъект. Это <…> индивидуальное человеческое я, творящее свои индивидуальные психические акты внимания, припоминания, желания и т.п. Будучи сверхвременным и сверхпространственным, человеческое я есть идеальное бытие и может быть обозначено термином «субстанция» или лучше для большей ясности термином «субстанциальный деятель». Не только познавательные акты, также и все другие деятельности, все события, т.е. всякое реальное бытие творится субстанциальными деятелями…»[9]. Лосский полагает познающий субъект идеальным бытием, потому что его сверхвременность дает возможность не только познания предмета, но и осуществления нравственной воли в течение времени. «Благодаря своей сверхвременности субстанциальный деятель способен соотносить прошлое, настоящее и будущее; свои поступки он осуществляет в настоящем на основе испытанного им прошлого ради желаемого им будущего»[10].

---

[6] Там же.

[7] *Лосский Н.О*. Обоснование интуитивизма. // Лосский Н.О. Избранное. М., 1991. С. 334.

[8] *Лосский Н.О*. История русской философии. С. 267.

[9] Там же. С. 267-268.

[10] Там же. С. 268.

Лосский старается доказать, что невидимые и сверхчувственные начала обосновывают нашу обыкновенную жизнь. Здесь интересно то, что «субстанциальный деятель» у Лосского напоминает анимистический дух, т.е. сверхъестественное существо, которое стоит за каждым реальным бытием. Конечно, сам Лосский хотел построить свою метафизическую систему, подчиняющуюся христианскому мироощущению. Во всяком случае, если наше толкование допустимо, оно приобретает новый и актуальный смысл в период современного глобального экологического кризиса.

Лосский утверждает, что субстанциальные деятели в сущности единосущны, отвергая картезианское учение, признающее две различные субстанции[11]. Значит, один субстанциальный деятель производит и психический, и материальный процесс. Вследствие его действий происходят все события, все реальные типы бытия, включая «материальное телесное бытие», имеющее «пространственно-временную форму» и «процессы отталкивания»[12]. В этом случае «материальное бытие есть не субстанция, а только процесс отталкиваний, притяжений и творения чувственных качеств»[13]. Лосский признает существование протона или электрона, но считает их произведениями действия «субстанциальных деятелей».

Здесь возникает один вопрос. Почему субстанциальные деятели познают друг друга в отношении «субъекта» и «объекта»? Если они единосущны, то можно ли признать самих себя просто как «мы»? Мы можем найти ответ на этот вопрос в теории знания Лосского. В книге «Обоснование интуитивизма» он пишет, что «знание есть процесс дифференцирования действительности путем сравнивания»: «Путем ряда сравнений знания все более и более переводит бесформенные объекты в образы объектов, в дифференцированную форму представления (или понятия)»[14]. Речь тут, с нашей точки зрения, идет и о том, что предстоящее нам впервые безразличное целое в действительности уже существует как различные реальные типы бытия, которые творятся субстанциальными деятелями. Различные типы мирового бытия имеют общую основу в глубине жизни, но внешне разнообразны. Это вызывает сознание различия, и потому в акте познания создается объективный «предмет», дифференцированный от самого себя, т.е. познающего «субъекта». Мы можем сказать, что это есть главное свойство кантианско-платонистического идеал-реализма. Лосский связывает кантовскую схему о познавательных актах с платоновским идеалистическим миропониманием.

Если реальное бытие разнообразное и качественно различаемое, то создается иерархия бытия, иначе говоря, система космоса. При этом Лосский говорит, что «субстанциальный деятель всегда есть действительная или, по крайней мере, потенциальная личность. Действительною личностью деятель становится на той ступени развития, когда он приобретает способность познавать абсолютные ценности, в особенности нравственные, и сознает долженствование осуществлять их в своем поведении»[15].

---

[11] Там же. С. 269.
[12] Там же. С. 268.
[13] Там же.
[14] *Лосский Н.О*. Обоснование интуитивизма. С. 195.
[15] *Лосский Н.О*. История русской философии. С. 269.

С нашей точки зрения, философия Лосского содержит в себе глубокую этику, особо актуальную для нашего времени глобального экологического кризиса. По его учению, мы не имеем права для произвольного изменения или разрушения органического и целостного мира. Более того, всякое бытие состоит из тех же самых однородных субстанций, которые образуют наши реальные типы бытия. В этом смысле мы должны предоставить всякому бытию равные права с человеком. В таком случае, даже рассуждения о сохранении экологии должны быть подвергнуты критике, если они имеют в виду сохранение удобного для нас состояния окружающего мира. Такие рассуждения своего рода утилитаризм или эгоизм. Лосский считает, что «эгоизм ведет к обеднению бытия как самого деятеля, так и других существ психо-материального царства бытия»[16]. Хотя наше толкование выглядит слишком радикальным, но по крайней мере метафизика Лосского призывает думать об истинном общежитии всех типов мирового бытия. В этом смысле она может быть основой будущей философии подлинного живого мира.

Однако нельзя сказать, что построения Лосского не вызывают никаких вопросов. Я имею в виду, например, следующее его рассуждение о субстанциальном деятеле: «В составе мира к области металогического, сверхрационального принадлежат только субстанциальные деятели, как носители сверхкачественной творческой силы; а все проявления их в пространстве и времени, т.е. вся жизнь их, также все принадлежащие им отвлеченные идеи, сообразно которым они действуют, составляют область определенного бытия, подчиненного законам тожества, противоречия и исключенного третьего»[17]. Наверное, такое определение субстанциального деятеля может являться доказательством бессмертия души, но не объясняет, почему физическое тело должно погибнуть. Из утверждения Лосского выводится свобода субстанциального деятеля, но, на самом деле, мы не можем изменить свое данное положение. Наши собственные тела держат нас в определенных рамках, как бы мы ни хотели или старались быть свободными.

С другой стороны, если субстанциальный деятель принадлежит к области металогического и всякие типы мирового бытия производятся из субстанциальных деятелей, то в принципе все могут и должны сближаться в этой области. Но, Лосский пишет: «Сверхмировое начало, Бог, как металогический предмет отрицательного богословия, составляет совершенно своеобразную область, высоко поднимающуюся над миром»[18]. Вместе с тем он критикует Франка, который «утверждает, что всякое проявление жизни, динамичность, становление, изменение, движение в пространстве, будучи сплошными, принадлежат к области металогического, непостижимого»[19]. Как нам кажется, что здесь Франк имел в виду обожение реального бытия. Тем не менее, тогда, строго говоря, у нас нет основы для понимания типов реального бытия с помощью рационального знания. В этом смысле в понятии «металогичность» есть некоторая неясность. Лосский считает такое учение Франка неправильным и говорит: «Если к области металогического

[16] Там же. С. 277.
[17] Там же.
[18] Там же. С. 302-303.
[19] Там же. С. 303.

относится только Бог и сверхвременные субстанциальные деятели, а вся мировая жизнь деятелей, протекающая во времени и пространстве, есть вместе со своими отвлеченно-идеальными основами бытие определенное, то рациональное знание имеет громадную цену: именно оно дает нам правильные сведения о мире под условием, конечно, указания на металогические источники процессов, без чего рациональное знание становится чрезмерно притязательным и возводит в ранг незыблемых законов природы временные формы ее жизни»[20]. Он отмечает, что идеал постижения у Франка – «сумма или система (хотя бы и бесконечная) определенностей», и резюмирует мысль Франка в книге «Непостижимое» так: «Содержания бытия, выраженные в понятиях, не суть само бытие: они коренятся в том, что их содержит и дает, в чем-то таком, что можно обозначить словами "полнота", "первичное внутреннее единство", "конкретность", "жизненность" и что, будучи неразложимым на определенные содержания, есть нечто трансрациональное, непостижимое по существу»[21]. Из этого Лосский делает вывод, что если исходить из построений Франка, то «в мире есть слой жизни и слой безжизненного бытия; логическое знание есть знание о безжизненном слое бытия. <…> если существует два слоя бытия, высшее абсолютное и производное из него низшее, то существует не один предмет знания, а по крайней мере два, и истина о низшем бытии зависит от истины о высшем бытии, но не поглощается ею; <…> если же в действительности нигде нет безжизненного бытия, то логическое знание есть лишь субъективное построение человеческого ума»[22].

С точки зрения Лосского, Франк бессознательно возвращается к кантовскому дуализму, противопоставляя два слоя жизни. Хуже того, рациональное знание, которое в принципе Франк признает ценным, находится на неустойчивой онтологической основе и может становиться «субъективным построением человеческого ума». Именно тут, как нам кажется, гносеологическо-онтологический подход к решению этого вопроса достигает своего предела. Лосский правильно отметил, что «само противостояние субъекта объекту, лежащее в основе всякого знания об определенностях, Франк, по-видимому, считает не условием знания, а продуктом "первого по существу акта познания"»[23]. Если объект создается в акте познания, его определенности ограничены предикативностью, т.е. рамкой познавательных категорий или понятий, которые придаются познаваемому предмету. Конечно, само бытие таит в себе содержание гораздо богаче, чем такие определенности. В этом случае, непостижимость предмета происходит из предельности языкового определения, которое не может выразить содержание предмета полностью. Раннему идеал-реализму – и это надо подчеркнуть особо – явно не хватает рефлексии над проблемами философии языка в связи с проблемой знания об определенностях.

Не случайно Лосский высоко оценил построения Лосева в книге «Философия имени» и говорил, что «если бы нашлись лингвисты, способные понять его философию языка, <…> они могли бы натолкнуться на совершенно новые проблемы и дать новые плодотворные объяснения многих яв-

[20] Там же. С. 306.
[21] Там же. С. 284.
[22] Там же. С. 297-298.
[23] Там же.

лений жизни языка»[24]. Более того, он правильно понимал, что в книге Лосева «Античный космос и современная наука» под эйдосом разумеется «цельный смысловой лик вещи». Исходя из этого Лосский следующим образом резюмировал основную концепцию философии языка Лосева: «Сущность, как эйдетический смысловой символ, есть внутреннее слово мира; оно необходимо дополняется внешним словом, вступив в гилетическое инобытие (меон как материя) и став телесным фактом»[25].

Наверное, с точки зрения Лосского, лосевскую философию языка можно считать идеал-реализмом, развернутым с помощью учения об эйдосе, символе и диалектическом процессе инобытийного становления предметной сущности. В самом деле, он пишет, что «Лосев открывает перед читателем увлекательную задачу – научиться видению структуры духовного бытия, интуитивно созерцать эйдос вещи, смысл ее как органическую целость, содержащую в себе взаимопроникновение не только различных, но даже и противоположных категорий»[26]. По-видимому, в лосевской философии Лосский увидел возможность дальнейшего развития идеал-реализма на основе философии языка.

Что добавляет философия языка к идеал-реализму? Думаем, что она предлагает новую гносеологическую схему. Согласно учению Лосева, «имя предмета – арена встречи воспринимающего и воспринимаемого, вернее, познающего и познаваемого»[27]. Тут уже исчезла односторонняя схема, в которой познающий субъект придает объекту определенность и существует только диалектическое движение имени и сущности в самой вещи. Тут имя вещи – это сама вещь, но при этом вещь не есть само имя. Если имя есть выражение, указывающее на определенную вещь, оно связывается со всей сущностью вещи, хотя потенциально. В этом смысле имя – сама вещь, и тогда действен логический закон. Но, сама вещь имеет, помимо имени, еще и другое – свое тело, и потому она не равняется своему имени. Хотя имя тесно связывается с индивидуальностями, осуществленными на единосущной основе бытия, само бытие, само тело – избыточно для имени, оно составляет сверхъязыковую сверхлогическую сферу. Так, как нам кажется, сфера свободы залегает в глубине бытия субстанциального деятеля.

Закономерен вопрос: исходили ли расхождения Лосского и Франка по поводу металогичности из отношений к этой свободе? С нашей точки зрения, оба философа находились на поворотном этапе между кантовской безымянной гносеологией и платоновской именной гносеологией, т.е. там, где открывается возможность новой философии, которая признает достоинство и свободу всех в мире.

---

[24] Там же. С. 313.

[25] Там же. С. 312.

[26] Там же. С. 311.

[27] *Лосев А.Ф.* Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993. С. 642.

Милан Узелац (Сербия)

Каково предназначение философии?

Уважаемые дамы и господа!
Уважаемые коллеги!
Добрый вечер!

***

Обычно, встречаясь первый раз с новыми студентами, я произношу стандартную фразу: «Здравствуйте. Мой предмет называется "Эстетика", или "Философия музыки" или "История философии" (это зависит от ситуации). Меня зовут Милан Узелац». Поскольку сегодня у меня тоже встреча с новой аудиторией, то позвольте мне воспользоваться наработанным стереотипом и сказать: «Меня зовут Милан Узелац, а темой разговора будет философия».

Организаторы сегодняшнего вечера представили меня как исследователя, который будет говорить о своих работах в области философии и культуры. На афише «Дома А.Ф. Лосева», которую вы видели, обо мне написано очень кратко, но каждое слово меня обязывает к очень многому. Мне нужно рассказать, какие проблемы философии я исследовал и к каким выводам я пришел, занимаясь философией и историей культуры. Могу предположить, что такой своеобразный «самоотчет» в России дело обычное, но для меня подобная ситуация – нечто особенное. До этого момента мне никогда не приходилось говорить о себе и о тех вопросах и проблемах, ответы на которые и решения которых я пытался найти в философии. И никогда до сих пор я не отчитывался о пути, которым я иду в философии и на котором вечно учусь.

Для меня большой честью является предоставленная мне возможность говорить сегодня в этом знаковом для философии и философов месте, где многолетнее творческое мышление и непрерывный диалог с Космосом создал поле мощной позитивной энергии. Здесь каждый должен ощущать высокую ответственность не только перед слушателями и собеседниками, но и перед самим предметом беседы.

Мое пребывание в философии с самых первых шагов было сначала поиском вопроса, а затем поиском ответа. Но, как известно, вопросов всегда больше чем ответов, особенно тех, которые могут удовлетворить не только тебя самого. Мне редко удавалось найти готовые ответы в том виде, в котором их можно было бы просто принять. Мне всегда приходилось что-то добавлять или что-то отметать, и тогда ответ становился действительно моим, хотя бы на нюанс отличным от легко полученных, но полученных на основе чужого опыта.

Еще в средней школе, читая Сартра и Камю, я понял, что буду изучать философию, что для большинства моих учителей, школьных друзей да и моих родителей явилось полной неожиданностью. Для них это было больше похоже на авантюру, чем на продуманное решение. У моего отца не было хорошего образования, он был практичным человеком, прошед-

шим свои университеты по книге под названием «История Всероссийской коммунистической партии большевиков», в особенности ее четвертой главе. Свой жизненный опыт он приобретал сначала в ремесленном училище, затем под фашистскими пулями на фронтах Второй мировой войны, затем строя развитой социализм в Югославии. Ему хотелось, чтобы я поступил на экономический или юридический факультет, стал адвокатом – самостоятельным, уважаемым и богатым человеком. Я не послушал его, остался без того богатства, о котором мечтал для меня мой отец: как сказал бы Эрнст Блох, «потеря в поступательном развитии»[1]. Но зато я сегодня здесь и с вами.

Итак, в 1969 г. я поступил на философский факультет Белградского университета, над которым все еще витал бунтарский дух бурного 68-го года. Все мои профессора были марксистами – кто-то ортодоксом, кто-то диаматовцем, некоторые стояли на позициях критического марксизма. Но многих из тех передовых профессоров мне увидеть и услышать не удалось. Они, главным образом, преподавали тогда в американских университетах и редко навещали стены родного университета. К слову сказать, большинство моих профессоров-марксистов с течением времени превратились в демократов и стали у истоков политического плюрализма в Югославии, хотя, как мне кажется, им, как и большинству их политических учеников, так и не удалось преодолеть идеи «однопартийности» и «руководящей роли».

Если коснуться судьбы философии в Белградском университете, то ее можно определить как драматическую, если не трагическую. До середины 1970-х годов еще можно было говорить о профессиональном и коллегиальном единстве в университете, которое могло противостоять возможным репрессиям со стороны власти. Однако в 1975 г. решением депутатов Парламента Сербии с философского факультета по политическим мотивам были удалены несколько преподавателей философии и социологии, включая и ведущих профессоров. Они не остались на улице, им была предложена теоретическая работа в научно-исследовательском институте общественных наук. Их книги и далее продавались в книжных магазинах, но у них не было больше возможности напрямую встречаться со студентами в аудиториях и вести педагогическую деятельность. Это немного напоминает судьбу Сократа… Здесь бы я мог привести одну цитату, слегка ее перефразировав: «если философия претендует на роль могучей общественно-воспитательной силы, то она не может обойтись без “абсолютистских” претензий»[2]. Вот их-то наше государство и пресекло, понимая последствия воспитательного воздействия на умы молодежи. И убрало конкурентов.

С конца 60-х годов теперь уже прошлого века философия и социология в Белградском университете, как нечто сомнительное и не поддающееся контролю, постепенно уходили в глубокую тень политических наук. Факультет политических наук стал питомником будущей политической элиты и одновременно прибежищем неталантливых, но проверенных партийных кадров. В зените своего влияния была теория самоуправления во главе с теоретиками из Словении и Хорватии, образование которых часто ограничивалось восьмилетней школой или учительскими курсами, что не мешало

[1] См.: *Bloh, E*. Tibingenski uvod u filozofiju, Nolit, Beograd, 1966. S. 138.

[2] См.: *Доброхотов А.Л*. Учение досократиков о бытии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 70.

им становится почетными профессорами различных университетов, как это было с Карделем и Тито…

В то время очень влиятельная политическая фигура – молодой академик, философ Михайло Маркович – постепенно направлял молодых преподавателей философского факультета Белградского университета в русло англосаксонской философской традиции, и изучение аналитической философии принимало все больший размах. Сегодня можно с сожалением говорить об ее окончательной победе[3]. Тем не менее, я не могу сказать, что в то время, в отличие от сегодняшней ситуации, философия не была популярной. Философы занимали достойное и уважаемое место в югославском обществе. Традиционными были общественные теоретические трибуны и дискуссии, а предметом обсуждения были и философские, и политические, и теологические проблемы. Философское слово имело тогда общественный вес на фоне тогда еще существовавших определенных и неоспоримых общественных ценностей. О популярности философии и философов говорит и тот факт, что в Белград приезжали с беседами и лекциями философы мировой величины, в числе которых были и Ж.-П. Сартр, и – позднее – Ж. Деррида и другие. Выступление Жана-Поля Сартра было запланировано в Зале торжественных заседаний в здании ректората Белградского университета. Перед началом лекции организаторам пришлось обратиться к части публике с просьбой перейти в коридор, поскольку существовала опасность, что старые перекрытия не выдержат такой тяжести присутствующих и пол провалится. Подобный интерес оказался неожиданным и для самого Сартра.

Справедливости ради, следует сказать, что многие приходили на такие встречи из чистого любопытства – посмотреть на заезжую знаменитость. Нечто подобное случилось и на лекции Дерриды, который в переполненном – вначале – зале три часа говорил о Яне Паточке, о котором 99% слушателей не имели ни малейшего представления. Разочаровавшись в лекторе, публика вскоре начала покидать свои места… Чистое недоразумение…

Одним из самых значительных событий философской жизни Югославии 60–70-х годов прошлого века была Корчуланская летняя школа, просуществовавшая почти десять лет, куда во время каникул приезжали философы со всего света. Постоянными участниками дискуссий были Маркузе, Блох, Хабермас, Ландгребе, Финк, Акселос, Алтиссе, Фолькман-Шлук и другие. Организаторами школы были философы-марксисты из Загреба, представители так называемой «праксис»-философии, в те годы весьма популярной. «Праксис»-философия, изучая марксизм, основной акцент

[3] Эта пиррова победа, возможно, никогда не была бы одержана, и жизнь Философии шла бы своим чередом, если бы тогда наряду с акад. М. Марковичем на факультете преподавали знаток античной философии и философии Ф. Ницше проф. Михаило Джурич и выдающийся эстетик проф. Милан Дамнянович (их присутствие на философском факультете в качестве преподавателей было невозможно, поскольку их жизненная и научная позиции не совпадали с политическим курсом правящей партии). На сегодняшний день на факультете нет ни одного доктора наук, специализирующегося на античной философии, весьма слабо выглядит немецкая философия, эстетика попала в разряд дисциплин по выбору, упразднен предмет «онтология».

ставила на понятия «практика» и «отчуждение», а точкой опоры для нее была работа Маркса «Экономико-философские рукописи», написанная в 1844 г. Отличие загребских профессоров от белградских состояло в том, что Загреб был ориентирован на немецкую философскую традицию. Впрочем, это не нарушало дружную научную и творческую атмосферу общения – ведь все они были марксистами, и одни, и другие стремились философски осмыслить политику. Традиционно все материалы школы публиковались в журнале «Praxis», а книги участников можно было найти в любом книжном магазине и факультетской библиотеке.

Даже в 80-е годы в Югославии еще сохранялась плодотворная духовная атмосфера. В Дубровнике каждый год проходили международные встречи феноменологов, в которых принимали участие философы из Загреба (А. Пажанин, Д. Родин, Г. Гретич) и главным образом из Германии (Л. Елай, П. Янсен, Г. Шмит, М. Зомер, Ф. Гратхоф, Ф. Фелдманн). И это была великолепная возможность в непосредственном контакте с коллегами расширить свои научные горизонты. Большую роль играли и международные философские конгрессы, на которых философы из Югославии всегда были желанными участниками. Так было до тех пор пока не началась международная блокада Югославии и вчерашние коллеги (вроде тех, из Словении) начали оспаривать право участия представителей Югославии на международных философских встречах, что самым отвратительным образом проявилось на мировом конгрессе по эстетике в 1992 г. в Мадриде.

Но, возвращаясь к годам моей учебы в университете...

Студентов философии в мое время было немного. На факультет принимали ежегодно 40 человек, но реально на нашем курсе было не больше двадцати. Все мы были выходцами из небогатых семей. А еще всех нас объединяло одно – практически все мы изучали как иностранный язык русский. Как выяснилось в дальнейшем, это был большой минус, сужавший возможности изучения философии. И если кто-то из нас говорил профессору В. Корачу, который преподавал нам немецкую классическую философию, что знает русский язык, он непременно возмущался: «При чем здесь русский язык, я вас спрашиваю, какой *иностранный* язык вы знаете?». Правда, о тогдашней русской философской литературе я не знал много. Библиотека регулярно получала журнал «Вопросы философии», однако эти тексты не вызывали у меня особого интереса и не будили философское вдохновение. Но, справедливости ради, я должен сказать, что моя первая семинарская работа по логике называлась «Проблема индукции в современной советской логике». Что я мог тогда там писать – не могу вспомнить…

И если первым живым русским, с которым мне первый раз в жизни пришлось разговаривать, был Виктор Шкловский, приезжавший с лекциями в Белград, то первым «настоящим» живым русским философом, о котором я услышал, был Алексей Лосев. Но о Лосеве я узнал не от своих профессоров на факультете, а от доктора филологии Джорже Трифуновича, тогда доцента, который преподавал древнюю сербскую литературу на филологическом факультете Белградского университета. Я часто встречался с ним в библиотеке Сербской академии наук и искусств. Трифунович в то время регулярно посещал Советский Союз, бывал в Москве и Ленинграде, дружил с Дмитрием Лихачевым и Никитой Толстым. Его братом был Лазарь Трифу-

нович, наиболее известный в Сербии (и поныне) историк искусств, у которого я восемь семестров изучал историю искусств и лекции которого были лучшими из тех, которые я слушал за все мои годы учебы. Встреча с Лазарем Трифуновичем произошла потому, что уже на первом курсе я решил заниматься эстетикой.

Так вот, Джорже мне сказал: «Знаешь, там, в России (а Россия всегда для нас была связана с представлением о чем-то бесконечно далеком), есть один человек – с шапочкой на голове – он знает философию. Без его текстов и комментариев греческую философию понять нельзя». Это я увидел, когда мне удалось купить первую часть «Эстетики эллинизма». Никаких других книг Лосева я тогда не нашел – может быть, потому, что не знал о них, и что никто не обратил мое внимание на его книги… Вероятно, мои учителя никогда не советовали студентам читать те книги, которые они сами читали – такие тайны ремесла… Но это я понял позднее, и твердо решил не следовать в своей работе этому принципу…

После защиты дипломной работы на тему о месте поэтического искусства в философии Платона и окончания университета в 1974 г., я поступил в аспирантуру по специальности «эстетика». Одним из приемных экзаменов был иностранный язык (которым не мог быть русский язык), так что мне весьма пригодились мои двухлетние вечерние занятия на курсах немецкого языка.

Надо сказать, что в 23 года меня приняли в Союз писателей Сербии как успешного и перспективного молодого поэта. Это открывало для меня профессиональную поэтическую карьеру, и я искренно верил, моя жизнь – это поэтическое творчество. Поэтому я отказался от предложения Норберта Хинске, который в 1975 г. преподавал в Трире философию Канта и пригласил меня перейти к нему в аспирантуру.

Однако через пять лет занятий литературой я решил все начать сначала, вернуться к философии и серьезно и основательно заделать пробелы, которые остались после учебы в университете. Грех обвинять alma mater, но система обучения философии была далека от совершенства… К этому времени я уже защитил магистерскую диссертацию и стал докторантом, однако не в Белграде, а в Загребе. Эти перемены в моей жизни не привели меня к депрессии, поскольку я знал высказывание Эдмунда Гуссерля о том, что человек в философии всегда находится в положении начинающего, он всегда стоит в начале философии и философствования. Но он сказал это, имея в виду себя самого. Ну если это так, – подумал я, – и великий Гуссерль всегда был в начале пути, то могу и я попробовать начать все заново. Так я подвел черту под десятью годами жизни и поисков себя.

Одна из последних семинарских работ, которую я написал в университете, была посвящена работе Гуссерля «Философия как строгая наука». Размыслив, я решил снова обратиться к проблемам феноменологии и восполнить пустоту в своем философском образовании, поскольку после университета о феноменологии у меня были весьма поверхностные и туманные представления. Сегодня я часто повторяю, что все, что я сделал в философии – это одно большое примечание к той неудачной студенческой работе, которым я хотел бы извиниться за то, что позволил себе весьма

легкомысленно и неподготовлено отнестись к столь значительному явлению в философии.

Диссертацию по феноменологии я не мог писать в Белграде по простой причине – на факультете не было специалистов в этой области. Единственный человек в Белграде, знавший феноменологию и лично знакомый с большинством живших тогда немецких феноменологов, Милан Дамнянович, никогда не работал в Белградском университете.

Решив изучать феноменологию и труды Гуссерля, я еще не знал, что мы родились с ним в один день. Потом я расценил это как некий позитивный знак. Но... Как подойти к пониманию Гуссерля? Мне показалось возможным сделать это через изучение работ его последнего ученика, Ойгена Финка. Я собрал все его опубликованные на тот момент работы и всю литературу о нем. Тогда это было еще возможно: сегодня библиография Финка намного объемнее, чем 30 лет назад. А в то время в Финке видели не оригинального мыслителя, а лишь хорошего интерпретатора и знатока философии Гуссерля. Позднее оказалась, что моя диссертация о Финке была второй в мире.

В Загребе моим научным руководителем был Данко Грлич, который преподавал мне эстетику на третьем и четвертом курсах в Белграде. Кстати, Грлич много лет лично знал Финка. Воспоминания о периоде подготовки диссертации и научном руководстве Грлича не относятся к моим любимым. Это было очень тяжелое для меня время. Впрочем, вероятно, многим из вас эта ситуация знакома. К тому же за несколько месяцев до моего выхода на защиту мой научный руководитель умер, и мне назначили нового ментора – Бранка Деспота, одного из самых больших знатоков философии в той Югославии, широта и глубина знаний которого сделали его полумифической личностью.

Я должен пояснить, что в Югославии и Сербии нет диссертационных советов. И магистерская, и докторская диссертации защищаются перед комиссией, состоящей из трех или пяти человек, в которую обязательно входит научный руководитель, и публикой. Право задавать вопросы имеют только члены комиссии. Для дальнейшей научной судьбы диссертанта огромное значение имеет имя научного руководителя и имена членов комиссии. В мою комиссию входили: Данило Пейович, защитивший блестящую диссертацию о Николае Гартмане и друживший в молодости с Хайдеггером. Он был практически величиной номер один в югославской философии. Вторым членом был Анте Пажанин, ученик Йоахима Риттера, защитивший в тридцать лет диссертацию о проблеме научности и историчности в работах Э. Гуссерля у Людвига Ландгребе. И третий член – Бранко Деспот. Я бесконечно благодарен этим людям за то, что они приняли к защите диссертацию в том виде, в котором она была написана. Так, в 1985 г. я защитил докторскую диссертацию под названием «Философия игры Ойгена Финка».

После защиты диссертации я стал доцентом в Академии искусств в Нови Саде, где начал преподавать эстетику и социологию искусства. Несколько лет я преподавал эстетику, введение в философию и онтологию студентам философской группы на философском факультете университета в Нови Саде. Там в 1995 г. меня избрали ординарным профессором. До последнего времени я работал в Академии искусств, где читал лекции по эстетике, истории философии, эстетике музыки. С 2007/2008 учебного года я

преподаю средневековую философию и онтологию на кафедре философии философского факультета в Косовской Митровице.

Еще когда я был студентом, мои учителя говорили мне, что утверждение Фихте о том, что кто-то выбирает философию в зависимости от того, какой он человек, – это не вся истина. Истина и в том, что и философия выбирает человека. В самом деле, если философия не может нас ничему научить, если мы понимаем ее только как профессию, а не образ жизни, – тогда ею не стоит заниматься. Думаю, что феноменология многому меня научила и, может быть, более всего скромности, поскольку тот, кто ею занимается, чужд суеты и гордыни.

Я думаю, эти уроки философии еще в молодости усвоил и Алексей Лосев. И целая его жизнь тому подтверждение. Достаточно вспомнить тот факт, что рекомендация студентам гениальной работы Ильина о Гегеле лишила его работы в университете… Много лет для меня является загадкой следующее: как могло случиться, что такая фигура как Лосев оказалась вдали от университета, а его влияние на развитие философии в России было минимализировано…

Если точно, что философия жива в той мере, в которой она рождает вопросы, то я убежден, что феноменология жива и в наше время. Я считаю, что занятия феноменологией – это одна из редких возможностей для человека оставаться в диалоге с великими философами прошлого и современности и избежать пагубного для философии и философа перехода в другую сферу – сферу актуальной политики, где нашли свое прибежище, но и свою философскую кончину многие мои университетские учителя…

Сербия – маленькая страна. В ней мало философов-профессионалов. Можно было бы сказать, что сегодня их практически нет… Пожалуй, я бы мог назвать только уже упомянутого академика Михаило Джурича, представителя самого старшего поколения философов. Его философские работы (а он вдохновенно писал о античной философии, Максе Вебере, Фридрихе Ницше) отличаются благородным языком и прекрасным ясным стилем. Что касается «среднего» философского поколения, тех, кому около 60-ти, имеет смысл сказать о академике Данило Н. Басте, ведущем сербском знатоке И.Г. Фихте, и докторе философии Слободане Жуниче, специалисте в области античной философии.

***

А сейчас немного о моих книгах. В 1987 г. появилась «книжная» версия моей докторской диссертации под названием «Философия игры», в которой я сделал попытку объяснить с космо-онтологической позиции возможность существования мира как игры. Эта идея стала своего рода трамплином для других моих работ, в частности, книг «Другая реальность» (1989) и «Реальность художественного произведения» (1991), где, став на позицию феноменологического толкования мира, я хотел написать некое введение в эстетику. Книги остались, но я так до конца и не уверен, что эта моя попытка удалась. Но от развития этой идеи я все равно не отказался…

В 1993 г. вышла из печати книга «Ведение в эстетику», в дальнейшем она была переработана и в 1999 г. была издана под названием «Эсте-

тика» и получила гриф университетского учебника. С 2003 г. эта книга имеет окончательный облик, и выдержала несколько изданий. В книге систематизированы научные позиции по вопросам о понятии и предмете эстетики, о понятии искусства, эстетических категориях, структуре художественного произведения, художественных ценностях. Завершается книга анализом отношений модерна и постмодерна в искусстве.

Преподавая с 1994 г. эстетику музыки аспирантам и студентам музыковедения и композиторского отделения Академии искусств в Нови Саде, я написал для них небольшое учебное пособие «Эстетика музыки». Первая часть появилась в 1998 г., а вторая спустя шесть лет. Первая часть завершалась анализом философии музыки Алексея Лосева, поскольку я считал, что это – вершина теоретического осмысления музыки в XX веке. Но потом меня начали спрашивать: а что дальше? – имея в виду труды Адорно, Янкелевича, Блоха, а также теоретиков музыки второй половины XX века.

Начиная работать над второй частью, я вынужден был пересмотреть свой прежний подход к проблеме и начать почти с нуля. Дело в том, что я понял, что название «эстетика музыки» неадекватно новому пониманию содержания книги. Точным названием могло быть только название «философия музыки». Я убедился в своей правоте весной 2004 г., которую я провел в Москве, изучая труды Аристида Квинтилиана и Иоганна Кеплера. Труд последнего – *Harmonica mundi* – я считаю одним из самых великих музыкальных произведений всех времен.

Да. Истинная музыка может только мыслиться. Именно поэтому она достигает своей вершины в труде Кеплера. История же *musicae instrumentalis* – это история ее падения и заката. Последними музыкантами, которые единственно правильным образом понимали музыку в XX веке, были Бузони и Лосев. К такому заключению я пришел. Осмысление музыки началось с Пифагором, а закончилось в работах современных неопифагорейцев – Бузони и Лосева. После них больше нет музыки. Что же касается реализованной музыки, последними ее представителями были, по моему мнению, Чайковский и Рахманинов. *Musicae instrumentalis* – это историческое явление, возникшее в определенный момент с целью чувственного отображения истинной Музыки. И в этом смысле она закончила свое существование в начале XX века.

Так и появилась книга «Философия музыки». Моей целью было до конца развить свой основной тезис и ответить на вопрос о месте и смысле музыке в космосе, мне хотелось донести до студентов то, что о музыке сказали философы, но при этом не вмешиваться в технические стороны *musicae instrumentalis*. Я говорил о музыке не с позиций реализованной музыки, а исходил из самого понятия «музыка» и ставил вопрос о ее возможностях. При этом я четко отгородился от музыковедения и даже самой малой возможности впасть в дискуссию с музыковедами, поскольку мои намерения далеко превосходили их теоретические возможности.

Я не мог оставить без внимания и вопросы о судьбе того, что ошибочно называют музыкой XX века. Что происходит с «музыкой» в конце XX века? Что делать с «музыкантами», ряды которых возглавил Э. Варез, который после двух уроков музыки взялся дирижировать оперой и при этом отдавал предпочтение ударным и духовым инструментам. Как относится к тем «музыкантам», которые не добрались до окончания консерватории, но

стали великанами музыкальной теории, вроде К.Х. Штокхаузена и Я. Ксенакиса?

Тогда появилось дополнение к «Философии музыки», еще одна небольшая книга, которая уже одним своим названием указывает на то что XX веком владеет тишина, что в XX веке образовалось пустое пространство, в котором нет места звукам музыки, – *Horror musicae vacui.*

У этой книги есть и подзаголовок – «Реквием для музыки и музыкантов второй половины XX века». Здесь я объяснил, что речь не может идти о некой новой музыке, речь вообще не может идти ни о какой музыке (поскольку музыка – по определению – есть гармония). Мы можем говорить только о эксперименте со звуками, что имеет свое значение в культуре, свой смысл, достойно уважения, и этими экспериментами не следует пренебрегать.

Как раз исследованиям в области возможностей звука, которые проводились, начиная от Шефера и Штокхаузена и до Ноно и Булеза, Шнитке и Губайдуллиной, мы должны быть благодарны, поскольку они показали огромную важность подобного подхода к природе звука. Я, правда, не вижу никакой разницы (благие цели и намерения указанных экспериментаторов я не принимаю сейчас во внимание) между сочинением «музыкальной композиции» и низкочастотными комбинациями звуков, воздействие которых разрушает человеческую психику и человеческий мозг. Дело в том, что здесь вообще не идет речь ни о какой новой парадигме, речь идет о терминологическом недоразумении, поскольку по некой инерции музыкой называют то, что музыкой не является, просто потому, что не был найден другой, адекватный явлению, термин.

В 2004 г. вышла книга под названием «Постклассическая эстетика». Это была третья по счету попытка осмысления фундаментальных вопросов эстетики, попытка ответа на вопрос о сути и смысле искусства. А вопрос этот заключался в следующем: что происходит с эстетикой и искусством после постмодерна? Ответ оказался разбросанным по трем эссе – о теории музыки Лосева, о знаменитой «Меланхолии» Дюрера и о тексте Николы Кузанского «De ludo globi».

Затем вышли из печати «Метафизика» и «Введение в философию», что было частью моего плана – написать для студентов Педагогического училища в Вршце, где я недолго преподавал, четыре небольших учебных пособия («Metaphysica generalis», «Metaphysica specialis», «Понятие и предмет философии» и «История философии»). Однако план немного треснул по швам при попытке кратко изложить историю философии.

Я страшно пожалел, что ввязался в эту историю. Нужно было просто перевести с немецкого какую-нибудь маленькую историю философии, но я не нашел ничего, что могло бы соответствовать моим представлениям о такой книге. Так и получилось, что вместо двухсот страниц общего объема только первая часть имела 320 страниц большого формата и название «История философии до Декарта». Первое время мне казалось, что для студентов этого вполне достаточно, тем более что в этом месте истории можно говорить о конце философии, поскольку с Ф. Суаресом метафизика достигла своей вершины, а все остальное – от Декарта и до сего дня – неразумение того, что есть философия. Но надо быть объективным. Пришлось написать вторую часть – «История философии от Декарта до Финка».

Разумеется, в истории философии, которую я написал, нет ничего оригинального, все это уже было сказано и до меня, и лучше меня. Если тут и присутствует нечто мое, то это способ изложения и новые связи. Мне кажется, что к плюсам этого подхода можно отнести отсутствие особой главы, посвященной русской философии, поскольку и Франк, и Шпет, и Карсавин, и Бердяев, и Вернадский, и Чижевский, и Флоренский и многие другие имеют свое законное место в контексте европейской философии.

Я бы хотел сказать, что все книги, которые я написал, являются исполнением моих желаний, которые возникли в юности, когда я сам был студентом. Эти желания возникли из поисков ориентиров в философии. Я искал книги, в которых бы были ответы на интересующие меня вопросы, но в то время мне не удалось их найти.

Правда, по иронии судьбы произошла не только смена генераций, но смена культурных кодов. Так что я больше не уверен, что новое поколение студентов интересует то, что когда-то интересовало меня. Тем не менее, «Метафизика» (1997; 2006) ставила перед собой цель проанализировать значения философских терминов в сербском языке. Это была попытка ответить на вопрос: может ли философия говорить на сербском языке?

Я постоянно возвращался к вопросу смысла существования эстетики и возможности экзистенции художественного произведения после постмодерна. И написал «Диссипативную эстетику» (2006). В ней наряду с анализом некоторых суждений о искусстве Маритена и Ильина, центральной является проблема искусства в мире дигитальных технологий. Но окончательный ответ, очевидно, придется искать в новой книге…

***

После многих лет преподавательской деятельности и после почти двух десятков написанных книг я могу констатировать, что философия сегодня не является востребованной частью культуры. Это ни в коем случае не значит, что ее проблематика потеряла смысл. С удовольствием бы отметил лишь один из философских вопросов, который был весьма популярен в конце 1960-х годов, когда я начинал изучать философию. Вопрос, который был инициирован в работах Адорно, Блоха, Хабермаса, Хайдеггера, Альтисера и многих других философов. Это вопрос: Каково предназначение философии?

Он и сегодня не теряет свое значение и актуальность. Изменился лишь его характер: если сначала это был скорее риторический вопрос, то теперь он экзистенциален.

Как могло случится, что философия сегодня оказалась на периферии общества и стала излишней? А может, она и далее остается оазисом духа и бастионом свободного мышления? Имеет ли занятие философией какой-то смысл, или был прав мой отец, когда много лет назад посылал меня изучать экономику и право, поскольку в наше время можно выжить, только если ты закончил два факультета – медицинский и юридический?

Каждый, кто изучал философию, скажет, что нет места пессимизму, и сошлется на мысль Аристотеля о том, что философия не самое полезное, но зато самое ценное занятие. В чем же ценность философии и чему она нас учит? Это вопрос похож на другой: имеет ли смысл заниматься эстети-

кой после конца искусства? Да, скажет кто-то. Теория может существовать и даже развиваться даже если ее предмет существовал ранее, а в сегодняшней реальности утратился. В этом случае эстетика была бы неким видом археологии, но одновременно и моделью, по которой можно было бы строить рассуждения о судьбе философии.

Между тем, наше время – это время кризиса точных наук, время экспериментальной недоказуемости таких теорий из области современной физики и космологии как, например, теория суперструн. Подобные теории стали похожи на художественное произведение – красивы, элегантны и … экспериментально недоказуемы. Таким образом современная физика становится частью эстетики, постепенно возвращаясь к философии, которую давно, и возможно, неоправданно покинула. Это навело меня на мысль, что какие-то шансы у эстетики и у философии еще есть. Мне подумалось, что сам смысл не лишен смысла.

Я много раз возвращаюсь к чтению «Трактата о ангелах» Фомы Аквинского, так же как снова и снова перечитываю диалоги Платона. И я всегда в начале пути, как Гуссерль; и я постоянно, как и он, неудовлетворен: Господь не дает в течение земной жизни что-то довести до конца и создать совершенный мир, хотя бы в облике малой сферы, о которой пишет П. Слотердейк.

И в заключение:

В этой вечной неудовлетворенности может и находится красота существования: до тех пор пока мы чувствуем, что мы находимся на пути мысли (а как говорит Ясперс, философствовать – значит быть в пути), мы знаем, что все что мы делаем, имеет смысл, а если это и не видно ясно, то это только потому, что нам не дано видеть все, видеть то, что находится во владениях Другого, того, кто высоко над нами. Только Бог есть *sophôs*, а человек может быть только *philó-sophos.*

А.П. Козырев

Боги на панели
(Эссе)

В Эфесе, где Герострат спалил одно из семи чудес света, и куда Иоанн Богослов, следуя католическому преданию, привел Матерь Божию, завещанную возлюбленному другу самим Христом, обрели свой последний, музейный покой несколько десятков паровозов.

За рестораном с постмодернистским названием «Вагон», где кормятся группы российских туристов, рядышком с мечетью – целое паровозное депо: настоящий островок вымершей теперь уже цивилизации. Некогда полные огненной прыти железные звери угнездились – где в рядок, где порознь, а где и целым паровозным кругом. Говорят, на этом месте некогда был вокзал, не во времена Гераклита и Цельса, но всё же... «Путь вверх и путь вниз один и тот же». Античными являются все вещи, вышедшие из употребления и за ненадобностью списанные в ветхое.

Турки вообще недолюбливают железные дороги: то ли по ним ездит шайтан, то ли просто ни к чему они в стране, с трех сторон окруженной морем. Почему им вздумалось забросить железнодорожное сообщение с Эфесом, обрубив его в Измире, известно одному лишь Аллаху. Пение муэдзина, призывающего правоверных совершить намаз победною песнью звучит над огнедышащими железными богами, от одного свистка которых еще так недавно рассыпались стада и падали ниц люди.

Подумалось: выброшенные из Крыма и переплывшие на утлых корабликах Понт Эвксинский наши эмигранты, отказывающиеся именовать Константинополь Стамбулом, наверное, должны были ущипнуть себя за руку. Там, в другом мире, по ту сторону жизни, в области занебесно-замогильной, о которой Платон писал, нету ослепляющих глаз идей, зато есть паровозы, станции, водокачки, а может быть и запах похож, тот до боли знакомый запах железных дорог, который тонкой струйкой просачивается сквозь сон в чрево спального вагона. И уже потом не отделаться от него, как не отделаться от самоварного дыма на даче. Чужие города. Чужая радость и беда. «Станции в Турции – одинокие, безлюдные, заколоченные блокгаузы – неизвестно, где паровоз берет воду», – записал в своих мемуарах «Близкая даль» соратник барона Врангеля Николай Чебышев.

Железнодорожное сообщение в Турции берет свое начало в 1871 году, еще во времена Оттоманской империи. В России в это время Данилевский публикует свою «Россию и Европу», в которой пытается доказать, что мы не Европа и поэтому Константинополь должен быть наш. В том же году поезда пошли из Москвы к Троице, а «путешествие из Петербурга в Москву» и обратно в пуховиках спального вагона стало делом уже привычным. Из Стамбула, города, раскинутого на двух континентах, рельсы тянулись на Запад, чтобы бег Восточного экспресса мог связать город султана и Голубой мечети с Варной, Будапештом, Веной, Мюнхеном, Карлсруэ, Страсбургом, Парижем. Еще до

Ататюрка сама логика строительства железных дорог выбрала для страны путь продвижения в Европу. Первый поезд отправился из Парижа в Стамбул 4 октября 1883 года. За 80 часов пути поезд преодолевал расстояние более чем в 3 тысячи км. Восточный экспресс в его классическом виде прекратил свое существование в 1977 году. Незримой стеною на его пути встал Варшавский договор. Но паровозы-то вымерли еще раньше!

Голый по пояс турок под палящим солнцем скребком счищал ржавчину с огромного бурого агрегата, что грязь со старого усталого коня. Потом железное тело покрасят, и оно будет исчерно черным, а красным, ярко-красным выведут его дуги, брови. И он будет похож на величественного покойника на этом вселенском соборе железа, где есть место и католикам, и гугенотам, англичанам, американцам, французам, чехам. Заезжим иностранцам, навсегда оставшимся здесь и палимым жарким эфесским солнцем... Можно ли сыскать лучшее доказательство теории естественного отбора, нежели мнимый универсализм паровозной цивилизации, своим прощальным скрежетом озвучившей «закат Европы»? Их век ненамного превысил век человечий. Борются за существование не только люди и звери, или, вернее, звери и люди, но и сами вещи.

1

Почему паровозов не стало? Может быть, разгадка в парности всего на свете, в неистребимом балансе мужского и женского в природе, или скорее мужественного и женственного, как заметил бы отец Сергий Булгаков. В отличие от своего младшего брата автомобиля, паровозы по самой природе своей существа однополые. Автомобильное народонаселение различимо по тендерному признаку: Mazda – девочка, по-японски исполнительная и пунктуальная, как и Citroen 3, сбрасывающий своё дессю в жаркий летний день, а вот четвертый, пожалуй, уже претендует быть светским львёнком. Honda Civic заведомо бисексуальна, что видно уже из самого ее названия. Audi TT уже давно поменял свою ориентацию. Ford Mondeo хорохорится быть метросексуалом. Nissan Murano – Канио, вылетающий из брички с большим барабаном в начале оперы «Паяцы». Mercedes 600 – мачо, таящий память об ином в своем женском имени.

Не то с паровозами: и забавный паровозик из Ромашково, тянущий вслед за собой маленькую стайку дачных вагонов, и французский колосс, детище Второй мировой, птенец крупповских грёз и угольного раздолья Рура, все они порождены мужской цивилизацией. Из двух греческих приставок ютер и гшо – «над» и «под», к паровозу следует отнести первую. Паровозы, конечно, «ияер», они ияер-мужественны, сверхмужественны. Есть что-то античное в схватке тел – черного стального бодибилдингера, хитросплетенного из промасленных мышц и выступающих артерий, совокупное сокращение которых может быть и мелодичным как песня, и устрашающим как ураган, и сухой жилистой плоти, ритмично подбрасывающей в топку корм для стальной твари.

Константин Леонтьев, любовавшийся боями турецких мальчиков у мечети Султана Баязета, видел в «разлитии» железных дорог и бурном размножении паровозов симптом вторичного всесмесительного упрощения. Но поднимись он, столь чуткий ко всякому опыту, разок по крутой, почти цирковой, лестнице внутрь паровозного чрева, быть может, мысль его была бы захвачена диковинными побегами новой «цветущей сложности». А фасад похожего на пропеллер тягача-германца, развивающего скорость целых 5 км/ч, показался бы ему прекраснее самого распрекрасного витража Кёльнского собора. Как это едва ли не случилось с Владимиром Ильиным, «сумбурным учеником» Леонтьева, не менее его влюбленным в «эстетику жизни»: «Я – лель, антиурбанист, люблю степь, поле, лес и в то же время всегда любил запах машинного масла и каменного угля, обожал машину и сделал из покрытого копотью рабочего, машиниста, кочегара – настоящее божество и идеал. Пожатием черной руки кочегара я больше гордился, чем поощрением профессора и артиста и симпатия машиниста мне была также дорога, как симпатия красивой девушки», – писал он в «Пережитом», в ту пору, когда паровозы еще не вымерли окончательно, подобно допотопным мамонтам. Попади Леонтьев в кабину машиниста, как знать, может, почуял бы он поджилками и эротический страх, и тайную страсть слиться с машиной.

Детское воображение создает мир не только из тех предметов, которые есть, но и которые были у наших родителей. Это потом, взрослыми, мы начинаем жить, достраивая наш нецельный, неполный, раненый мир предметами нашего детства. Паровозы, патефон, отцовский ламповый приемник «Рига», с зеленым глазком и рядком клавиш цвета слоновой кости, которые почему-то хотелось нажать все сразу одновременно, газовая горелка в чулане («нет-нет, да и понадобится, когда свет отключат», – говорила бабушка), свечка, которая отнюдь не воспринималась как элемент храмового действа, да бог весть сколько еще таких предметов, которые я осмелился свалить в одну божественную кучу:

Ёжики, Новый год, приходящие ДедМорозы, уходящие и почему-то не возвращающиеся бабушки, вкус варенья, ответное именованье, узнавание паровоза на картинке, первые стихотворенья.

2

Принадлежащий к поколению моего папы американец Гай Давенпорт вспоминает свою первую детскую встречу с паровозом едва ли не как первый эротический опыт: «Я любил поезда и вырос среди них. Я рисовал паровозы с той же страстью, с какой Хокусай писал Фудзияму. Моя тележка становилась воображаемым паровозом гораздо чаще, чем ракетой или бричкой. А когда летним вечером нам встретился Blue Ridge1, отец, должно быть, заметил, какими глазами я смотрю на кабину машиниста. Меня вдруг подняли, поставили на ступеньку, а затем машинист помог мне забраться на это несказанно важное сиденье. Паровоз всего-то протащил вагоны по депо, но это мои десятилетние руки управляли рычагом, который толкал цилиндры, по-

ворачивал колеса и выбрасывал наружу шипящие султаны пара. Жизнь с тех пор – всего лишь спуск с той вершины». Похожим образом Владимир Ильин гордился, что раз ему удалось упражнение, достойное опытных машинистов, – дать такой пар, чтобы сдвинуть паровоз на пять метров и не более.

Паровозам в моем детском воображении принадлежало явно не последнее место. Детство – блаженное время, когда думалось, что «паровозиком» – это с горки гуськом друг за дружкой! Первая подаренная мамой железная дорога, прямо из магазина «Лейпциг», была с паровозом и тремя вагончиками послевоенного времени. Это не было сложное многоуровневое сооружением с массой аксессуаров, как у некоторых одноклассников, чьи родители работали дипломатами и привозили игрушки из-за границы. Мы с братом раскладывали рельсовый круг прямо на террасе, вооружались расписанием пригородных поездов Ярославского направления и, объявляя станции, нарезали круги.

Увидеть настоящий паровоз было редкостной удачей. Я восторженно смотрел, ловя каждый миг, из окна скорого поезда, уносящего меня, мальчишку, на юг, на стальные чудовища, вставшие подобно древним церберам на запасных путях станций «Тула», «Рязань» или «Ростов». Отец получил знак «Отличный движенец» из рук железного наркома Кагановича. В его беседах со мной железнодорожно-военное прошлое было строго отфильтровано: разговоры носили больше нравоучительно-назидательный характер и «интересное» не было самоцелью. В войну он служил начальником станции и имел дело с паровозами извне, а не изнутри. Но все же паровозы были мне дико интересны. Сосланные на дачу книги по железнодорожному делу были любимым предметом моих листаний в сладостном безделии дачного лета. Даже на картинках они устрашали и пробуждали в душе мистический трепет уже самими своими названиями: ФД – Феликс Дзержинский, ИС – Иосиф Сталин. Учитывая, что имя Сталина звучало в пору моего детства едва ли чаще, чем Имя Господне, это придавало паровозу ещё больше таинственности. Еще любил читать про вокзалы – они были шести классов, различались по уровню комфорта и наличию ресторанов, буфетов и прочих признаков цивилизации. Станция «Правда» Северной железной дороги, превращенная к тому времени в платформу и носившая, как и рядом расположенный санаторий, имя одноименной партийной газеты, еще некоторое время сохраняла свой дореволюционный колорит и, судя по учебнику, относилась к последнему, шестому, классу. В старом уютном деревянном павильоне было окошечко, нередко закрытое в самый нужный момент перед отправлением московской электрички, и оттуда за денежку доставались маленькие картонные прямоугольнички – билеты. Лучше их было покупать в Москве. Или заранее. Когда там была станция, вовсе не трудно было себе представить, как к перрону подходил ведомый паровозом состав, по которому взад-вперед ходили старушки, отправлявшиеся в Лавру на богомолье (таким странным образом трансформировался обычай преодолевать неблизкий путь в 70 верст пешком). В редкие зимние выезды «к маме» (так говорила моя мама, отправляясь всей семьей к бабушке) мы ждали электричку, на станции было натоплено,

и вся она дышала, как мнится мне теперь, каким-то несбыточным паровозным счастьем. Довольно скоро (я еще не ходил в школу) вокзал снесли, укомплектовав все платформы железобетонными навесами – с разбитыми стеклами и горами пустых бутылок. Пути к возвращению паровоза были отрезаны окончательно.

И не сон ли это, или только грёза, Эти тени, эти вздохи паровоза...

Свое название ресторан в Эфесе получил не в честь вагона-ресторана (вещь, в детстве ничуть не менее будоражившая воображение, чем часы с кукушкой), но в ознаменование того, что прямо за ним стоит литерный вагон Мустафы Кемаля Ататюрка, отца всех турков, подарившего Турции независимость от греков, красный флаг со звездой и полумесяцем и свободу от строгих норм шариата. Облазив весь вагон вождя, весьма скромный по нынешним меркам, я вспомнил музей, который посетил в детстве только раз, видимо в силу той самой mysterium tremendum (страшной тайны), его окружавшей и внушившей мне, ребенку, почти религиозный ужас. Это был «Траурный поезд Ленина» возле Павелецкого вокзала, где паровоз и несколько убранных венками вагонов, в одном из которых привезли в Москву гроб с вождем мирового пролетариата, яростно будили в душе незнакомое в советском быту чувство античной драмы.

Друг мой, прежде, как и ныне, Адониса погребали...

Паровоз, «железный гость», безусловно, есть существо, в котором жизнь и смерть, трагедия и воскресение переплетены настолько, что делают его существом поистине мифическим. «Нас сжигали в паровозных топках», вспоминается из школьной программы. «Бьется в тесной печурке Лазо», распевали мы, хулиганя на переменах, кощунственно переделав всеми любимую военную песню. Но где еще сгинуть большевистскому Эмпедоклу, как не в паровозной топке. Про это, помнится, даже оперу исполняли, в конце которой сам факт смерти большевика явственно обозначался двумя софитами – глазищами паровоза, ослепляющими зрителей прямо из глубины сцены Большого театра. Мазохистские элементы не были чужды комвоспитанию. Да и Ленин, наше «все», был завезен в Петроград в апреле 17-го под видом паровозного кочегара. «Из искры (паровозной) возгорится пламя!»

Прав был парижский «лель», для которого паровозный «пар» прозвучал отголоском греческого «pyr», огня, которым согласно Гераклиту зиждется Вселенная: «Греческое слово pyr я переживал как имеющее серный запах, и во вздохах паровоза скорого поезда, подходившего к станции Осиповичи, ясно слышал звук пюр». «Мерами затухающий, мерами вспыхивающий»... Этот огонь, казалось, только что был здесь – и будет еще, ведь в тендере еще полно угля, а откидное сиденье для кочегара вот оно, на месте, в ожидании новой смены. Тот же огонь... ионийское палящее солнце, выжженная степь, обожженное, об*о*женное сердце.

Весь мир обошла фотография происшествия на парижском вокзале Монпарнасс, случившегося 22 октября 1895 года, когда потерявший управление паровоз сошел с рельс уже в помещении самого вокзала, пробил хрупкую стену и вывалился, как кит на сушу, на про-

езжую часть, потащив за собой несколько вагонов. Её и сейчас можно найти в виде постеров в арт-салонах. Большой раненый зверь, сбежавший из цирка современной цивилизации. Бог на панели. «Лишь в смерти спасение падших богов».

Справочно-библиографический раздел

Н.К. Малинаускене

К 20-летию Всесоюзной научной конференции «Алексей Федорович Лосев и культура XX века» (Москва, май 1989 г.)

22–24 мая 1989 г. в I корпусе гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова состоялась первая в Москве конференция памяти А.Ф. Лосева «Алексей Федорович Лосев и культура XX века». Она была организована Комиссией по античной культуре при Научном совете по истории мировой культуры АН СССР. Конференцию открыл доктор филологических наук *Ю.С. Степанов* вступительным словом «Алексей Федорович Лосев и культура XX века». По программе конференции выступила председатель Античной комиссии при Совете по истории мировой культуры профессор МГУ *А.А. Тахо-Годи*.

В рамках конференции 22 мая прошло пленарное заседание и заседания секций: музыкальной культуры (председатель – А.А. Фарбштейн), «Имя – символ – миф» (председатель – В.И. Постовалова), «Античная культура» (председатель – Н.А. Чистякова). 23 мая работали секции: «Философия и культура Возрождения», «Эстетика и культура» (председатель – В.В. Сильвестров), «История философии» (председатель – И.М. Нахов), «Язык и культура» (председатель – О.С. Широков), а также состоялось заключительное пленарное заседание. Вечером были показаны фрагменты документального фильма об А.Ф. Лосеве «Эпитафия», музыковед и пианист М.М. Гамаюнов исполнил любимые произведения ученого. 24 мая, в первую годовщину кончины Алексея Федоровича, у его могилы на Ваганьковском кладбище была отслужена панихида.

Целый ряд докладов, прозвучавших на конференции, впоследствии был опубликован в сборнике «А.Ф. Лосев и культура XX века: Лосевские чтения» (М.: Наука, 1991). Сюда вошли и статьи по докладам, сделанным на конференции памяти А.Ф. Лосева в Ростове-на-Дону в октябре 1989 г., а также материалы к биографии ученого.

В настоящей информации будет освещена в основном работа пленарных заседаний и секции музыкальной культуры, на которых я имела возможность присутствовать, о работе остальных секций будут сообщены самые общие сведения. Опубликованные в указанном сборнике доклады (в дальнейшем отмечаются звездочкой безо всяких уточнений, ссылки даются на страницы именно этого издания) будут представлены в кратком изложении, на неопубликованных докладах остановимся более подробно. Если у нас есть сведения о публикации материалов доклада в другом издании, на него также дается ссылка со звездочкой.

Пленарное заседание первого дня конференции открыл *Георгий Карлович Вагнер* докладом «О некоторых аспектах проблемы личности в истории культуры»*. Автор остановился на тезисе о внеличностности античной культуры и сугубо личностном характере культуры Средних

веков и отметил, что ни в одной работе к 1000-летию христианства на Руси вопрос о роли христианства в становлении личности затронут не был. Высказывания же Лосева ставят, по мнению ученого, в этой проблеме правильные акценты. Звездное небо, чувственный космос – вот основа античной культуры. Никакой личности в античном космологизме Лосев не видит. В греческом слове hypostasis□*основание, сущность* значение *лицо* появляется только в поздней литературе. Личность – это не античная тема, и в «Двенадцати тезисах об античной культуре» Лосев ее не касался. Только в эллинистическую эпоху начинается ее формирование, до этого же – ликование плоти и никакой духовности. Античный мир не был способен к монотеизму. Человека делает личностью путь к спасению и свобода выбора. Истинная личность – сгусток природно-общественных отношений. Она живет не созерцая, а действуя для преодоления несовершенства общественной жизни. Это признак интеллигенции.

Юрий Сергеевич Степанов предложил доклад на тему «"Закон" и "антиномия" в гуманитарных науках. От Декарта до Флоренского и Лосева»*. Понимая антиномию как конфликт между двумя законами или принципами в их практическом применении к какому-либо конкретному случаю, а закон, вслед за Лосевым, развивающим античную традицию, как «конструктивную сущность», ученый приходит к мысли, что «то понимание «закона» в гуманитарной сфере, к которому присоединился и которое блестяще выразил А.Ф. Лосев, обнаруживает еще одно достоинство: оно морально и оно влечет к милосердию» (с. 50). При этом «лосевский "закон" … отражает непреходящую, магистральную линию европейской философии, в то время как "антиномия" Флоренского, как и "антиномии" де Соссюра, – ее временный кризис» (с. 48).

Доклад *Александра Викторовича Михайлова* «Терминологические исследования А.Ф. Лосева и историзация нашего знания»* развивал идею изменчивости и исторического становления термина и слова вообще. По мысли автора, А.Ф. Лосев с самого начала понимал, что, занимаясь философией, надо быть филологом, ориентироваться на античность и прежде всего на Грецию, ибо в древнегреческом языке слова-термины и языковая стихия сближены максимально.

Леонид Витальевич Голованов в докладе «Универсализм античного космоса по А.Ф. Лосеву»* отметил сложность исследования античной эстетики из-за ее слабой отчлененности от других сфер. После тщательнейшей обработки огромного исходного материала Лосев показал, что искусство в античности было моментом самой жизни, что красота античности неотделима от тела, эстетическое неотделимо от космического. Поэтому «Историю античной эстетики» можно рассматривать как историю античного космоса, а сам философ являет для нас живое воплощение красоты человеческого совершенства, «воплощенный космос».

Поэт *Владимир Яковлевич Лазарев* выступил с докладом «Непрерывность русского философского сознания на примере жизни А.Ф. Лосева в эпоху глобальной прерывности культурных связей». Автор поднял вопрос о необходимости серьезного диалога между право-

славием и наукой, в котором значение лосевского наследия будет возрастать. По словам докладчика, с Лосевым ушел определенный эон русской философии, Лосев был последним философом того поколения, той материи. Его не смогли вытеснить, он не пожелал уехать, жил в нашем обществе, был и нашим современником. Жил и умер философом. У Лосева – позитивное строительное начало, страстная натура. Он страстный соловьевец, страстный служитель Платона, наверное, и страстный христианин. Есть гвардия варваров, для них Алексей Федорович стал мракобесом, для них это разумно. Можно говорить о вдохновенном бытии Лосева. Его ученость – высокая, но не давящая. Он всегда воспарял. Он бранился подобно греческим богам. Он остается в ряду Булгакова, Бердяева, Карсавина. Лосев не принимал Розанова, это понятно в его модели. Не принимал Толстого, но – Достоевского! Лосев мог мыслить и в церковной ограде, и вне нее. У него было двойное дыхание. Необходимо опубликовать всего Лосева, чтобы понять его противоречия, связанные со временем, в котором он жил. Наша культура – культура построенная, негативная, в которой, конечно, он мракобес. Можно и нужно говорить о негативных регионах ноосферы. Жизнь Лосева имеет даже мистический смысл. Счастливы те, кто прошел духовную академию Лосева. Его завещание – изживать варварство в нашем обществе.

М.К. Трофимова представила доклад на тему «Труды Лосева для исследования проблемы гностицизма» (опубликован под названием «Из гностических текстов ("Пистис Софиа", 47–56)»)*. Среди проблем, сформулированных Лосевым, докладчица выделила проблему символа, знака, форм выражения в античной культуре. Далее она охарактеризовала сложный в своем единстве памятник гностицизма IV века «Пистис Софиа» и представила собственный перевод на русский язык этого коптского текста, располагающего, по ее мнению, к семиотическому анализу.

Заявленный в программе доклад *Г.Г. Майорова* «Софийная традиция в философии» на конференции не прозвучал. По окончании пленарного заседания член оргкомитета Лосевской конференции, ожидавшейся в октябре 1989 года в Ростове-на-Дону, Михаил Михайлович Гамаюнов проинформировал о продлении сроков приема заявок на участие в этой конференции до 1 июля.

Секция музыкальной культуры начала свою работу 22 мая в 15 часов под председательством А.А. Фарбштейна (Ленинград). *Юрий Николаевич Холопов* выступил с докладом «А.Ф. Лосев и советская музыкальная наука»*. Причину того, что в «Музыкальной энциклопедии» под ред. Келдыша нет статьи, посвященной Лосеву, и даже не упоминается его имя, ученый видит не только в застойном характере музыкальной науки, но в трудности жанра, содержания и языка основного труда Лосева по философии музыки («Музыка как предмет логики»), а также в трудности вхождения в научный обиход его сложной философской теории музыки. Лосев занимался не традиционной теорией музыки как теорией музыкального произведения, а правильно понимаемой теорией музыки, соответствующей древней традиции, музыкой как искусством времени. Хотя музыкальная область была у Лосева да-

леко не на первом месте, но то, что им было здесь сделано, уже составило бы славу его наследия.

Доклад на тему «Эрос и мелос в ранних работах Лосева» сделал *М.М. Гамаюнов*. По мнению автора, первые работы Лосева 1916 г. («Эрос у Платона», «Два мироощущения (Из впечатлений после "Травиаты")» и «О музыкальном ощущении любви и природы (К тридцатипятилетию "Снегурочки" Римского-Корсакова)» представляют собой триединство. Рассуждая о меональном основании музыки у Лосева как хаотическом, алогичном начале и о мелодичности как начале гармоническом, докладчик приходит к мысли, что в структурном понимании мелодии Лосев близок к пифагорейцам и неоплатоникам, а в нравственном понимании мелодии Лосев – истинный христианин. «Символические каскады» Скрябина и Вагнера наиболее музыкальны, наименее мелодичны. Конец хаосу наступит тогда, когда Скрябин соединит свою иррациональность со славянским и итальянским мелосом. С учетом преображающей силы музыки, ее активного воздействия на душу, утверждается возможность этого совмещения на символическом уровне. В заключение М.М. Гамаюнов констатировал, что творчество Лосева относится к теории музыки на уровне очень высоких обобщений. На вопрос «Возможен ли новый термин для совмещения музыкальности и мелодичности?» докладчик ответил следующее.

– Надо уточнить понимание хаоса у Лосева. Он имеет в виду хаос мифологический. Мелодичен ли Прокофьев или Шёнберг? Мелодичность субъективна. Как петь Прокофьева? Это проблемы вокалистов. Фальшиво поют – плохо чувствуют додекафонную новую ритмическую структуру. Термин предлагать не могу. Мелодия есть мелодия, и гармония есть гармония. Они могут быть разными: одна у Моцарта, другая – у Шёнберга.

Татьяна Феодосьевна Владышевская выступила с докладом «Художественный канон русской духовной музыки и теория канона у А.Ф. Лосева». Она отметила, что работа о каноне у Лосева носит общеэстетический характер, понятие канона выводится через цепь отрицаний, а художественный канон понимается как модель художественного произведения. Применение этого понятия правомерно по отношению к церковной православной музыке, в которой пение ангелоподобно, боговдохновенно. Основа этому заложена еще в библейские времена, в текстах из древних пророков. Идея ангелоподобного пения есть в Евангелии, в патристике, особенно у философов (у Псевдо-Дионисия Ареопагита в трактате «О небесной иерархии» есть понятие небесных архетипов). Такие архетипы в византийской музыке – это типы распевов, «подобны», свои для стихир, для кондаков, триодей. У иконописцев тоже существует своя система. Задача песнопевца и иконописца – передать эти божественные образы. В пределах канона художник мог проявить свою индивидуальность. На вопрос о природе гласов церковного богослужения докладчица ответила, что глас, изобретенный в VIII в. в Византии Иоанном Дамаскиным, – это не тональность, это модус, это одно из проявлений канона. По поводу канона как структуры и канона как жанра Т.Ф. Владышевская сказала, что канон понимается трояко: как структура, как музыкальный обра-

зец, повторяющаяся мелодия, и как сложная форма гимнографического жанра. На вопрос, является ли хоровое пение традиционной чертой славянской культуры, докладчица ответила, что для русского человека пение – это самовыражение. Правомерно утверждение Свиридова о примате хоровой музыки над инструментальной. Нашу музыку еще не оценили так, как оценили русскую икону.

А.А. Фарбштейн сделал доклад «Музыка как философия откровения» (опубликован с уточненным названием «Музыка как философское откровение (к проблематике ранних работ А.Ф. Лосева по философии музыки)»)*. Автор остановился на традиции русской философии, выражающейся в эмоциональном переживании отвлеченных идей, подчеркнув абсолютный слух Лосева к духовному смыслу музыки. Обратив внимание на термин «мироощущение» в ранних работах Лосева, А.А. Фарбштейн обосновал мысль, что именно этот термин наиболее адекватно выражает предметную и психологическую специфику музыки. Анализируя философский очерк Лосева «Мировоззрение Скрябина», докладчик указал, что философ, считая мировоззрение Скрябина ярчайшим выражением западной философии, настоящий его источник видит в Фихте. На вопрос, каких композиторов Лосев считал выразителями русского и итальянского духа, А.А. Фарбштейн ответил: «Римского-Корсакова и Верди с Россини». М.М. Гамаюнов в качестве дополнения к докладу сообщил, что обе ранние музыковедческие статьи Лосева готовятся к переизданию в Ростове-на-Дону.

Владимир Леонидович Марченков прочитал доклад «Цельность концепции в книге А.Ф. Лосева "Музыка как предмет логики"». В этом труде, по мысли автора, поднимаются узловые проблемы музыкальной эстетики. Каждый раз Лосев берет музыку в ее чистоте, как целое, отделенное от всего остального. Это феноменология музыки. Специфика музыки – выражение специального вида бытия, чистого музыкального бытия. Это бытие гилетическое, его лик – в безликости. Сравнивая музыку с математикой, докладчик отметил их сходство, заключающееся в их идеальности, в проявлении эйдоса как становящегося смысла. Теория множеств соответствует эйдетичности музыки. Неподвижный логос (сфера науки) и гиле (сфера музыкального восприятия) вместе создают живой эйдос, целое, которое покоится и движется изменяясь, но остается самим собой. Это число. Музыка – это жизнь числа. Но музыка и математика не одно и то же. Математика – жизнь числа как такового, музыка – выраженная жизнь числа. Центральное место в лосевской системе отведено категории времени. Лосев определяет сущность времени (и это не в собственно философском труде!). Время – алогическое становление числа. Музыка – выражение неоднородно текущего времени. Из категории эйдоса выводятся: мелодия, гармония, объем, плотность, цветность, вес и т.д. звука. Это уже целостная, беспрецедентная философия музыки. Но Лосев, как русский философ, здесь не останавливается. В начале исследования он изъял музыку из процесса бытия, потом установил смысловое значение эйдоса. Последний шаг – введение музыкальной формы в общий поток бытия. Закон золотого деления и метротектонизма. Конкретное музыкальное произведение подчинено общим законам бытия, как и стол,

здание и т.д. Таков один аспект, возможный при рассмотрении книги «Музыка как предмет логики». Абстрактно-логическое знание не способно к полному познанию музыки, оно возможно только в мифе. Лосев создает свой музыкальный миф – finale fortissimo. На вопрос: «Почему Вы говорите о тождестве мелодии и гармонии?» докладчик ответил: «Гармония понимается как высотное расширение мелодии в концепции Лосева».

В выступлении *С.С. Купцова* (Гомель) был затронут вопрос «Лосев о Шопенгауэре», в частности, упомянуты слова философа: «Платон, неоплатонизм, Гегель, Шопенгауэр – симфония моей жизни».

М.М. Гамаюнов в своем выступлении отметил, что все доклады на секции прозвучали гармонично. Все, что связано с эйдосом, разработано в «Античном космосе…», учение о тетрактиде – это порождающая модель для космоса и для музыки с выходом на социально-исторические условия.

Заявленный в программе доклад *Г.В. Герцмана* «Античная музыка и XX век» на заседании секции музыкальной культуры представлен не был.

В заключение председатель секции А.А. Фарбштейн поблагодарил А.А. Тахо-Годи за присутствие на заседании и остановился на двух моментах. Во-первых, он отметил, что философия музыки – не только содержательная, но универсальная область знания, необходимая для целого комплекса современных наук. Во-вторых, относительная самостоятельность поднятых вопросов складывается в гармоническое целое, позволяющее издать по материалам секции отдельный сборник статей.

22 мая работали также секции «Имя – символ – миф» и «Античная культура». На первой из них прозвучали следующие доклады: *В.В. Бибихин* «Символ и другое», *В.И. Постовалова* «Философия имени в творчестве А.Ф. Лосева», *И.М. Нахов* «А.Ф. Лосев и марксизм», *А.И. Штерн* «Симметрия и ее образы»*, *О.В. Бычков* «Духовное завещание А.Ф. Лосева»*. Не состоялся доклад *С.С. Хоружего* «"Диалектика мифа" и ее место в творчестве А.Ф. Лосева».

В секции «Античной культуры» были заслушаны доклады *Н.А. Чистяковой* «Актуальные проблемы изучения античной словесности в трудах А.Ф. Лосева»*, *В.П. Завьяловой* «Проблемы раннего эллинизма в трудах А.Ф. Лосева»*, *Н.В. Вулих* «Римская культура и эстетика в интерпретации А.Ф. Лосева»*, *В.Н. Илюшечкина* «Характерологические особенности животных в классификации Аристотеля (в свете размышлений А.Ф. Лосева)» (опубликован под названием «Характерологические особенности и классификация Аристотеля» в сборнике «Вопросы классической филологии. Вып. XII. STROMATEIS□= Тексты: Сборник статей в честь Азы Алибековны Тахо-Годи. – М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 284 – 293)*. Не прозвучал доклад *Л.А. Гиндина* «А.Ф. Лосев и эстетика Гомера».

23 мая с 10 часов утра заседали четыре секции.

На секции «Философия и культура Возрождения» в программе стояли доклады: *Ю.Н. Давыдов* «А.Ф. Лосев и проблема Возрождения», *В.В. Бакшутов* «Диалектика Возрождения в трудах А.Ф. Лосева»,

П.П. Гайденко «Николай Кузанский и концепция возрожденческого платонизма в трудах А.Ф. Лосева», *В.В. Соколов* «А.Ф. Лосев – историк ренессансной философии», *Г.В. Драч* «Античный космологизм – обоснование социокультурной парадигмы». Доклад *Л.В. Голованова*, как уже указывалось, был вынесен на пленарное заседание.

Программа секции «Эстетика и культура» предполагала следующие доклады: *А.А. Салтыков* «Православие и русская культура XX века», *В.В. Сильвестров* «Античные истоки в философской парадигме современной культуры», *О.Э. Туганова* «Античная философия и искусство постмодернизма», *О.И. Генисаретский* «Пластика образа жизни и порождающие модели культуры в философии А.Ф. Лосева», *Н.И. Крюковский* «А.Ф. Лосев и современные научные методы в эстетическом исследовании», *М.Е. Нисенбаум* «"Тень судьбы". По поводу двух афоризмов А.Ф. Лосева».

В секции «История философии» были заявлены доклады: *Д.В. Джохадзе* «А.Ф. Лосев – философ XX века», *А.Н. Есев* «А.Ф. Лосев – гуманист XX века», *С.С. Купцов* «Западноевропейская и русская философская традиция», *Ф.Х. Кессиди* «А.Ф. Лосев и некоторые проблемы философии Платона», *А.Н. Вашестов* «Проблемы аристотелизма в русской философии», *А.Л. Доброхотов* «Шеллинг и Лосев», *Г.Ч. Гусейнов* «А.Ф. Лосев и Вячеслав Иванов».

Программа секции «Язык и культура» содержала доклады: *И.Г. Добродомов* «А.Ф. Лосев на кафедре общего языкознания МГПИ им. В.И. Ленина», *О.С. Широков* «Учение о логосе в грамматике и философии» (опубликован под названием «Античный Логос и Нус в философской системе А.Ф. Лосева, Логос и Нус Ксенофана»*), *Н.С. Гринбаум* «О принципах интерпретации А.Ф. Лосевым древнегреческой философской терминологии» (опубликован под названием «О принципах интерпретации А.Ф. Лосевым древнегреческих философских терминов и ее научной значимости» в указанном сборнике «Вопросы классической филологии». Вып. XII. С. 155 – 168)*, *С.А. Полковникова* «Учение А.Ф. Лосева о знаке»*, *Р.Г. Сирадзе* «Антонимия и образность», *О.М. Савельева* «Греческий синтаксис в освещении А.Ф. Лосева»*, *В.В. Борисенко* «А.Ф. Лосев о специфике греческого языка и о специфике греческого истолкования языка», *Ю.Ф. Панасенко* «Проблема взаимоотношения слова и сознания» (опубликован под названием «Слово и сознание по Лосеву»*).

23 мая в 15 часов состоялось заключительное пленарное заседание. Оно открылось докладом *Н.Д. Арутюновой* «Образ, символ и знак в контексте естественного языка». На основе анализа повседневной речи автор выстроила схему семиотического концепта, специфика которого заключается в трехчленности: смысл – образ – означающее. Образ лежит в основе всех семиотических классификаторов. Он един, в нем смысл не отделен от формы. Образ обобщает и постепенно отдаляется от оригинала. Где кончается образ, начинается метафора. Метафора ведет образ по пути развития смысла. По другому пути метафорический образ может стать символом. Форма символа четче, стабильнее, проще. Поэтому геометрические фигуры имеют символическое значение. Символ отличается от метафоры и образа тем, что

это внесистемная, внелингвистическая функция. Образ поднимается до символа. Символ не подчинен человеку, он над человеком. Это отличает его от знака. Знак коммуникативен, он получает силу от человека, он имеет адресата, а символ не адресован.

Доклад на тему «Выражение как главный принцип эстетики А.Ф. Лосева»* прочитал *В.В. Бычков*. В определении Лосевым предмета эстетики («…эстетическое есть выражение той или иной предметности, данной как самодовлеющая созерцательная ценность и обработанной как сгусток общественно-исторических отношений», с. 30) каждое слово, по мысли автора, требует глубокого осмысления. Сам же докладчик останавливается на термине «выражение». Подчеркнув становящийся характер выражения и символическую природу всякого выражения, по Лосеву, В.В. Бычков охарактеризовал специфику художественного выражения (художественной формы), в котором есть равновесие логической и алогической стихии.

Станислав Бемович Джимбинов произнес «Слово о Лосеве» (впервые было опубликовано в сборнике «Ойкумена мысли: феномен А.Ф. Лосева». – Уфа, 1996. С. 37–44)*. Докладчик проследил жизненный и творческий путь Лосева, «гениального религиозного философа» и «самого гениального филолога-классика XX века» в эпоху разрушения классического образования в России, охарактеризовал круг его научного общения, отметил «казачье упорство и вольность», «германскую основательность» и языковой дар ученого. В заключение С.Б. Джимбинов выступил с предложениями: 1) возродить классическое образование; 2) учредить лосевские стипендии для филологов-классиков и философов.

Павел Васильевич Флоренский для своего доклада «Ранние контакты А.Ф. Лосева и П.А. Флоренского» привлек письма, личные воспоминания и семейные легенды, рассказал об истории написания статьи о Флоренском в «Философской энциклопедии». Автор доклада говорил о жизненном подвиге Лосева, который метко был назван «дерзанием духа», и о подвиге женщин, спутниц ученого на его жизненном пути.

Пленарное заседание завершилось заключительным словом *А.А. Тахо-Годи* «Лосев как человек, который должен был преодолевать хаос». Аза Алибековна напомнила, что Алексей Федорович называл себя «апологетом ума», вечно преодолевающим хаос: «мареву мертвых душ противостоит разум, первоединый свет, ум, который успокаивает». Сумбуру и неразберихе Лосев противостоял с гимназических лет. Твердые установки матери столкнулись в юноше со стихийным характером отца, математика и музыканта. От отца он унаследовал наслаждение свободой мысли, разгул и вечное искательство, несвязанность с бытом. Аза Алибековна рассказала о венчании Алексея Федоровича и Валентины Михайловны в Сергиевом Посаде Павлом Флоренским в день Святого Духа 5 июня 1922 г., о драматических событиях жизни ученого, связанных с преподавательской деятельностью и изданием научных трудов. В докладе прозвучали строки стихотворения Лосева предположительно 1943 г. «Оправдание»:

Ум – вечно-юная весна.
Он утро юных откровений,
Игра бессменных удивлений.
Ум не стареет никогда.

В.В. Бычков проинформировал участников конференции о появлении сигнального экземпляра книги Лосева «История античной философии в конспективном изложении» (М.: «Мысль», тираж 50 000 экз.).

А. Кабалюков (г. Сумы), председатель идеалистического философского общества «Мысль», рассказал о своем знакомстве с Лосевым в 1979 г.

Конференция получила отклики в печати. Так, в «Литературной России» (№ 22 от 2 июня 1989 г. С. 5) в информационном сообщении «Слово об А.Ф. Лосеве» за подписью «Наш корр.» говорилось: «Широта представленных на конференции проблем отражала энциклопедичность личности большого ученого, русского мыслителя, специалиста по истории философии, эстетике, культуре, литературоведа и лингвиста, музыковеда и математика».

Т.В. Мошковская

Православие и Интернет: точки соприкосновения (Обзор интернет-ресурсов)

В рамках XVI Рождественских образовательных чтений в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» проходил круглый стол «Пути взаимодействия светской и церковной культуры (музеи – библиотеки – издательства)», на котором мною в форме компьютерной презентации был представлен доклад «Православие и Интернет: точки соприкосновения (Обзор интернет-ресурсов)». По просьбам участников этого мероприятия предлагаем познакомиться с данным сообщением в текстовом варианте.

Сетевые технологии активно внедряются во все сферы и отрасли человеческой деятельности. Интернет стал обычным средством телекоммуникационного взаимодействия для любых интересов и направлений. Информационное пространство Интернета включило в себя и религиозную компоненту. В настоящее время в Интернете представлены все мировые религиозные конфессии, в том числе сетевые ресурсы, относящиеся к православной тематике.

Проводя статистический анализ работы основных поисковых машин по поиску с ключевым словом «Православие» были получены следующие данные (по состоянию на январь 2008 г.):

- Яндекс – страниц 7 303 692, сайтов 41 510
- Рамблер – документов 4 760 277, сайтов 98 881
- Google – документов 646 000
- Yahoo! – документов 14 600 000

Наличие такого количества сетевых документов еще раз подтверждает идею о возможности оказания помощи в поисках необходимой информации библиотечными подразделениями, в задачи которых входят представление полной и релевантной информации по запросам пользователей библиотеки.

При организации тематического поиска в большинстве случаев удобнее всего использовать уже готовые предметные каталоги сетевых ресурсов, которые структурированы по предметному рубрикатору.

К такой информации стоит отнести такие сетевые справочники как: Сетевые ресурсы Фонда «Русское православие»(http://www.ortho-rus.ru/) или каталог сетевых ресурсов «Православное хрестианство.RU» (http://www.hristianstvo.ru/). Данные справочники содержат в себе гиперссылки к огромному количеству интернет-ресурсов в области Православия, которые в свою очередь объедены под едиными рубриками, позволяющими легко ориентироваться в таком многообразном потоке информации.

Говоря об информационных сетевых ресурсах, относящихся к вопросам православной культуры, следует различать:

- Библиографические ресурсы
- Фактографические ресурсы
- Полнотекстовые ресурсы

Под православными библиографическими сетевыми ресурсами можно рассматривать, например, электронные каталоги библиотек,

фонды которых содержат в себе документы по заданной теме (Российская государственная библиотека www.rsl.ru, Синодальная библиотека Московской Патриархии www.ortlib.narod.ru, Государственная публичная историческая библиотека www.shpl.ru, Библиотека «Дом А.Ф. Лосева www.losev-library.ru и т.д.)

Другой пример библиографической информации – это книжные интернет-магазины, распространяющие православные издания, например «Православная книга России» (www.pravkniga.ru), «Гнозис» www.gnosisbooks.ru, Библио-Глобус (www.biblio-globus.ru), Галерея книги «Нина» (www.kniginina.ru), Санкт-Петербургское православное издательство «Сатисъ», (www.satis.spb.ru/str_2.html.) и многие другие. На сайтах этих книжных издательств или интернет-магазинов можно найти огромное количество библиографических ссылок на выходящие по заданной теме материалы.

Еще один пример библиографических ресурсов можно представить в виде библиографических списков или указателей, которые уже собранны и опубликованы в сетевом пространстве Интернет. К таким ресурсам можно отнести: Центр педагогических исследований «Покров» cpr-pokrov.narod.ru/bgrf.htm, который разместил на своем сайте библиографию по курсу «Православная культура», где содержится учебно-методическая литература, первоисточники, книги по религиозно-философской мысли, православному искусству и др.

По адресу www.mochola.org/russiaabroad/popov/bibliogr.htm размещен библиографический указатель А.В. Попова «Российское православное зарубежье: История и источники. С приложением систематической библиографии» (М.: ИПВА, 2005. – 619 с.). Библиографический указатель является систематической библиографией книг, брошюр и статей, посвященных истории российского православного зарубежья и изданных на русском языке в России и за рубежом в 1918–2004 гг. В указатель включены отдельные работы, опубликованные ранее 1918 г., и краткий список публикаций на иностранных языках.

Библиография из 237 источников содержится в приложении к опубликованной в Интернете диссертации иеромонаха Георгия (Шестуна) «Православные традиции духовно-нравственного становления человека (историко-теоретический аспект)» pokrov-forum.ru/library/disertacii/shestun/txt/literatura.php[1].

Примеры фактографической информации, относящейся к тематической области «Православие», весьма многочисленны.

Здесь можно рассматривать и адресные справочники, и музейные материалы, фото и аудио-архивы, многочисленные путеводители, образовательные, медицинские, социальные ресурсы. Все они созданы и распространены в сетевом пространстве Интернет по тематическому разделу «Православие». Приведем некоторые из них. Например, «Русские Церкви: фотосправочник-путеводитель»(r-oc.1gb.ru), где представлены фотоархивы и история русских церквей и монастырей, «Пра-

[1] *Лойко В.Л.* Развитие библиографии православной литературы в сети Интернет: Тезисы на конференцию ВНС НИО БГ.-[Электронный текст].-Реж.доступа: http://rumchten.rsl.ru/2007/ru/upload/doc/1169203674.doc

вославие.RU» (pravoslavie.ru), сайт на котором собраны многочисленные материалы православного календаря и поместных церквей.

В сетевом пространстве Интернет многие монастыри и церкви открывают свои собственные сайты, тем самым привлекая к себе огромную сетевую аудиторию. Примером такого взаимодействия может служить Богородично-рождественская девичья пустынь со своим сетевым ресурсом «Киновия» (www.feofila.ru) или знаменитые Оптина пустынь (optina.org.ru) и Свято-Троицкая Сергиева Лавра (www.stsl.ru), другие многочисленные сайты православных церквей и монастырей.

К последним сетевым ресурсам, о которых хотелось бы сказать несколько слов, можно отнести так называемые полнотекстовые ресурсы.

Во-первых, это многочисленные электронные библиотеки по Православию. Сейчас в Сети по данным предметного справочника «Православное христианство.RU» насчитывается около 460 ссылок на такие ресурсы. Одной из них является электронная библиотека «Библиотека православного христианина»(www.wco.ru/biblio), которая была открыта в сентябре 1998 г. Она включает книги в режиме онлайн, упакованные книги; программное обеспечение (с графикой); базу данных с описаниями книг и подписчиками рассылки. В библиотеке представлены книги и статьи в онлайновом и заархивированном виде. Тексты духовного содержания пополняют библиотеку 2–3 раза в неделю. Исходные электронные тексты сканируются, а также поставляются в электронном виде рядом православных издательств. Библиотека также пополняется собственными Интернет-публикациями. Сайт имеет электронный каталог библиотеки, удобный (дружественный) дизайн, профессиональное программирование с использованием всех современных Интернет-технологий. Библиотека содержит произведения более 200 авторов, включая святоотеческие произведения и публикации таких авторов, как диакон Андрей Кураев, иеромонах Анатолий Берестов, священник Олег Стеняев, священник Игорь Ефимов, профессор Алексей Осипов, Ирина Силуянова, Ирина Языкова и др.

Другой пример полнотекстовой информации – сайт «Лестовка: собрание богослужебных текстов» (www.lestovka.ru). Он был создан в 1999 г. как электронная библиотека, посвященная вопросам литургики, богослужения, богослужебным текстам.

Кроме полнотекстовых электронных библиотек, в Сети получили широкое распространение сайты периодических изданий православного характера. Например, известный многим журнал «Фома» (www.foma.ru) или «Альфа и Омега», который расположен по тому же URL-адресу.

К особым полнотекстовым сетевым ресурсам следует отнести оцифрованные тексты славянских рукописных книг. Примером таких сайтов может являться библиотека Славянских рукописей (ww.stsl.ru/manuscripts/index.php?col=5) из собрания рукописных книг Московской духовной академии (доступна 451 рукопись) или одна из коллекций полнотекстовой библиотеки РГБ «ОРЕЛ» – «Память России» (orel.rsl.ru/projects/1_1.html), которая содержит образы первопечатных славянских книг XV– первая четверть и XVI вв., изданные в раз-

ных странах Европы (Польше, Богемии, Валахии, Черногории, Венеции).

Сетевые ресурсы Интернет, относящиеся к теме «Православие» очень многочисленны и разнообразны. Информационное пространство Интернет можно рассматривать как специализированную технологию или среду для популяризации и распространения знаний в области православной культуры.

Библиотекам в этом процессе отводится особая роль – роль трансляторов или проводников в этот мир знаний. В этом процессе видится одна из многочисленных миссий публичных библиотек в современном информационном обществе.

Н.А. Бекасова

Советуем прочитать
(Новые книжные поступления в «Дом А.Ф. Лосева»: 2008)

1. Античность и русская культура Серебряного века: XII Лосевские чтения: К 85–летию А.А. Тахо–Годи: **предварительные материалы** / [отв. ред.: Е.А. Тахо-Годи, М.Ю. Эдельштейн]. – М.: ФАИР, 2008. – 140 с.; 21 см. – Библиогр. в подстроч. примеч.

В сборник вошли статьи известных российских и зарубежных исследователей – участников Международной научной конференции XII Лосевские чтения: «Античность и русская культура Серебряного века: К 85-летию А.А. Тахо-Годи», проходившей в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» 15–18 октября 2007 г.

2. Античность и русская культура Серебряного века: XII Лосевские чтения: К 85–летию А.А. Тахо–Годи: по материалам юбилейной международной конференции, состоявшейся 15–18 октября 2007 г. и организованной Культурно-просветительским обществом «Лосевские беседы», Библиотекой истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», Научным советом «История мировой культуры» РАН / [отв. ред.: Е.А. Тахо-Годи, М.Ю. Эдельштейн; сост.: Е.А. Тахо-Годи]. – М.: Водолей Publishers, 2008. – 183 с.; 22 см. – Библиогр. в конце ст.

Настоящий сборник является вторым выпуском предварительных материалов Международной научной конференции XII Лосевские чтения: «Античность и русская культура Серебряного века: К 85–летию А.А. Тахо-Годи». Помимо статей известных и зарубежных исследователей – участников конференции, в сборник вошел обзор XII Лосевских чтений, призванный создать целостное представление о составе участников, основной проблематике, затронутой во время заседаний. Сборник рассчитан на филологов, философов, культурологов, а также на читателей, интересующихся эпохой начала XX столетия.

3. Ариштейн, Леонид Матвеевич. Во власти хаоса: современники о войнах и революциях, 1914 – 1920. – М.: Грифон, 2008. – 430, [1] с.: ил.; 23 см.

Книга представляет собой композицию из фрагментов свидетельств и воспоминаний о заметных личностях и событиях Первой Мировой и Гражданской войны, а также двух революций 1917 года – Февральской и Октябрьской. В книгу включены также фрагменты из художественных произведений на ту же тему, имеющих автобиографический характер (Алексей Ремизов, Артем Веселый) или написанные в жанре беллетризованной биографии (Роман Гуль, Марк Алданов). В своей полноте книга должна передать атмосферу лихолетья 1914–1920-х годов и познакомить читателя с наименее до сих пор освещавшимися событиями и сторонами жизни их участников.

4. Архитектурное наследие Русского Зарубежья: вторая половина XIX – первая половина XX в.: [сборник научных трудов] / Рос. акад. архитектуры и строит. наук, НИИ теории архитектуры и градостроительства, Библиотека–фонд «Русское Зарубежье» им. А.И. Солженицына; [сост. и отв. ред. С.С. Левошко]. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – 427 с., [44] л. ил., цв. ил., портр.: карты, планы; 22 см. – Библиогр. в подстроч. примеч. – Указ. имен.: с. 412–425.

Сборник научных трудов отражает результаты исследований последнего десятилетия в области архитектуры Русского зарубежья второй половины XIX – первой половины XX в.: на Балканах, во Франции, в Палестине, Италии, Чехии, Германии, Балтийских странах, Китае, Америке, Африканских странах,

Киргизстане. Статьи посвящены исследованиям русских православных храмов, этнографической архитектуре, военным памятникам и мемориалам, творческим биографиям архитекторов, их педагогической и общественно–издательской деятельности за рубежом. Освещаются историографические, методологические и историко-архитектурные проблемы, вопросы адаптации, взаимовлияний и национально-русских особенностей, определения роли русской архитектуры в культуре стран реципиентов, а также вопросы сохранения русского архитектурного наследия за рубежом. В научный обиход вводятся новые письменные и графические источники. Сборник структурирован по проблемному принципу. Предназначается для архитекторов, искусствоведов, историков и всех интересующихся культурой Русского Зарубежья.

5. Витгенштейн, Людвиг Иозеф. Логико–философский трактат [пер. и сост. И.С. Добронравов, Д.Г. Лахути; сост. В.Н. Садовский]. – М.: Канон+, 2008. – 287 с.: портр.; 25 см. – (Памятники философской мысли). – Текст: рус., англ., нем. – Указатели: с. 230–270.

Впервые в России публикуются в одном томе четыре варианта одного из самых знаменитых и влиятельных философских произведений XX века – немецкий оригинал, два ставших классическими английских перевода и русский перевод – исправленная и дополненная версия перевода 1958 г., ставшего «первой ласточкой» целой серии переводов, по которым советские читатели знакомились – с новой для них зарубежной философией вне канонов «марксизма-ленинизма». Дано также сыгравшее важную роль в судьбах «Трактата» «Введение» Бертрана Рассела 1922 г. (в английском оригинале и русском переводе).

6. Гаспаров, Михаил Леонович. "Сестра моя – жизнь" Бориса Пастернака: сверка понимания / М.Л. Гаспаров, И.Ю. Подгаецкая [сост. К.М. Поливанов]; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед. им. Е.М. Мелетинского. – М.: РГГУ, 2008. – 185, [3] с.: факс.; 20 см. – (Чтения по истории и теории культуры; вып. 55). – Библиогр. в подстроч. примеч. – Указатели в конце кн.

7. Донской, Дмитрий Владимирович. Рюриковичи: исторический словарь / Рус. ист. о-во. – М.: Русская панорама, 2008. – XXX, 788 с., [23] л. табл.: ил.; 30 см. – Библиогр.: с. 742–749 и в конце ст. – Указатели: с. XXII–XXX, 762–786.

Ни в чем, быть может, не выразилось столь осязательно и масштабно историческое значение русских князей-Рюриковичей, как в том, что и спустя многие столетия их деяниями живо интересуются их потомки. Начиная с IX в. история Русского государства и история династии Рюриковичей были тесно связаны друг с другом. На протяжении более семи веков потомки основателя династии, легендарного варяга Рюрика являлись политической элитой русского общества, занимали видные места в военной, экономической и культурной жизни Руси. Словарь содержит 465 оригинальных биографий-очерков князей и княгинь из династии Рюриковичей, построенных на отечественных и зарубежных источниках. Издание предназначено как для историков-профессионалов, так и для широкого круга читателей – всех интересующихся историей Русского государства.

8. Доброхотов, Александр Львович. Избранное. – М.: Территория будущего, 2008. – 470, [1] с.; 25 см. – (Университетская библиотека Александра Погорельского / сост.: В.В. Анашвили и А.Л. Погорельский. Серия Философия). – Библиогр. в конце гл. и в подстроч. примеч. – Др. произведения авт. на обороте тит. л.

Доброхотов Александр Львович (род. в 1950 г.) – доктор филос. наук, профессор, зав. кафедрой истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ. Область научных исследований – история метафизики; фи-

лософия культуры. Основные публикации: «Учение досократиков о бытии» (М., 1980), «Категория бытия в классической западноевропейской философии» (М., 1986), «Данте» (М., 1990).

9. Достоевский : сочинения, письма, документы : словарь-справочник / [Е.А. Акелькина, Е.В. Абрамовских, Н.Н. Арсентьева и др.]; науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров, Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). – СПб.: Пушкинский Дом, 2008. – 468, [1] с.; 30. – (Достоевский и русская культура). – Библиогр.: с. 423–453 и в примеч. в конце ст. – Указ. имен: с. 454–465. – Алф. указ. словар. ст: с. 466–469.

Словарь-справочник систематизирует научные знания по проблематике творчества Ф.М. Достоевского. Издание продолжает серию словарей-справочников «Достоевский и русская культура», основанную в Уральском государственном университете и призванную подвести итоги полуторавековому изучению творчества великого писателя. Первый том серии («Достоевский: Эстетика и поэтика») вышел в Челябинске в 1997 г. Словарь адресован ученым, научным работникам, преподавателям, студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся русской литературой XIX века.

10. Достоевский и русское зарубежье XX века: [сборник] / под ред. Жана-Филиппа Жаккара и Ульриха Шмида. – СПб.: Дмитрий Буланин (ДБ), 2008. – 278, [1] с.; 23 см. – Часть текста на англ. яз. – Сер. на англ. – Библиогр. в подстроч. примеч.

Предлагаемая книга открывает новую серию публикаций Международного Общества Достоевского (International Dostoevsky Society). В «Dostoevsky Monographs» будут появляться достоевсковедческие работы членов Общества. Международная редколлегия, состоящая из ведущих исследователей Достоевского из России, Европы и Америки, принимает решение о публикациях. В данной серии будут публиковаться как сборники статей, так и отдельные монографии. Основные языки серии – русский и английский, однако возможны публикации на французском и немецком. Первый сборник новой серии носит заглавие «Достоевский и русское зарубежье XX века». В нем собраны избранные доклады XII Международного симпозиума о Достоевском в Женеве, который состоялся 1–6 сентября 2004 г. в Женевском университете. Симпозиум и публикация сборника осуществлены при поддержке следующих учреждений: Швейцарский Национальный фонд, Швейцарская Академия гуманитарных наук, Лотерея французской Швейцарии, Российский Фонд гуманитарных наук, Российский Фонд фундаментальных исследований, Аэрофлот, банк Кларидан, Женевский университет, Фонд Боненки, Женевское Академическое Общество, Женевский Русский Кружок, Общество швейцарских славистов. Редакторы надеются, что сборник «Достоевский и русское зарубежье XX века» внесет вклад в дальнейшее исследование русской эмигрантской культуры, интеллектуальная и эстетическая сила которой стала оцениваться в России только после распада СССР.

11. Дуганов, Рудольф Валентинович. Велимир Хлебников и русская литература: статьи разных лет [сост. Наталия Дуганова-Шефтелевич]. – М.: Прогресс–Плеяда, 2008. – 381 с., [25] л. ил., цв. ил., портр., факс. ; 21 см. – Библиогр.: с. 373 и в примеч. в конце ст. – Указ. имен: с. 374–380.

Замечательный литературовед Р.В. Дуганов (1940–1998), автор известной монографии «Велимир Хлебников. Природа творчества» (1990), составитель и редактор ряда изданий поэта-будетлянина, занимался широким кругом проблем художественной литературы, классической и авангардной. Хорошо известен его альбом «Рисунки русских писателей» (1988). Настоящую книгу составили блистательные статьи Р.В. Дуганова о русской литературе, большая часть которых посвящена наследию Велимира Хлебникова.

Глубокие и тонкие исследования творчества Гоголя, Достоевского, Чехова, Блока также вошли в этот сборник.

12. Злыднева, Наталия Витальевна. Изображение и слово в риторике русской культуры XX века / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. – М.: Индрик, 2008. – 303 с.: ил.; 22 см. – Библиогр.: с. 287–296 и в конце ст.

Монография Н.В. Злыдневой представляет собой серию очерков, посвященных проблеме взаимодействия изображения и слова в аспекте риторики культуры XX века. Речь идет преимущественно о русском искусстве и литературе, однако привлекается и европейский материал: среди имен – Малевич, Ларионов, Филонов, Тышлер, Петров-Водкин, Де Кирико, Бранкузи, а также Гоголь, Вячеслав Иванов, Хармс, Платонов и многие другие. Особое внимание уделяется интереснейшей и все еще недостаточно исследованной в отечественном искусствознании переломной эпохе конца 20-х – начала 30-х годов. Изобразительное искусство рассматривается на фоне языка, в сопоставлении с литературой и в контексте общекультурных процессов. Оперируя широким гуманитарным инструментарием для выявления механизмов воздействия слова на формирование и восприятие изобразительного «текста», автор сосредоточивается на явлениях пограничья – словесном компоненте изобразительной формы, воздействии фигур речи на функционирование зрительного образа, точках соприкосновения литературы и искусства XX века, связи авангарда с архаикой, где вербальное и визуальное начала выступали в синкретичном виде. Монография рассчитана на искусствоведов и всех, кому интересна русская культура прошедшего столетия.

13. Иерархия Русской Православной Церкви, Патриаршество и государство в революционную эпоху / В.М. Лавров, В.В. Лобанов, И.В. Лобанова, А.В. Мазырин; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Рус. Православ. Церковь, Православ. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-т. – М.: Русская панорама, 2008. – 375 с., [4] л. ил., портр.: портр.; 21 см. – (Страницы российской истории : серия основана в 1998 г. / отв. ред. В.М. Лавров). – Библиогр. в конце ст. в примеч. – Имен. указ: с. 366–375.

Настоящая книга – плод совместной работы ученых Института российской истории РАН и Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. В ней на основе новых архивных материалов рассматриваются наиболее значимые и болезненные проблемы в сфере отношений Русской Православной Церкви (РПЦ) и государства. Это – вопрос реформы высшего церковного управления в начале XX столетия, а именно, отношение епископата РПЦ к институту патриаршества и перспективе его восстановления в России; поиск путей существования с богоборческой властью вновь избранного Предстоятеля РПЦ, Патриарха Тихона (1917–1925), православное осмысление им трагических событий революции и гражданской войны; внутрицерковные разделения второй половины 1920–1930-х годов, также рассматриваемые в свете позиции высших иерархов. Авторы, опираясь на широкий круг источников и литературы, стремились осмыслить не только исторические, но и духовные аспекты процессов, определяющих судьбу нашего Отечества. Для широкого круга читателей.

14. Искусство как сфера культурно-исторической памяти: сборник статей / [отв. ред. Л.Ю. Лиманская]. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2008. – 394, [1] с.: ил.; 20 см. – Аннот. и содерж. парал. англ. – Библиогр. в конце ст.

Сборник посвящен научно-теоретическому осмыслению актуальных проблем культурно-исторической памяти. Особое внимание уделяется отношениям между памятью, памятником и документом, рассматриваются исторические принципы взаимодействия памяти и воображения, освещаются евро-

пейские и восточные традиции использования памяти в художественном процессе, прослеживаются способы вербального и визуального бытования пластических форм. Для искусствоведов, культурологов и всех интересующихся историей культуры.

15. Карпов, Александр Владимирович. Язычество, христианство, двоеверие: религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI веках / Федер. агентство по культуре и кинематографии Рос. Федерации, Гос. музей истории религии. – СПб.: Алетейя; Историческая книга, 2008. – 179, [2] с.; 21 см. – (Богословская и церковно-историческая библиотека). – Библиогр. в подстроч. примеч.

Книга посвящена анализу религиозно-мировоззренческих и социокультурных аспектов христианизации раннесредневековой Руси. Рассматриваются общие вопросы изучения массовой религиозности, история исследований в области русских религиозных древностей и основные проблемы взаимодействия христианства и языческих верований в IX–XI вв. Издание ориентировано как на специалистов по истории и культуре Древней Руси, так и на широкий круг читателей.

16. Кузьмина, Ирина Владимировна. Князь Шаховской: путь русского либерала / Ирина Кузьмина, Алексей Лубков. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 360, [2] с., [16] л. ил., факс., портр.; 21 см. – (Жизнь замечательных людей: серия биографий / осн. в 1890 г. Ф. Павленковым и продолж. М. Горьким; вып. 1269 (1069)). – Библиогр. в примеч.: с. 339–358.

Имя князя Дмитрия Ивановича Шаховского (1861–1939) было широко известно в общественных кругах России рубежа XIX – XX веков. Потомок Рюриковичей, сын боевого гвардейского генерала, внук декабриста, он являлся видным деятелем земского самоуправления, одним из создателей и лидером кадетской партии, депутатом и секретарем Первой Государственной думы, министром Временного правительства, а в годы гражданской войны – активным участником борьбы с большевиками. Д.И. Шаховской – духовный вдохновитель Братства «Приютино», в которое входили замечательные представители русской либеральной интеллигенции – В.И. Вернадский, Ф.С. и С.С. Ольденбурги, А.А. Корнилов, И.М. Гревс и др. Историк и мыслитель, он внес неоценимый вклад в изучение русской философской мысли, в том числе наследия своего двоюродного деда П.Я. Чаадаева. Книга написана на основе неопубликованных документов, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. Авторы попытались проследить не только внешнюю событийную сторону жизни своего героя, но и внутреннюю эволюцию взглядов оригинального русского мыслителя, чьи имя, дела и идеи возвращаются сегодня к нам.

17. Литература в лицах: Фотографии русских писателей из собрания Государственного Литературного музея, 1850 – 1916: альбом-каталог / Федер. агентство по культуре и кинематографии, Гос. лит. музей; [под общ. ред. М.С. Гомозковой; авт.-сост. О.Л. Залиева и др.; авт. ст. Ю.Я. Герчук]. – М.: Три квадрата, 2008. – 250, [5] с. : ил. ; 30 см. – Указ. имен: с. 247–251.

18. Морозова, Яна Владимировна. Религиозно-общественные проекты М.К. Морозовой и Е.Н. Трубецкого: историко-философский анализ: автореферат на соискание ученой степени канд. филос. наук: специальность 09.00.03 – история философии / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2008. – 24 с.; 21 см. – Библиогр.: с. 24 и в подстроч. примеч.

19. Нэтеркотт, Френсис. Философская встреча: Бергсон в России (1907 – 1917) / пер. [с фр.] и предисл. Ирины Блауберг. – М.: Модест Колеров, 2008. – 431 с.; 17 см. – (Исследования по истории русской мысли /

под общ. ред. М.А. Колерова; Т. 13). – Библиогр.: с. 403–426, в примеч.: с. 317–402 и в подстроч. примеч. предисл.

20. «Очистим Россию надолго...»: Репрессии против инакомыслящих, конец 1921 – начало 1923 г. / сост.: А.Н. Артизов, З.К. Водопьянова, Е.В. Домрачева [и др; под. ред. А.Н. Артизова, В.С. Христофорова; вступ. ст. А.Н. Артизова]. – М.: Международный фонд «Демократия»; Материк, 2008. – 844 с.; 24 см. – (Россия. XX век / сер. осн. в 1977 г. А.Н. Яковлевым. Документы). – Библиогр. в подстроч. примеч. – Имен. указ.: с. 803–819.

В процессе формирования тоталитарного режима в Советской России переломным моментом явился 1922 г. Переход к нэпу ознаменовался ужесточением борьбы с инакомыслящими: политическими оппонентами, Церковью, интеллигенцией и др. В сборнике впервые объединен корпус основных источников, содержащих сведения о репрессивной политике советской власти в конце 1921 – начале 1923 годов, кульминацией которой явилась акция, известная под названием, «Философский пароход». На основе документов высших партийных и государственных органов власти и управления показаны подготовка, ход и завершение операции по высылке за границу и ссылке в отдаленные районы страны инакомыслящих.

21. Петр Яковлевич Чаадаев / изд. подгот. Б.Н. Тарасов. – М.: Русскій Міръ, 2008. – 735 с., [16] л. ил., факс., портр.; 22 см. – (Русскій міръ в лицах). – Библиогр.: с. 730–731 и в подстроч. примеч.

Очередная книга серии «Русский міръ в лицах» посвящена выдающемуся мыслителю Петру Яковлевичу Чаадаеву (1794–1856) – человеку, чье глубокое и многогранное наследие до сих пор вызывает жаркие споры. В книге собраны его важнейшие философские и публицистические труды, отзывы о Чаадаеве современников и позднейших исследователей его творчества. Многие материалы, вошедшие в издание, извлечены из архивов и печатаются впервые. Сборник снабжен обширными комментариями авторитетного ученого, специалиста-«чаадаеведа» Б.Н. Тарасова, имеющими самостоятельную ценность, и множеством редких иллюстраций.

22. Позняков, Николай Сергеевич. Преданный дар: избранные стихотворения / [сост. и подгот. текста В. Резвого; послесл. Е. Витковского]; Рос. гос. архив лит. и искусства. – М.: Водолей Publishers, 2008. – 174 с.: портр.; 17 см. – (Серебряный век / редкол.: ...Е. В. Витковский (пред.) [и др.]).

Случайная фраза, сказанная Мариной Цветаевой на допросе во французской полиции в 1937 г., навела исследователей на имя Николая Познякова (1893 – ок. 1969) поэта, учившегося в московской Поливановской гимназии не только с Сергеем Эфроном, но и с В. Шершеневичем и С. Шервинским. Позняков – участник альманаха «Круговая чаша» (1913); во время войны работал в Красном Кресте; позже попал в эмиграцию, где издал поэтический сборник, а еще стал советским агентом, фотографом, «парижской явкой». Как Цветаева и Эфрон, в конце 1930-х годов он уехал в СССР, в 1948 г. был репрессирован и вспоминался лишь как переводчик с древних языков (соавтор С.В. Шервинского по переводу «Антигоны»). В архиве Шервинского сохранились тетради со стихами Познякова; вместе с берлинской книгой они дали возможность подготовить литературное «воскрешение» поэта – наследника других «поливановцев» (Брюсова, Волошина, Белого). Еще одна «пропущенная страница» русской поэзии Серебряного века приходит к читателю.

23. Поляков А.Е. Словарь языка А.С. Грибоедова / сост. А.Е. Поляков. – М.: Языки славянских культур. – 2008 –

Т. 1 : А – З. – 2008. – 414, [1] с.

«Словарь языка А.С. Грибоедова» представляет собой первое полное лексикографическое описание языка великого русского писателя. Словарь включает более 12 тысяч словарных статей, которые охватывают все слова, встретившиеся во всех опубликованных текстах Грибоедова. Словарь создан на основе принципиально новой методологии подготовки словарей языка писателя, которая опирается на электронный корпус филологически размеченных текстов. Словарь содержит алфавитно-частотный конкорданс к текстам Грибоедова и ряд указателей (алфавитный, частотный, обратный, грамматический). Словарная статья включает лексему (заголовочное слово), ее грамматические признаки, суммарную частоту, а также список всех словоупотреблений. Для каждого словоупотребления указывается грамматическая форма, развернутый контекст и адрес в корпусе текстов. Словарь языка Грибоедова ориентирован на всех филологов, занимающихся изучением творчества Грибоедова, русской литературой и историей русского литературного языка. Словарь уникален по полноте охвата и детальности анализа лексического материала, что позволяет использовать его для решения широкого круга филологических задач: исследование особенностей стиля конкретного автора или периода, сравнение языка различных видов произведений, изучение употребления отдельных слов или грамматических форм в истории русского языка и др.

24. Порус, Владимир Натанович. У края культуры (философские очерки): [очерки о русской философской мысли от Владимира Соловьева до Густава Шпета] / В.Н. Порус. – М.: Канон+: Реабилитация, 2008. – 463 с.; 21 см. – Библиогр. в подстроч. примеч.

Новая книга доктора философских наук, профессора В.Н. Поруса вводит в круг проблем, связанных с кризисом современной европейской культуры. Опираясь на опыт русской философии Серебряного века, автор исследует причины духовных и культурных потрясений нашего времени. Во внешних признаках кризиса он усматривает проявления коренных антиномий европейского духа, пронизывающих все сферы, – от повседневности до оснований современной науки. Значительное место в книге занимают размышления об этике науки, о судьбах отечественной философии. Книга адресована всем, кто любит философию и ищет свое место в ней.

25. Пути искусства = Paths in art: Символизм и европейская культура XX века: материалы конференции, Иерусалим, 2003 / [сост. и науч. ред. Д.М. Сегал и Н.М. Сегал (Рудник)]. – М.: Водолей Publishers, 2008. – 470, [1] с.; 22 см. – Парал. тит. л. англ. – Библиогр. в конце ст.

В томе «Пути искусства» собраны работы, написанные по случаю Международной конференции «Символизм и европейская культура XX века», состоявшейся в мае 2003 г. в Еврейском Университете Иерусалима. Представлены исследования ведущих российских и западных ученых по проблемам русского, немецкого и французского символизма и постсимволизма, а также работы по поэтике таких выдающихся творцов, как Константинос Кавафис, Андрей Белый, Вячеслав Иванов, Федор Сологуб, Владислав Ходасевич, Уильям Батлер Йейтс, Стефан Георге, Анна Ахматова, Борис Пастернак и другие. Специальное внимание обращено на общий социокультурный контекст символистского и постсимволистского движения. Книга представляет интерес для ценителей поэзии и всех, интересующихся культурой XX века.

26. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви / Ин-т переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитар. и социал. наук МГУ им. М.В. Ломоносова, Каф. истории России Юж.-Урал. гос. ун-та; сост., авт. предисл. и коммент. М.А. Бабкин; [науч. ред. Б.Н. Миронов и др.]. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Индрик, 2008. – 627,

[5] с., [24] л. ил., факс.: ил.; 25 см. – Указатели: с. 543–576. – Библиогр.: с. 581–585.

27. Солженицын, Александр Исаевич. Собрание сочинений : в 30 т. / [ред.-сост. Н. Солженицына]. – М.: Время. – 2006. – ISBN 5–9691–0032–3

Т. 12 : Красное колесо: повествование в отмеренных сроках. Узел 3: Март Семнадцатого. кн. 2. – 2008. – 797, [1] с., [1] л. портр.

Во второй книге «Марта Семнадцатого» читатель погружается в бурные события второй недели Февральской революции, весть о которой облетела всю Россию через телеграф министерства путей сообщения. Ставка шлет полки против Петрограда. А у Таврического дворца победные речи. Одновременное формирование двух новых властей: Временного Правительства и Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов. Государь спешит из Ставки в Царское Село, к семье. Исполком рассылает разрушительный для Армии «Приказ № 1». Ставка отзывает полки, посланные на подавление. Отречение Николая II, Царских министров – в Петропавловскую крепость.

28. Сукач, Виктор Григорьевич. Василий Васильевич Розанов: биографический очерк; библиография, 1886 – 2007. – М.: Прогресс–Плеяда, 2008. – 220, [2] с., [9] л. портр.; 17 см. – (Русские писатели).

Краткий биографический очерк «Василий Васильевич Розанов» дает целостное представление о жизни и творческом пути выдающегося русского мыслителя. Дополняет книгу раздел библиографии, включающий не только книги В.В. Розанова, но и обширную литературу, посвященную писателю.

29. Тарасов, Борис Николаевич. Человек и история в русской религиозной философии и классической литературе: [сборник]. – М.: Кругъ, 2008. – 934 с., [16] л. ил., цв. ил.; 22 см. – Библиогр.: с. 924–925 и в подстроч. примеч. – Указ. имен: с. 906–923.

Писатель, философ, ректор Литературного института им. А.М. Горького Борис Николаевич Тарасов – автор книг «Паскаль» и «Чаадаев» в серии «Жизнь замечательных людей», «Непрочитанный Чаадаев, неуслышанный Достоевский», «Мыслящий тростник. Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей», «Историософия Ф.И. Тютчева в современном контексте» и др. Объединяет их обостренное внимание автора к тому историческому контексту, который породил столь великие личности, а также к той роли, которую каждая из них сыграла в истории мировой культуры. Недаром отличительной чертой этих книг является ощутимая связь героев минувших веков с современностью. Новая книга Б.Н. Тарасова знакомит читателя с миром русской духовной культуры, открывающим сокровенные тайны бытия, приводящие к разгадке «тайны человека» и того «куда движется история». Книга предназначена для филологов, философов, историков и широкого круга читателей, интересующихся русской духовной культурой.

30. Тихонов, Андрей Константинович. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. / Владимир. фил. Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – СПб.: Издательство С.–Петербургского университета, 2008. – 365, [2] с.; 20 см. – Библиогр.: в конце кн. и в подстроч. примеч.

В монографии, посвященной новой истории России последней четверти XVIII–начала XX в., излагаются проблемы отношения органов государственной власти центра и на местах с католическим, мусульманским и иудейским населением Российской империи в этот период. Анализируются становление законодательной базы, сложности взаимоотношений между государственными органами и религиозными общинами католиков, мусульман и иудеев в регионах, где они составляли большинство. Основное место уделено положению на окраинах Российской империи: в Царстве Польском, Западном крае,

Кавказском регионе, Средней Азии, а также Поволжье. Автор специально рассматривает деятельность соответствующих государственных органов и комитетов, которые были ответственны за положение католиков, мусульман и иудеев в Российской империи этого периода. Показано стремление властей страны создать «наднациональное» государство. Монография предназначена для преподавателей, научных работников, студентов, а также всех, интересующихся историей России и религиозными отношениями в Российской империи Нового времени.

31. Философия. Наука. Культура: «Вопросам философии» 60 лет: [лучшие статьи за 60 лет существования журнала] / [под. ред. В.А. Лекторского]. – М.: Вече, 2008. – 958, [1] с., [8] л. портр.; 27 см. – Библиогр. в примеч.: с. 887–952.

Предлагаемое издание содержит лучшие статьи, опубликованные в журнале «Вопросы философии» за все 60 лет его существования. Большинство из них никогда не переиздавались. Между тем каждая из этих статей – веха в истории отечественной философии, а многие из них означали поворотные пункты в развитии отечественного гуманитарного знания в целом. В книге рассмотрены принципиальные проблемы философии и методологии науки, философии культуры и философской антропологии, проблемы философского осмысления судеб России, ее прошлого и настоящего. Среди авторов статей – выдающиеся отечественные философы и знаменитые представители нашей науки и культуры. Данный том имеет общекультурное значение и может рассматриваться как своеобразное собрание «мыслящей» России.

32. Черных, Вадим Алексеевич. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой, 1889 – 1966 / Рос. акад. наук, Археогр. комис. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Индрик, 2008 . – 767 с. : ил. ; 25 см. – Библиогр. в подстроч. примеч. – Указ. имен: с. 711–765.

Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой закладывает надежную основу для биографии одного из крупнейших русских поэтов XX века. В Летописи приведены все факты творческой и личной жизни А. Ахматовой, поддающиеся точной или хотя бы приблизительной датировке. Все сведения снабжены ссылками на печатные и архивные источники. Второе издание Летописи значительно дополнено по сравнению с ее первым изданием (М., 1996–2003. Ч. 1–4). Аннотированный указатель имен содержит сведения о лицах, с которыми А. Ахматова поддерживала литературные и личные взаимоотношения. Книга предназначена как специалистам – литературоведам и историкам, так и широкому кругу читателей, интересующихся русской культурой XX столетия.

33. Шмидт, Сигурд Оттович. Памятники письменности в культуре познания истории России. – М.: Языки славянских культур. – 2007. – (Studia Historica).

Т. 1 : Допетровская Русь. кн. 2. – 2008. – С. 486–886, [3] с., [1] л. портр. – Библиогр.: с. 848–886, в примеч. в конце глав и подстроч. примеч.

В книге избранных трудов видного историка и культуролога С.О. Шмидта объединены работы, написанные в течение более чем пятидесяти лет. Это труды по истории и культуре России XII–XVII веков, о взаимодействии исследований собственно исторических и в жанре других гуманитарных наук, о приемах извлечения информации о культуре России из памятников письменности, о развитии знаний о памятниках письменной культуры и их источниковедческом потенциале. Издание объединяет в первой части книгу 1983 г. «Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного» и статьи о памятниках письменности XII–XVI столетий («Слове о полку Игореве», летописях, сочинениях

публицистов XVI в. (Иване Грозном, Курбском и др.), посольских книгах, приказном делопроизводстве). Во второй части – материалы о памятниках письменности XVI–XVII вв. (документальные публикации и исследования), статьи об истории изучения таких памятников и о виднейших отечественных ученых-гуманитариях. В приложении дается подборка отзывов на современные исследования.

34. Щировский, Владимир Евгеньевич. Танец души: стихотворения и поэмы / Владимир Щировский; [сост., послесл., коммент. В.В. Емельянова]. – М.: Водолей Publishers, 2008. – 198 с.: портр.; 17 см. – (Серебряный век / редкол.: ...Е.В. Витковский (пред.) [и др.]).

Одним из вершинных достижений русской поэзии в 1930-е годы стало творчество В.Е. Щировского (1909 – 1941). Поэт, оказавшийся столь социально чуждым советской власти (он был сыном сенатора), работавший в провинции то сварщиком, то электриком, то попадавший за решетку, погиб в Керчи под бомбежкой в 1941 году; чудом уцелела часть его архива. В книгу вошли все сохранившиеся произведения В. Щировского, а также краткие воспоминания о нем А.Н. Доррер, подруги жены поэта. Второе издание существенно дополнено материалами, которые лишь недавно стали доступны.

О ПУБЛИКАЦИЯХ НАШИХ СОТРУДНИКОВ И ОБ УЧАСТИИ В КОНФЕРЕНЦИЯХ: ЯНВАРЬ – ИЮЛЬ 2008

С.А. Баранова

1. Музыкальная гостиная «Дома А.Ф. Лосева» // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 7. – М.: Водолей-Publishers, 2008. – С. 77–80.
2. Вторая жизнь книг из домашних библиотек выдающихся российских ученых в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева». – М.: «Дом А.Ф. Лосева», 2008. – 43 с. [Сост. совместно с Е.Б. Виноградовой, Г.М. Мухамеджановой, Т.В. Чепуренко].

Н.А. Бекасова

- Советуем прочитать (Новые книжные поступления в «Дом А.Ф. Лосева»: 2007) // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 7. – М.: Водолей-Publishers, 2008. – С. 128–135.

Е.Б. Виноградова

1. О том, как «минутка» превратилась в «час»: новые формы работы московской медиатеки // Медиатека и мир. – 2008. – № 1. – С. 17-20.
2. Вторая жизнь книг из домашних библиотек выдающихся российских ученых в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева». – М.: «Дом А.Ф. Лосева», 2008. – 43 с. [Сост. совместно с С.А. Барановой, Г.М. Мухамеджановой, Т.В. Чепуренко].
3. Личная, персональная или домашняя? // Книга. Исследования и материалы.– М.: Наука, 2008.– СБ. 88/I.– С.132–148.
4. Мемориальные библиотеки: классификационный и типологический анализ. Дисс. … канд.пед.наук. М: РГБ, 2008. 269 с.

Т.С. Гущина

- Античные философы в книжном собрании Библиотеки «Дом А.Ф.Лосева» // Вторая жизнь книг из домашних библиотек выдающихся российских ученых в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева».– М.: «Дом А.Ф. Лосева», 2008. – С. 18–21.

В.В. Ильина

Публикации

1. Концепция развития Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» на период 2008–2012 гг. // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 7. – М.: Водолей-Publishers, 2008. – С. 3–18.
2. Библиотека «Дом А.Ф.Лосева»: модель информационного интеллект-центра // Публичная библиотека и культурное наследие: монографический сборник. – М.: Издательство ФАИР, 2008. С124–126.
3. Философский камень на Арбате [Беседу вел И. Буйнов] // Библиотечная газета. 2008. № 25 (205). С. 1, 6–7.

Участие в конференциях и семинарах

1. Библиотека «Дом А.Ф.Лосева» – новый культурный феномен [Доклад на XVI Международных Рождественских образовательных чтениях. Москва, «Дом А.Ф. Лосева», 30 января 2008].
2. Концептуальные подходы к организации и развитию «Библиотеки нового поколения» (на примере библиотеки «Дом А.Ф. Лосева») [Доклад на

15–й Юбилейной Международной конференции «Крым – 2008»: «Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса» Украина, Судак, 7–18 июня 2008 г.]

О.И. Козлова

- Тахо-Годи А.А. Учебники древних языков в книжном собрании А.Ф. Лосева / Беседу вела О.И. Козлова // Вторая жизнь книг из домашних библиотек выдающихся российских ученых в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева».– М.: «Дом А.Ф. Лосева», 2008. – С. 9-17.

В.Б. Кудрин

1. Совместные вечера с клубом «Зеленая лампа» (октябрь 2007 г. – январь 2008 г.) // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 7. – М.: Водолей-Publishers, 2008. – С. 75–77.
2. Гилетическая библиотека: Как создать Всемирный Банк Информации // Библиотечное дело. – 2008. – № 6. – С. 32-35.
3. К новой концепции Христианской науки // Интернет-издание Отдела Религиозного Образования и Катехизации МП, раздел «Рождественские Чтения-2008». XVI Международные Рождественские образовательные чтения. Режим доступа: www.prokimen.ru/cat_index_225.html

Участие в конференциях и семинарах

- К новой концепции Христианской науки [Доклад на XVI Международных Рождественских образовательных чтениях. Москва, 31 января 2008].

О.М. Ланенкнна

- Прикладные аспекты педагогической психологии // Психология обучения. – 2008. – № 1. – С. 106-112.

Т.В. Мошковская

Публикации

- Организация информационного пространства «библиотеки нового поколения» – Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» // Материалы 15–й Юбилейной Международной конференции «Крым – 2008»: «Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса» Украина, Судак, 7–18 июня 2008 г. – Режим доступа: http://www.gpntb.ru/win/inter–events/crimea2008/disk/71.pdf

Участие в конференциях и семинарах

1. Православие и Интернет: точки соприкосновения (Обзор интернет-ресурсов) [Доклад на XVI Международных Рождественских образовательных чтениях].
2. Организация информационного пространства «библиотеки нового поколения» – Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» [Доклад на 15–й Юбилейной Международной конференции «Крым – 2008»: «Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса» Украина, Судак, 7–18 июня 2008 г.]

Г.М. Мухамеджанова

1. Библиография публикаций о Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева»: август 2007 г.–январь 2008 г. // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 7. – М.: Водолей-Publishers, 2008. – С. 140–141 [Сост. совместно с Т.В. Чепуренко].
2. Вторая жизнь книг из домашних библиотек выдающихся российских ученых в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева». – М.: «Дом А.Ф. Лосева», 2008. – 43 с. [Сост. совместно с С.А. Барановой, Е.Б. Виноградовой, Т.В. Чепуренко].

М.С. Серпиков

1. О книжном собрании А.С. Богомолова в фонде Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 7. – М.: Водолей-Publishers, 2008. – С.123–126.
2. О книжном собрании З.А. Каменского в фонде Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» // Там же. – С.126–127.
3. Издания Б. Спинозы в книжном собрании А.Ф. Лосева в фонде Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» // Вторая жизнь книг из домашних библиотек выдающихся российских ученых в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева».– М.: «Дом А.Ф. Лосева», 2008. – С. 25-28.
4. О книжном собрании З.А. Каменского в фонде Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» // Там же. – С. 29-30.
5. Книжное собрание Э.А. Макаева в фонде Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» //Там же. – С. 31-37.
6. О книжном собрании Г.И. Соколова в фонде Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» // Там же. – С. 38-43.

Е.А. Тахо-Годи

Публикации

1. Бюллетень Библиотеки «Дом А.Ф.Лосева» / Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф.Лосева». Вып.6. – М.: Водолей Publ., 2007. – 126 с.
2. Хроника научной жизни: октябрь–декабрь 2006 г. Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф.Лосева». Вып. 7. М., 2008. С.62–75 (совместно с В.П.Троицким, М.Ю.Эдельштейном, В.Б.Кудриным)
3. Античность и русская культура Серебряного века. Предварительные материалы: К 85-летию А.А.Тахо-Годи / Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева»; Отв. ред. Е.А.Тахо-Годи, М.Ю.Эдельштейн. – М.: Изд-во ФАИР, 2008. – 140 с. – (XII Лосевские чтения).
4. XII «Лосевские чтения» – Международная научная конференция «Античность и русская культура Серебряного века» (к 85-летию проф. А.А. Тахо-Годи) // Вестник МГУ. Сер. Филология. 2008. № 2. С. 179–183 (совместно с М.Ю. Эдельштейном).
5. [О романе Сержа Кибальчича (С.А.Кибальника)] Виртуальный круглый стол, посвященный роману Сержа Кибальчича «Поверх Фрикантрии, или Анджело и Изабела» //Кибальчич С. Поверх Фрикантрии, или Анджело и Изабела. СПб.: ИД «Петрополис», 2008. С. 257–259.
6. Жигулин // Большая Российская Энциклопедия. Т. 10. М., 2008.
7. Об Андрее Белом, Федоре Степуне, Дмитрии Чижевском и одной несостоявшейся публикации в «Современных записках» (по архивным материалам) // Литература русского зарубежья (1920-1940-е годы): Взгляд из XXI

века". Материалы Международной научно-практической конференции 4-6 октября 2007 г. Санкт-Петербург, 2008. С. 110–122 (совместно с М. Шруба).

Участие в конференциях и семинарах

1. Издательская деятельность Библиотеки «Дом А.Ф.Лосева» – [Доклад на XVI Международных Рождественских образовательных чтениях. Москва, «Дом А.Ф. Лосева», 30 января 2008]
2. «В поисках Небесной Родины: Лосев и Жуковский» [Доклад на конференции «Василий Андреевич Жуковский: К 225-летию со дня рождения», Москва, Государственный музей А.С.Пушкина, февраль 2008];
3. «А.Ф. Лосев – писатель» [Доклад на семинаре «Творчество А.Ф.Лосева: проблемы и перспективы», Библиотека истории русской философии и культуры «Дом А.Ф.Лосева», март 2008];
4. «Художественные особенности «Диалектики мифа» А.Ф. Лосева» [Доклад на семинаре «Русская философия», Париж, Франция, Centre russe de L'EHESS, Maison des sciences de l'homme, июнь 2008];

В.П. Троицкий

Публикации

1. Эмпирия и Эмпирея (к пониманию мурановской иконы «Взыскание погибших») // Энтелехия (г. Кострома). – 2007. – № 16, июль–декабрь. – С. 65–71.
2. *Лосев А.Ф.* О единстве онтологии // *Credo new*. Теоретический журнал (СПб.). – 2008. – № 1 (53).– С. 17–35. [Подготовка к публикации и комментарий].
3. *Лосев А.Ф.* Логическая теория числа // Философия, наука, культура. «Вопросам философии» 60 лет. – М.: Вече, 2008. – С. 450–490, 919. [Подготовка к публикации и комментарий].
4. *Лосев А.Ф.* Вещь и имя. С***а***мое сам***о***. – СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. – 574 с. (Серия «Философско-богословские сочинения»). [Подготовка текста и общая редакция (совместно с А.А. Тахо-Годи)].
5. «Духовная Русь» – неосуществленная религиозно-национально-философская серия // *Тахо-Годи Е.* Великие и безвестные. Очерки по русской литературе и культуре XIX – XX вв. – СПб., Нестор-История, 2008. – С. 425–442 (совместно с Е.А. Тахо-Годи).
6. Семинар «Русская философия (традиция и современность)». Хроника. Октябрь – декабрь 2007 г. // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 7. – М.: Водолей Publishers, 2008. – С. 47–62.
7. Хроника научной жизни: сентябрь 2007 г. – январь 2008 г. // Там же. – С. 62–30 (совместно с Е.А. Тахо-Годи, В.Б. Кудриным, М.Ю. Эдельштейном).
8. *Лосев А.Ф.* О единстве онтологии // Там же. – С. 88–101. [Подготовка к публикации и примечания].
9. Письма священника Павла Флоренского Н.А. Бердяеву // Там же. – С. 101–104. [Подготовка к публикации и вступительная заметка].

Участие в конференциях

1. Собирание выразительного арсенала культуры: замысел и завет ГАХНа. [Доклад на Международной научной конференции «Наука об искусстве в России 1920-х годов», РГГУ, 29 февраля 2008 г.].

2. «Философский Арбат» и «Дом Лосева». [Доклад на XV Международной научной конференции «Ломоносов – 2008», философский факультет МГУ, 10 апреля 2008 г.].
3. А.Ф. Лосев – философ и писатель. [Лекция в Доме ученых г. Пущино-на-Оке, 19 мая 2008 г.].
4. Выступление на круглом столе «Биография продолжается… К 20-летию кончины А.Ф. Лосева», Библиотека «Дом А.Ф. Лосева», 24 мая 2008 г.

Т.В. Чепуренко

1. Библиография публикаций о Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева»: август 2007 г.–январь 2008 г. // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 7. – М.: Водолей Publishers, 2008. – С. 140–141 (Сост. совместно с Г.М. Мухамеджановой).
2. Вторая жизнь книг из домашних библиотек выдающихся российских ученых в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева». – М.: «Дом А.Ф. Лосева», 2008. – 43 с. (Сост. совместно с С.А. Барановой, Е.Б. Виноградовой, Г.М. Мухамеджановой).

М.Ю. Эдельштейн

- XII «Лосевские чтения» – Международная научная конференция «Античность и русская культура Серебряного века» (к 85-летию проф. А.А. Тахо-Годи) // Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 7. – М.: Водолей-Publishers, 2008. – С.19–31.
- XII «Лосевские чтения» – Международная научная конференция «Античность и русская культура Серебряного века» (к 85-летию проф. А.А. Тахо-Годи) // Вопросы философии. – 2008. – № 5. – С.169-174.
- XII «Лосевские чтения» – Международная научная конференция «Античность и русская культура Серебряного века» (к 85-летию проф. А.А. Тахо-Годи) // Вестник МГУ. Сер.9 «Филология». – 2008. – № 2. С. ??? (совместно с Е.А. Тахо-Годи).
- Книжная полка Михаила Эдельштейна // Новый мир. – 2008. – № 6.– С.195-202.
- Античность и русская культура Серебряного века. Предварительные материалы: К 85-летию А.А. Тахо-Годи. [Вып.1]. – М.: Изд-во ФАИР, 2008. – 140 с. – (XII Лосевские чтения). (Отв. ред. совместно с Е.А. Тахо-Годи).

Библиография публикаций о Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева»: январь–август 2008 г.

Калюжный Г.П. Мы все ее ученики: К 85-летию Азы Алибековны Тахо-Годи // Рос. писатель. – 2007. – № 24.– Декабрь.– С. 6.

Рябоконь Е. Давайте верить в чудеса! // Арбатские вести. – 2008. – №1. – С. 7.

Помнить и изучать // Арбатские вести. – 2008. – № 2.– С. 1.

Тахо-Годи А.А. Я сослан в XX век: О философе Алексее Лосеве рассказывает его спутница жизни Аза Тахо-Годи / Беседовала Е.Новоселова // Рос. газ. – 2008. – № 24.– 6 февраля.– С. 14.

Дети, звери и цветы. Антон Куманьков: Библиотека «Дом А.Ф.Лосева» – Дом-музей Марины Цветаевой / Материал подгот. В. Португалова // Галерея изящных искусств. – 2008. – № 2. – С. 8.

Матлина С.Г. Нужны ли библиотекам музейные подразделения? О библиотеках-музеях и мемориальных библиотеках // Библиотечное дело. – 2007. – № 18. – С. 2-6 [О Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А.Ф.Лосева» на с. 5-6].

Мал золотник, да дорог: «Гибриды» или «новые виды»? / Подгот. Т. Филиппова, С. Матлина // Библиотечное дело. – 2007. – № 18. – С. 7-13. [О Библиотеке «Дом А.Ф.Лосева» как симбиозе мемориальной и публичной библиотеки, музея, научного, культурного и религиозно-нравственного центра на с.11]

«Даруй мне тишь твоих библиотек…»: 23 апреля пройдет Городской праздник книги и чтения в Библиотеке «Дом А.Ф.Лосева» // Арбатские вести. – 2008. – № 7. – Апрель. – С. 2.

Рахманинову посвящается… // Арбатские вести. – 2008. – № 6 . – С. 4.

Рябоконь Е. Понедельник начинается в субботу //Арбатские вести. – 2008.– № 8. – Апрель. – С. 4.

Газета «Наш Арбат» названа в числе победителей конкурса «Люди для людей – 2007» // Наш Арбат. – 2008. – № 2 (24). – Апрель. – С. 4.

Волков В.Е. Московский акцент: [Беседа с ген. директором изд-ва «Русскій міръ»] / Беседу вел А. Нефедов // Тверская, 13. – 2008. – № 54. – 26 апр. – С. 12-13.

[Краткое сообщение о презентации книги «Петр Яковлевич Чаадаев», прошедшей в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева»] // Лит. газета. – 2008. – № 19. – 7-13 мая. – С. 5.

«Я живу на Арбате…»: Мероприятия, посвященные 515-летию Арбата, подготовленные управой и муниципалитетом // Арбатские вести. – 2008. – № 9. – Май. – С. 2.

Фестивали, выставки: План работы Общественного совета при главе управы по культурному наследию района Арбат // Арбатские вести. – 2008. – № 9. – Май. – С. 2.

Перова Е. Книги нашего детства // Арбатские вести. – 2008. – № 9. – Май. – С. 6.

Какая будет ночь! // Арбатские вести. – 2008. – № 9. – Май. – С. 8. [Анонс мероприятий запланированных в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» в международной акции «Ночь в музее»].

Тахо-Годи А.А. Философ сам по себе. 20 лет назад умер Алексей Федорович Лосев // Рос. газета. – 2008. – 23 мая. – № 110. – С. 12.

Яковлева Е. [Информация о мероприятиях, посвященных 20-летию со дня смерти А.Ф.Лосева в России и во Франции] // Рос. газета. – 2008. – 23 мая. – № 110. – С. 12. – Под общ. загл.: Философ сам по себе.

Яковлева Е., Новоселова Е. Мировой дух знает: Как в Москве вспоминали Алексея Лосева // Рос. газета. – 2008. – 27 мая. – № 112. – С. 9.

«Лампа» погасла до осени // Арбатские вести. – 2008. – № 10. – Май. – С. 5. [О завершении девятого сезона работы «Клуба зеленая лампа Арбата» в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева»].

Рябоконь Е. «…никогда до конца не пройти тебя!» // Арбатские вести. – 2008. – № 10. – Май. – С. 7 [о Школе арбатоведения, открытой при Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева»].

Ступник О. День влюбленных в книгу // Лит. газ. – 2008. – 18-24 июня – № 25. – С. 3 [О фестивале «Читающий Арбат», инициатором которого является Библиотека «Дом А.Ф. Лосева»].

Эдельштейн М.Ю., Тахо-Годи Е.А. XII Лосевские чтения – Международная научная конференция «Античность и русская культура Серебряного века»: (К 85-летию проф. А.А.Тахо-Годи) // Вестн. Моск. ун-та. Сер.9. Филология. – 2008. – № 2. – С. 179-183.

Виноградова Е.Б. О том, как «минутка» превратилась в «час»: новые формы работы московской медиатеки // Медиатека и мир. – 2008. – № 1. – С. 17-20.

Рябоконь Е. Далекий Кипр стал ближе: У Арбата в Никосии появился район-побратим // Арбатские вести. – 2008. – № 13. – Июль. – С. 1,4.

«Наш путь суров…» // Арбатские вести. – 2008. – № 13. – Июль. – С. 6 [об открытии в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева выставки, посвященная 110-летию со дня рождения Валентины Михайловны Лосевой (1898-1954)].

На праздник – всей семьей // Библиотека. – 2008. – № 7. – С. 1 [Краткая информация о проведении третьего фестиваля «Читающий Арбат»].

Ларионова Д. Картины времени в зеркале жизни // Пущинская среда. – 2008. – № 21(652). – 28 мая. – С. 19 [Встреча научного сотрудника «Дома А.Ф.Лосева» В.П. Троицкого с научной общественностью в Доме ученых г. Пущино].

Сост. Г.М. Мухамеджанова, Т.В. Чепуренко

О НАШИХ АВТОРАХ

- *Баранова Светлана Аркадьевна* – заместитель директора «Дома А.Ф. Лосева» по связям с общественностью
- *Бекасова Нина Алексеевна* – сотрудник отдела комплектования и научной обработки «Дома А.Ф. Лосева»
- *Ильина Валентина Васильевна* – директор «Дома А.Ф. Лосева»
- *Козырев Алексей Павлович* – зам.декана философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- *Кудрин Виктор Борисович* – гл. библиотекарь «Дома А.Ф. Лосева»
- *Малинаускене Надежда Касимовна* – кандидат филологических наук
- *Мошковская Татьяна Владимировна* – заместитель директора «Дома А.Ф. Лосева»
- *Мухамеджанова Генриетта Михайловна* – заведующая справочно-библиографическим отделом«Дома А.Ф. Лосева»
- *Никитин Валентин Арсентьевич* – доктор философии, академик РАЕН
- *Тахо-Годи Аза Алибековна* – доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, Председатель Культурно-просветительского общества «Лосевские беседы»
- *Тахо-Годи Елена Аркадьевна* – доктор филологических наук, заведующая отделом изучения наследия А.Ф. Лосева «Дома А.Ф. Лосева» и мемориально-выставочной работы, преподаватель МГУ им. М.В. Ломоносова
- *Троицкий Виктор Петрович* – ст. научный сотрудник «Дома А.Ф. Лосева»
- *Узелац Милан* (Сербия) – ординарный профессор онтологии и эстетики университета в г. Нови Сад, профессор философского факультета в Косовской Митровице
- *Фумиказу Осука* (Япония) – профессор Национального университета г. Иокогама
- *Чепуренко Татьяна Васильевна* – сотрудник справочно-библиографического отдела «Дома А.Ф. Лосева»

СОДЕРЖАНИЕ

«Дом А.Ф. Лосева» – события и факты
Ильина В.В Место библиотеки в социальной и культурной коммуникации столичного мегаполиса. 3

Культурная и научная жизнь «Дома А.Ф. Лосева»
День памяти А.Ф. Лосева: К 20-летию кончины (торжественное заседание 24 мая 2008 г.) (стенограмма). 10
Троицкий В.П. Семинар «Русская философия (традиция и современность)». Хроника. Март – май 2008 г. 33
Тахо-Годи Е.А., Троицкий В.П. Хроника научной жизни: февраль – май 2008 г. 41
Никитин В.А. XVI Международные рождественские образовательные чтения: «Церковь и культура» 49
Кудрин В.Б. Совместные вечера с клубом «Зеленая лампа Арбата» (февраль–май 2008 г.) 54
Баранова С.А. Музыкальная гостиная «Дома А.Ф. Лосева» 56

Из архива
Лосев А.Ф. Эмпиризм и наука. *Публикация А.А. Тахо-Годи. Подготовка рукописи к публикации и примечания В.П. Троицкого* 59

Наши публикации
Осука Фумиказу (Япония). Объект и идеал-реализм в философии Серебряного века 71
Узелац Милан (Сербия) Каково предназначение философии? 78
Козырев А.П. Боги на панели (Эссе) 89

Справочно-библиографический раздел
Малинаускене Н.К. К 20-летию Всесоюзной научной конференции «Алексей Федорович Лосев и культура XX века» (Москва, май 1989 г.) 95
Мошковская Т.В. Православие и Интернет: точки соприкосновения (Обзор интернет-ресурсов) 104
Бекасова Н.А. Советуем прочитать (Новые книжные поступления в «Дом А.Ф. Лосева»: 2008). 108
О публикациях наших сотрудников и об участии в конференциях: январь–июнь 2008 г. 118
Библиография публикаций о Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева». 122

О наших авторах 125

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Бюллетень Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева». Вып. 8. – М.: Водолей Publishers, 2009. – 128 с.; 8 л. илл.

ISBN 978-5-9796-0056-7

119002, Москва, ул. Арбат, д. 33/12
Библиотека истории
русской философии и культуры
«Дом А.Ф. Лосева».

Подписано в печать 17.01.2009 г.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Формат 62x84 $^{1}/_{16}$. Уч.-изд.л. 9,1. Печ. л. 8.
Заказ № . Тираж 200 экз.